

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
(НОВОЧЕРКАССКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА)**

Научно-образовательный и прикладной журнал

Издается с 2008 г.

Периодичность серии 6 номеров в год

№1 2018 г.

Серия Социально-экономические науки

Содержание	Contents
Экономика и управление народным хозяйством	Economics and National Economy Managing
<i>Кузнецов В. В., Гайворонская Н. Ф.</i> Новая нормальность как особые условия инновационного развития сельского хозяйства.....4	<i>Kuznetsov V. V., Gaivoronskaya N. F.</i> The New Normality as Special Conditions for Innovative Development Agriculture.....4
<i>Сухарев О. С., Ворончихина Е. Н.</i> Эмпирический анализ структуры экономического роста в некоторых странах: Россия, Китай, Германия, США, Япония.....11	<i>Sukharev O. S., Voronchikhina E. N.</i> An Empirical Analysis of the Structure of Economic Growth in Some Countries: Russia, China, Germany, USA, Japan.....11
<i>Передерий М. В., Ткалич Г. И.</i> Системотехнические основы проектирования организационных структур бизнес-групп и других консолидационных группировок на основе единой инфраструктуры.....20	<i>Perederiy M. V., Tkalich G. I.</i> Engineering Bases of Design of Organizational Structures, Business Groups and Other Consolidation Groups Based on a Shared Infrastructure.....20
<i>Хальфин Р. М.</i> Экономическая сущность контроля как функции корпоративного управления, ее особенности в управлении закупками....26	<i>Khalfin R. M.</i> The Economic Essence of Control as a Function of Corporate Management, Especially in Procurement Management.....26
<i>Погорелова Л. А.</i> Об оценке уровня инновационных проектов.....32	<i>Pogorelova L. A.</i> Assessment of the Level of Innovative Projects.....32
<i>Критина Е. Д.</i> Совершенствование управления	<i>Kritina E. D.</i> Improvement of Housing Management

жилищным фондом в условиях реформирования ЖКХ.....37	in the Context of Housing and Communal Services Reform.....37
Новикова Н. Б. Разработка модернизационных проектов в условиях реиндустриализации.....42	Novikova N. B. Development of Modernization Projects in the Conditions of Reindustrialization.....42
Фетюхина О. Н., Мишустина Т. Н., Игнатъева Т. С. Проблемы мотивации труда и стимулирования персонала предприятий агробизнеса.....49	Fetyukhina O. N., Mishustina T. N., Ignatyeva T. S. Problems of Labor Motivation and Staff Intentive in Agricultural Companies.....49
Алиева Н. В. Государственное регулирование земельных отношений в рыночных условиях за рубежом.....54	Alieva N. V. State Regulation of Land Relations in Market Conditions Abroad.....54
Овчинникова Н. Г., Гаранова М. В., Бурдова Д. В. Устойчивое развитие территории посредством градостроительной деятельности.....57	Ovchinnikova N. G., Garanova M. V., Burdova D. V. Sustainable Development of the Area Through Urban Development Activities.....57
Калугин А. М. Финансово-экономический анализ развития отрасли электроэнергетики в регионах Российской Федерации за 2015–2017 гг.....61	Kalugin A. M. Financial and Economic Analysis of the Development of the Electric Power Industry in the Regions of the Russian Federation for 2015–2017.....61
<hr/>	
Социальная структура, социальные институты и процессы	Social Structure, Social Institutions and Processes
<hr/>	
Николаева Л. С., Устинова Т. Е., Яцкая Е. Н. Основные подходы исследования понятия «бедность» и категории малообеспеченных семей в современной России.....71	Nikolaeva L. S., Ustinova T. E., Yatskaya E. N. Major Approaches to the Study of the Concept «Poverty» and Low-income Families in Russia.....71
Серкина М. С., Мозговая Е. И., Кулабухов Д. А. Специфика интеграции пожилых людей в городской социум средствами культурно-досуговой деятельности.....77	Serkina M. S., Mozgovaya E. I., Kulabuhov D. A. Specificity of Integration of Elderly People into Urban Society by Means of Cultural and Leisure Activities.....77
Низовцев В. В., Дегтярев А. К. Группы правового риска в российском обществе.....83	Nizovtsev V. V., Degtyarev A. K. Legal Risk Groups in Russian Society.....83

Николаева Л. С., Устинова Т. Е., Яцкая Е. Н. Понятие социального самочувствия и социальной адаптации семей в современном российском обществе.....	Nikolaeva L. S., Ustinova T. E., Yatskaya E. N. The Concept of Social Well-Being and Social Adaptation of Families in the Contemporary Russian Society.....	90	90
Гуань Шаоян, Юе Сюе Анализ политического дискурса в рамках теории концептуальной метафоры.....	Guan Shaoyang, Yue Xue Analysis of Political Discourse within the Framework of Conceptual Metaphor Theory.....	96	96
Верещагина А. В., Курбатов В. И., Попов А. В. Неблагополучное детство в России: парадоксы управленческой реальности в сфере семейных отношений.....	Vereshchagina A. V., Kurbatov V. I., Popov A. V. A Dysfunctional Childhood in Russia: Paradoxes of a Managerial Reality in the Sphere of Family Relations.....	100	100
Рачина А. В., Щербакова Л. И., Янкина И. А. Эффективность государственного и муниципального управления: к вопросу о роли социальных оценок (на примере молодежи).....	Rachipa A. V., Shcherbakova L. I., Yankina I. A. Effectiveness of Public Administration and Municipal Administration: on the Role of Social Assessments (Youth Case Study).....	107	107

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНЫМ ХОЗЯЙСТВОМ

УДК 005.591.6:338.43

НОВАЯ НОРМАЛЬНОСТЬ КАК ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

© 2018 г. В. В. Кузнецов, Н. Ф. Гайворонская

Всероссийский научно-исследовательский институт экономики и нормативов — филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный Ростовский аграрный научный центр», г. Ростов-на-Дону

В статье рассмотрены сущность и содержание понятия «новая нормальность». Предложены основные направления экономико-финансового обеспечения процессов инновационно-технологического развития отрасли растениеводства. Выделены меры общегосударственного и конкретного воздействия, направленные на экономико-финансовое обеспечение инновационно-технологического развития растениеводства в условиях новой нормальности. Из этих мер названы: обеспечение паритета цен на сельскохозяйственную продукцию с ценами на промышленные ресурсы, поставляемые сельскому хозяйству; создание развитой рыночной инфраструктуры в сельской местности; развитие несельскохозяйственной деятельности в сельских территориях; совершенствование управления социально-экономическими процессами в сельском хозяйстве; укрепление кадрового потенциала на селе и ряд других.

Ключевые слова: новая нормальность; инновационно-технологическое развитие; растениеводство.

The essence and content of the concept «new normality» are considered in the article. The main directions of economic and financial support of the processes of innovative and technological development of the plant growing are proposed. Measures of nation-wide and concrete impact aimed at providing economic and financial support for the innovative and technological development of crop production under the conditions of a new normality have been singled out. Of these measures, the following are named: ensuring parity of prices for agricultural products with prices for industrial resources supplied to agriculture; creation of a developed market infrastructure in rural areas; development of non-agricultural activities in rural areas; improving the management of socio-economic processes in agriculture; strengthening of human resources in the countryside and a number of others.

Key words: new normality; innovation and technological development; crop production.

Инновационно-технологическое развитие растениеводства, по мнению ученых ФГБНУ ВНИИЭиН, представляет собой процесс замещения одной технологии производства сельскохозяйственной продукции на другую, более совершенную, характери-

зующуюся прогрессивными технологиями выращивания, уборки, хранения и первичной обработки продукции сельскохозяйственных культур, использованием новых высокоэффективных сортов и гибридов культур, прогрессивных видов и способов применения удобрений, средств защиты растений от вредителей и болезней, применением усовершенствованных форм организации производства, труда и управления и пр., и обеспечивающих в конечном счете повышение эффективности производства при заданных условиях [1].

В настоящее время внедрение инноваций в сельском хозяйстве в целом и в отрасли растениеводства в частности осуществляется медленными темпами, и одной из важнейших причин этого является отсутствие, на наш взгляд, должного экономико-финансового обеспечения этого процесса. В научной среде идет активное обсуждение создающейся неблагоприятной среды для сельского хозяйства, ученые предлагают свои варианты решения многих проблем, применение которых на практике могло бы значительно улучшить ситуацию в сельском хозяйстве. Проблемам современного сельского хозяйства и ускорения его инновационно-технологического развития посвящены многочисленные публикации отечественных авторов [1, 2, 3].

Термин «новая нормальность» вновь стал одним из популярных на Западе после финансового кризиса 2008 года. При этом характеризуется это понятие по-разному [5, 6, 7]. В экономической литературе для характеристики современного состояния мировой экономики употребляются различные термины: «new normal», «новая нормальность», «новая реальность», «новая норма». Имеются публикации, в которых говорится о том, что концепция «new normal» впервые была введена в научный оборот и внятно сформулирована в 2009 г. американскими экономистами Биллом Гроссом и Мохамедом А. Эль-Эрианом, по мнению которых, «new normal» — это новое состояние мировой экономики в течение длительного периода кризиса, характеризующееся низкими темпами экономического роста, высоким уровнем безработицы, обнищанием определенных слоев населения и невозможностью исправить эту ситуацию используемыми ранее драйверами восстано-

вительного роста, то есть мировая экономика не восстановится в полной мере и не вернется к докризисной ситуации [4].

По мнению других экономистов, «новая нормальность» — это контролируемое замедление экономического роста с переориентацией на более устойчивое развитие за счет роста внутреннего потребления (Китай); по мнению третьих, это снижение темпов роста, высокая волатильность рынков и снижение эффективности традиционной государственной политики (Россия). Есть и другие варианты мнений относительно категории «новая нормальность» [5]. Однако практически все они свидетельствуют о конце эпохи экстенсивного развития экономики и о том, что теперь необходимо использовать другие инструменты управления, учитывать новые риски.

По нашему мнению, «новая нормальность» — это современное состояние мировой и региональных экономик после финансового кризиса 2008 г., характеризующееся в аграрном секторе российской экономики снижением эффективности традиционной государственной политики, ухудшением внутренних и внешних условий функционирования аграрного производства, требующее учета новых сложнейших рисков, применения новых инструментов управления, правил и подходов, способствующих переходу отрасли на высокие технологические уклады и улучшению социально-экономического положения сельского населения.

Анализ основных признаков и особенностей проявления «новой нормальности» в России показывает, что наиболее значимыми, влияющими на процессы технологического развития отраслей сельского хозяйства, являются следующие: низкая доходность сельскохозяйственных товаропроизводителей и как результат — низкий базовый уровень технологического развития сельского хозяйства; низкая покупательная способность населения; недостаточный уровень поддержки сельского хозяйства и ухудшающийся в результате этого инвестиционный климат в отрасли; неразвитая система страхования; отток квалифицированных кадров из села; неразвитая социальная и рыночная инфраструктура села и др.

Можно предположить, что исходя из условий «новой нормальности» целесообразно

сформировать новые подходы к обеспечению модернизационного роста экономики и повышению ее конкурентных позиций как на внешних, так и на внутренних рынках. Видимо, потребуется создать новую систему приоритетов, сменить акценты политики с защитных мер протекционизма на наступательную политику и экспансию отечественной сельскохозяйственной продукции на мировые рынки. Это потребует изменения не только экономических инструментов стимулирования инновационных преобразований, но и трансформацию институциональной среды, поскольку, как нам представляется, эффективность принятых мер будет зависеть от согласованности всех институтов: политических, экономических и идеологических. Основными проблемами, которые предстоит решить, по-видимому, будут степень государственного вмешательства в процессы, уровень конкурентоспособности отрасли, а также наличие ограничений на рост физических объемов производства в отрасли, обусловленных не только платежеспособностью потребителей, но и достигнутым в стране довольно высоким уровнем удовлетворения спроса на ряд продуктов [6].

Исходя из этого, можно предположить, что наиболее целесообразным ответом на вызовы такой «новой нормальности» может стать реализация в стране концепции «технологического рывка» в сельском хозяйстве, активное развитие производств пятого и шестого технологических укладов. В соответствии с этой концепцией целесообразно на государственном уровне обеспечить приоритетность развития сельского хозяйства страны, принять комплекс государственно-рыночных мер экономико-финансового обеспечения процессов инновационно-технологического развития, перевода на новую, ускоренную траекторию роста, а также принять ряд мер по увеличению объемов глубокой переработки растительного сырья и увеличению объемов экспорта продукции.

Основные направления экономико-финансового обеспечения процессов инновационно-технологического развития отрасли растениеводства в условиях «новой нормальности», на наш взгляд, можно условно разделить на две большие группы: меры общегосударственного характера, осуществляемые

в масштабах страны для сельского хозяйства в целом (весьма значительно, но опосредованно воздействующие на отрасль растениеводства), и мероприятия конкретного воздействия на развитие растениеводства.

Среди мер общегосударственного характера, направленных на экономико-финансовое обеспечение инновационно-технологического развития растениеводства в условиях «новой нормальности», является обеспечение паритета цен на сельскохозяйственную продукцию с ценами на продукцию других отраслей, поставляющих ресурсы сельскому хозяйству, и последующее поддержание паритетных взаимоотношений между отраслями экономики. Эта мера значительно улучшит финансовое обеспечение сельскохозяйственных товаропроизводителей за счет собственных и привлеченных средств и позволит экономить бюджетные средства на поддержку отрасли.

Огромное значение для улучшения финансового обеспечения отрасли смогут оказать мероприятия по созданию в стране развитой рыночной инфраструктуры (биржи, электронные торги, фьючерские сделки и пр.).

Предполагается, что другой, весьма значимой, мерой для обеспечения процессов инновационно-технологического развития растениеводства может стать зонирование территории России, которое позволит на научной основе размещать производство различных культур по регионам страны, что будет способствовать повышению эффективности производства в отрасли и, соответственно, повышению самообеспеченности финансовыми средствами для инновационного развития. Зонирование позволит определить зоны товарного производства той или иной сельскохозяйственной продукции (то есть зоны интенсивного производства), зоны экстенсивного производства, зоны орошения, осушения земель, зоны сбора дикорастущих растений и пр. Осуществлять зонирование необходимо будет не только с учетом фактического состояния отрасли, но и с использованием научных подходов к изменению структуры посевов (посадок) с учетом максимального использования природного потенциала территорий. На основании такого зонирования можно будет осуществлять дифференциацию направлений и уровней государственной под-

держки сельского хозяйства. Например, в зонах экстенсивного производства финансовую поддержку будет целесообразно осуществлять в расчете на 1 га посевов культур, рекомендуемых для выращивания в этой зоне; для зон, где требуется проведение мелиоративных работ, — в расчете на 1 га создания (впоследствии и эксплуатации) этих земель; в зонах интенсивного производства — в расчете на количество применяемых факторов интенсификации (компенсация части затрат на удобрения, приобретение высокопроизводительной техники и пр.).

Одновременно с этим следует уделить внимание развитию несельскохозяйственной деятельности в сельских населенных пунктах, в первую очередь создавать предприятия по глубокой переработке сельскохозяйственного сырья. Такая мера, на наш взгляд, будет способствовать повышению занятости сельского населения, уменьшит количество посредников между сельскохозяйственными товаропроизводителями и конечными потребителями, будет способствовать созданию справедливых отношений по распределению конечной прибыли между сельскохозяйственными товаропроизводителями и переработчиками, увеличит поступление налогов в местные бюджеты и тем самым будет способствовать развитию сельских территорий.

Для финансового обеспечения процессов инновационно-технологического развития растениеводства очень важно определить общую потребность страны в продукции сельского хозяйства, обеспечивающую нормативный уровень потребления продуктов питания населения страны, потребности отрасли животноводства в кормах растительного происхождения, потребность в семенах, потребности в продукции для перерабатывающей промышленности, для экспорта и создания страховых фондов.

Для балансовой увязки объемов производства сельскохозяйственной продукции с возможностями ее хранения и переработки в комплекс мер по обеспечению инновационно-технологического развития растениеводства целесообразно включить мероприятия по определению в масштабах страны потребности в производственных мощностях по хранению и переработке сельскохозяйственной продукции, обосновать их террито-

риальное размещение, а затем осуществлять инвестиционную поддержку строительства этих объектов на запланированных территориях, обеспечивая обязательное софинансирование со стороны региона, способствуя привлечению средств местного населения и юридических лиц.

Инновационно-технологическое развитие растениеводства предполагает значительное увеличение площадей защищенного грунта, необходимых для круглогодичного обеспечения населения страны овощной продукцией, а этот процесс требует значительных финансовых вложений. На территории России большие площади земель сельскохозяйственного назначения находятся в зонах со сложными природно-климатическими условиями, и поэтому требуются большие финансовые вложения в мелиорацию земель: их орошение и осушение, на борьбу с водной и ветровой эрозией, на химическую мелиорацию и полное агрохимическое окультуривание земель. Поэтому определение площадей теплиц и мелиорируемых земель, а также потребностей в финансово-экономических ресурсах для их создания очень важно для обеспечения технологического развития отрасли.

В целом же для сбалансированного развития растениеводства необходимо параллельно развивать производство всех материально-технических ресурсов, потребляемых отраслью, а также, используя индикативные методы, рационально размещать производство этих ресурсов по предприятиям и территориям.

Мероприятия конкретного воздействия на растениеводство целесообразно разделить на два крупных блока: экономические и финансовые меры. Среди экономических мер целесообразно предусмотреть меры по созданию эффективной системы управления сельским хозяйством, информационному обеспечению сельскохозяйственных товаропроизводителей и кадровому обеспечению отрасли растениеводства.

Слабым звеном в обеспечении инновационно-технологического развития является управление социально-экономическими процессами в сельском хозяйстве. В связи с этим целесообразно провести оптимизацию ряда государственных функций, среди которых: регламентирующие (законотворческие); контрольные и лицензирующие функции; обеспе-

чивающие (организационно-экономический механизм принятия и реализации управленческих решений) и преференциальные функции и услуги (предоставление мер поддержки).

Решение проблем информационного обеспечения сельскохозяйственных товаропроизводителей в настоящее время является одной из важнейших задач, так как в агробизнесе с каждым годом возрастает спрос на агрономические и финансово-экономические консультации, на конъюнктурную и метеорологическую информацию, дистанционное образование, на создание и поддержание в рабочем состоянии программных средств и баз нормативно-справочной, рыночной и другой информации.

Укрепление кадрового потенциала сельского хозяйства также является важнейшим условием решения проблем инновационно-технологического развития отрасли растениеводства. Эту проблему нельзя решить без участия государства, отвечающего за эффективное функционирование и непрерывное развитие системы профессионального аграрного образования. Сейчас существует много проблем с формированием и развитием кадрового потенциала аграрного сектора экономики на разных уровнях управления. Одними из основных проблем являются огромный дефицит аграрных специалистов с высшим образованием, слабая закрепляемость кадров на селе и недостаточно эффективная система подготовки и переподготовки кадров. Для того чтобы систематически и комплексно координировать интересы образовательных организаций, органов власти и субъектов АПК, следует найти причины создавшегося положения и определить подходы к решению названных проблем.

На наш взгляд, к числу финансовых мер, обеспечивающих процессы инновационно-технологического развития отрасли растениеводства, целесообразно отнести следующие меры: 1) нормативное регулирование самофинансирования отрасли; 2) индикативное регулирование кредитования сельского хозяйства; 3) индикативное регулирование привлечения средств со стороны; 4) научно обоснованная государственная поддержка отрасли (по уровню, направлениям и территориям).

Государственное финансирование, осуществляемое в виде научно обоснованной

государственной поддержки отрасли, производится на безвозвратной основе за счет средств бюджетных и внебюджетных фондов, формируемых как на федеральном, так и на региональном уровнях управления. Как нам представляется, государству целесообразно индикативными методами обеспечить процессы инновационно-технологического развития отрасли растениеводства экономико-финансовыми средствами из первых трех источников, а государственной поддержкой (четвертый источник) дополнить недостающие финансовые средства до нормативного уровня обеспечения.

В рыночных условиях финансирование отрасли должно в большей степени обеспечиваться за счет собственных ресурсов, поэтому соблюдение принципов самокупаемости и самофинансирования является обязательным условием технологического развития отрасли растениеводства. Для соблюдения этих принципов усилий одних лишь сельскохозяйственных товаропроизводителей недостаточно. Необходимо на государственном уровне поддерживать паритетность взаимоотношений между всеми отраслями. В противном случае, если какая-либо отрасль будет не в состоянии регулярно возмещать общественно-необходимые затраты на производство своей продукции и иметь финансовые возможности для расширенного воспроизводства, она будет «затухать».

В настоящее время недостаточно внимания уделяется вопросам привлечения в экономику финансовых средств населения и юридических лиц при создании новых объектов: перерабатывающих предприятий (маслоцехов, мельниц, хладохранилищ и пр.), теплиц, оптово-распределительных центров и пр. Причиной этого является отсутствие необходимого для этого нормативно-правового законодательства и методических рекомендаций, необходимых для руководства по созданию таких объектов на основе государственно-частного партнерства, а также по защите прав и собственности учредителей.

Таким образом, для ускорения темпов инновационно-технологического развития сельского хозяйства в целом и отрасли растениеводства в частности в условиях «новой нормальности» целесообразно разработать и осуществить комплекс мероприятий по эко-

номико-финансовому обеспечению данного процесса как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Литература

1. Кузнецов В. В., Тарасов А. Н., Гайворонская Н. Ф., Егорова О. В., Григорьева Г. В., Бахмут А. С. Прогнозирование параметров инновационно-технологического развития отраслей сельского хозяйства: теория, методология, практика: монография. — Ростов н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, Изд.-во ООО «АзовПечать», 2017. — 157 с.

2. Кузнецов В. В., Тарасов А. Н., Гайворонская Н. Ф., Егорова О. В., Григорьева Г. В., Бахмут А. С. Моделирование процессов инновационно-технологического развития растениеводства: монография. — Ростов н/Д.: ГНУ ВНИИЭиН, Изд.-во «ООО АзовПечать», 2014. — 168 с.

3. Кузнецов В. В., Тарасов А. Н., Пахомова А. А., Кавардаков В. Я., Пахомов А. П. Инновационное развитие птицепродуктового подкомплекса: монография. — Ростов н/Д.: ФГБНУ ВНИИЭиН, Изд.-во ООО «АзовПечать», 2015. — 184 с.

4. Силин Я. П., Анимица Е. Г., Новикова Н. В. «Новая нормальность» в российской экономике: региональная специфика // Экономика региона. — Изд.-во Институт экономики Уральского отделения РАН (Екатеринбург), 2016. — Т. 12. — №3. — С. 714–725.

5. Кузнецов В. В. Факторы инновационного развития сельского хозяйства в условиях новой нормальности // Друкеровский Вестник. — 2018. — №1. — С. 67–72.

6. Российское импортозамещение в условиях «новой нормальности». Матвеева Л. Г., Чернова О. А. // TERRA ECONOMICUS. — 2016. — Т. 14. — №2. — С. 127–138.

Поступила в редакцию

15 декабря 2017 г.



Кузнецов Владимир Васильевич — доктор экономических наук, профессор, академик Российской Академии Наук, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института экономики и нормативов — филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный Ростовский аграрный научный центр».

Kuznetsov Vladimir Vasilyevich — doctor of economic Science, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Chief Researcher of the All-Russian Research Institute of Economics and normativs — branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Rostov Agricultural Research Center».

344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Соколова, 52
52 Sokolova st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 263-31-81; e-mail: agroec@bk.ru



Гайворонская Нина Федоровна — кандидат экономических наук, заслуженный экономист Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института экономики и нормативов — филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный Ростовский аграрный научный центр».

Gaivoronskaya Nina Fedorovna — candidate of economic sciences, honored economist of the Russian Federation, leading researcher of the All-Russian Scientific Research Institute of Economics and normativs — branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Rostov Agricultural Research Center».

344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Соколова, 52
52 Sokolova st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 263-31-81; e-mail: agroec@bk.ru

УДК 330.35.01

ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ: РОССИЯ, КИТАЙ, ГЕРМАНИЯ, США, ЯПОНИЯ¹

© 2018 г. О. С. Сухарев*, Е. Н. Ворончихина**

**Институт проблем рынка РАН, г. Москва*

***Пермский государственный национальный исследовательский университет*

Рассматривается вопрос применения структурного анализа роста для отдельно выбранных стран, оказывающих существенное влияние на развитие мировой экономики. Применяется предложенная ранее формула для структурного анализа динамики ВВП — для оценки этой динамики по расходам и секторальной динамике. Осуществлен компаративный анализ сложившихся в период 2000–2017 гг. моделей роста в разных странах, общие и специальные черты их экономической динамики. Выявлено как минимум три базовые модели роста: на основе доминирования валового потребления (США, Россия), на основе инвестиций (Китай) и смешанная модель роста (Германия, Япония). Во всех выбранных для анализа странах основной вклад в темп роста вносит транзакционный сектор, однако обрабатывающий и сырьевой сектор вносят различный вклад в темп экономического роста. Например, в Японии и Германии этот вклад по величине на значительном отрезке времени почти совпадает, в других странах он различный. Тем самым секторальная структура экономики каждой страны определяет модель динамики и дальнейшего развития, особенно в аспекте проведения политики индустриализации. Величина транзакционного сектора отличается в разных странах, причем наибольшая в США, что задает и технологическую структуру развития экономики.

Ключевые слова: эмпирический анализ роста; структура ВВП по расходам; секторальная структура экономики.

The question of application of the structural analysis of growth for separately selected countries, which have a significant impact on the development of the world economy, is considered. The previously proposed formula for structural analysis of GDP dynamics is used to estimate this dynamics by expenditure and sectoral dynamics. A comparative analysis was carried out in the period 2000–2017 models of growth in different countries, general and special features of their economic dynamics. At least three basic models of growth have been identified — based on the dominance of gross consumption (USA, Russia), on the basis of investments (China) and a mixed growth model (Germany, Japan). In all countries chosen for analysis, the main contribution to the rate of growth is made by the transaction sector; however, the processing and raw materials sector make a different contribution to the rate of economic growth. For example, in Japan and Germany, this contribution is almost the same over a significant period of time, in other countries it is different. Thus, the sectoral structure of the economy of each country determines the model of dynamics and further development, especially in the aspect of carrying out industrialization

¹ Работа выполнена в рамках темы государственного задания «Макроэкономическая и промышленная политика роста: институциональные, структурные и технологические изменения» (№0163-2018-0002) ФАНО РФ, Института проблем рынка РАН, а также темы государственного задания Центра институтов социально-экономического развития ИЭ РАН.

policies. The size of the transaction sector differs in different countries, with the largest in the US, which sets the technological structure of economic development.

Key words: *empirical analysis of growth; GDP structure by expenditure; sectoral structure of the economy.*

Проведем сравнительный эмпирический анализ сложившихся моделей экономического роста в разных странах по динамике компонент ВВП по расходам с установлением вклада каждой компоненты ВВП в темп его роста. Это позволит выявить доминирующую компоненту, дать агрегированную оценку модели роста. Исходя из этого, возможно, потребуются новая политика стимулирования роста, чтобы изменить вклад в темп роста ВВП слагающих его компонент, поскольку модель индустриального роста на новой технологической основе может требовать такого изменения, как базовое условие дальнейшего развития.

Приведем результаты проведенного нами эмпирического анализа структуры экономического роста по компонентам ВВП в ряде стран: России, США, Германии, Японии и Китае [3].

Как известно, валовой продукт можно записать по расходам как $Y = C + I + G + NX$, где C — потребительские расходы, I — инвестиционные расходы, G — правительственные расходы, NX — чистый экспорт, $c, n,$

a, b — соответственно доля каждой из приведенных компонент валового продукта. Выразим темп изменения продукта ($g = (1/Y)dY/dt$) через темп и долю каждой компоненты ВВП. Тогда темп роста продукта составит: $g = g_c c + g_n n + g_g a + g_{NX} b$ [3].

На рисунках 1–5 показана структурная динамика валового продукта названных пяти стран, дающая представление о вкладе в темп экономического роста каждой компоненты ВВП для рассматриваемой страны. Как видим, величина темпа роста изменяется по странам, но также различны динамика и вклад в эту динамику компонент ВВП по расходам. Именно эта разница является важной характеристикой сложившейся модели экономического роста, причем она является релевантной и критически важной для организации перспективной модели роста, особенно, если ставится задача индустриализации, например, для российского хозяйства.

Рисунок 6 отражает отклонение расчетного от фактического темпа роста ВВП по рассматриваемым странам, причем отклонение в самый кризисный год не превышает 5%,

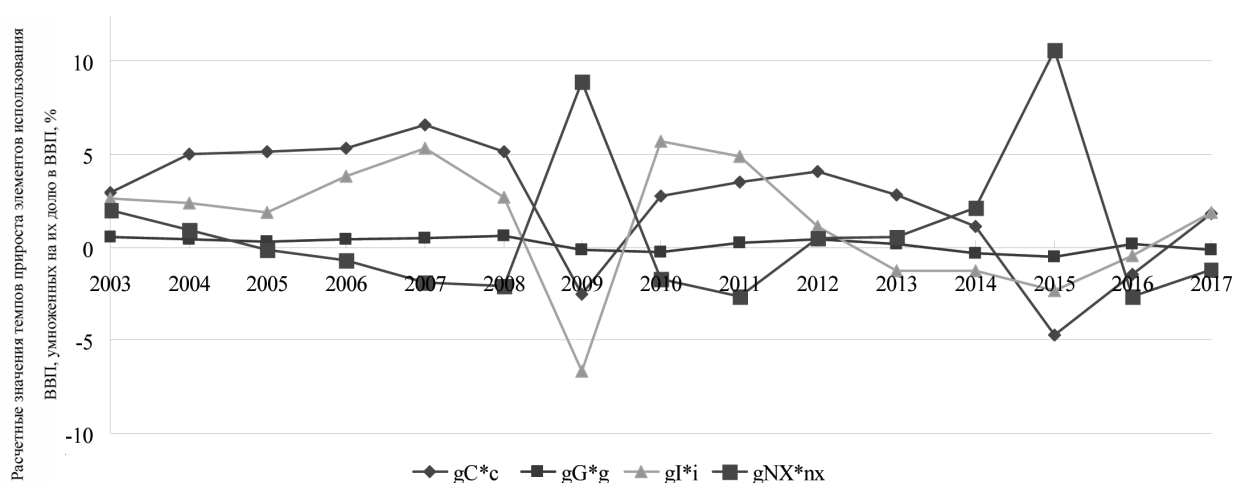


Рис. 1. Структурная динамика ВВП России, 2003–2017 гг.²

² Данные по России: рассчитано на основе Росстата (http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#). Элементы валового внутреннего продукта рассчитаны в сопоставимых ценах согласно тем оценкам, которые даёт Росстат.

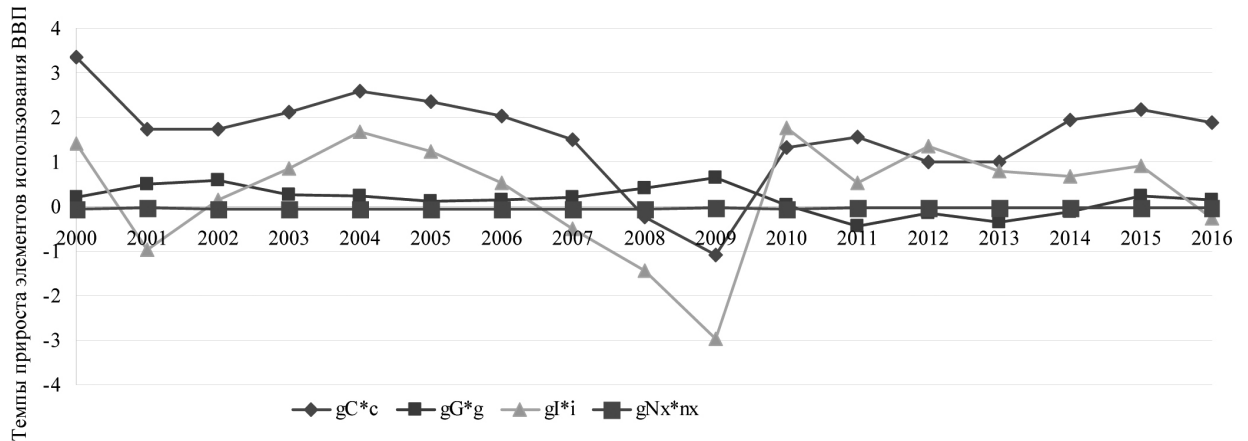
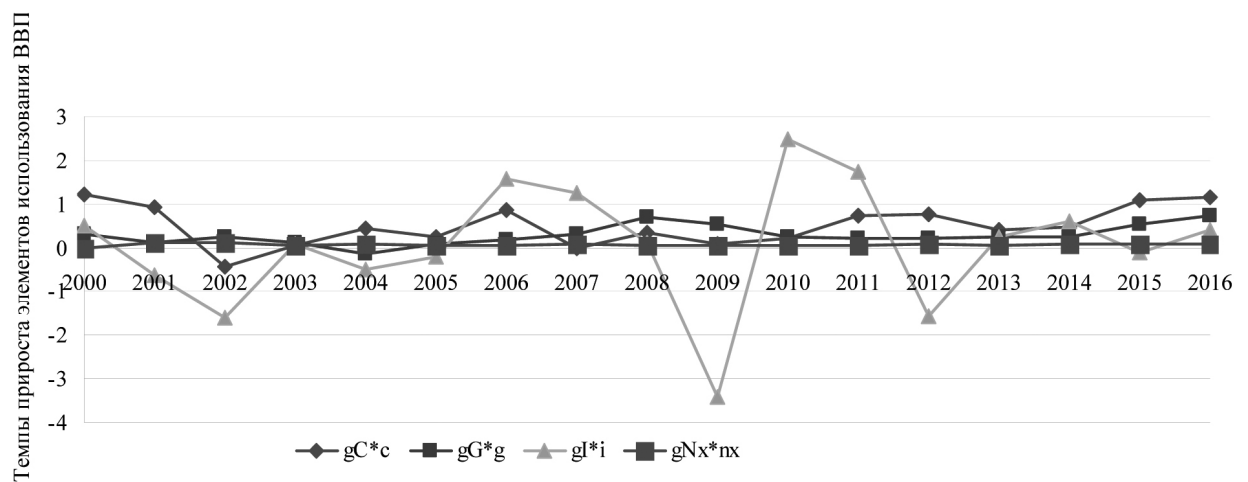
Рис. 2. Структурная динамика ВВП США, 2000–2016 гг.³

Рис. 3. Структурная динамика ВВП Германии, 2000–2016 гг.

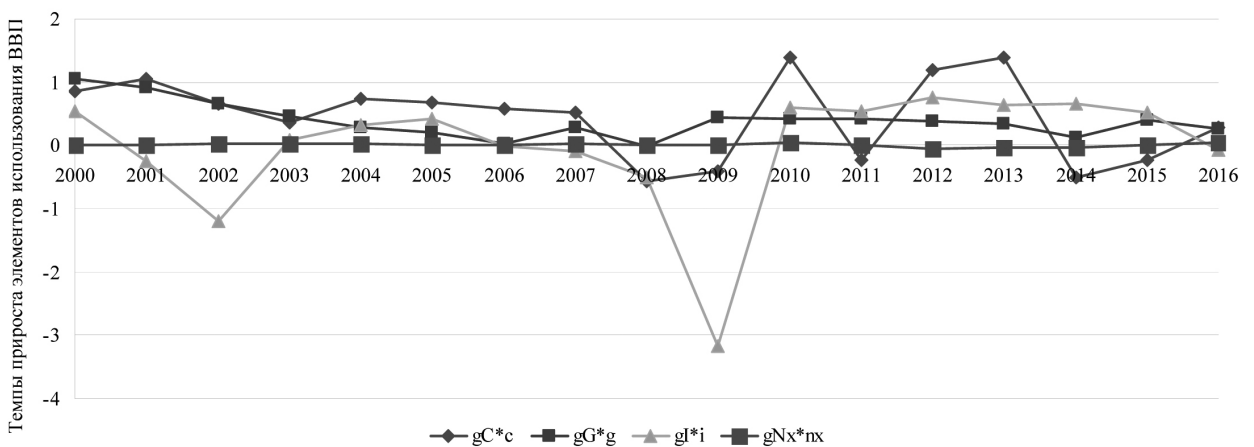


Рис. 4. Структурная динамика ВВП Японии, 2000–2016 гг.

³ Данные по странам получены на основе расчёта по источнику: <https://data.worldbank.org/>.

в другие годы значительно меньше, не более 2–3%, что говорит о приемлемой точности выполненных расчетов.

Анализ полученных данных по российской экономике позволяет утверждать, что основной вклад в темп роста вносили потребительские расходы, на втором месте — инвестиционные расходы (рис. 1), затем правительственные расходы. В период кризиса 2009 и 2014–2015 гг. вклад в темп роста чистого экспорта превышает не только правительственные расходы, но и вклад всех иных компонент ВВП, которые дают отрицательный вклад, тем самым только посредством чистого экспорта экономика сопротивлялась кризису в указанные годы. Следует особо отметить, что в 2009 году наибольший спад был по инвестиционным расходам, а в 2015 году — по потребительским расхо-

дам, хотя инвестиции также внесли отрицательный вклад в общий темп роста. Только в 2010–2011 гг. в России именно инвестиционные расходы вносили наибольший вклад в темп роста относительно иных рассматриваемых компонент ВВП. Если до 2009 года основной вклад в темп роста устойчиво давало валовое потребление, то после 2010 года ситуация изменяется: два года лидируют инвестиционные расходы, затем опять валовое потребление — до 2014 года, причем с 2013 года начинается инвестиционный кризис (вклад инвестиций в динамику ВВП отрицательный — рис. 1). Уже в 2014 году валовое потребление по вкладу в темп ВВП на втором месте, на первом — чистый экспорт. Интерес представляет 2016 год, когда все компоненты, за исключением правительственных расходов, вклад в экономическую динамику дают

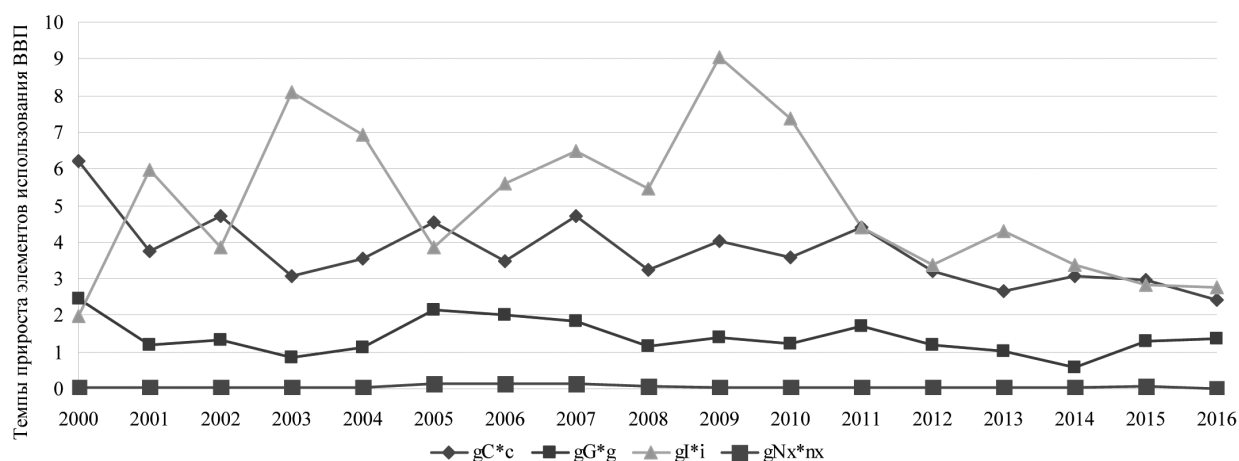


Рис. 5. Структурная динамика ВВП Китая, 2000–2016 гг.

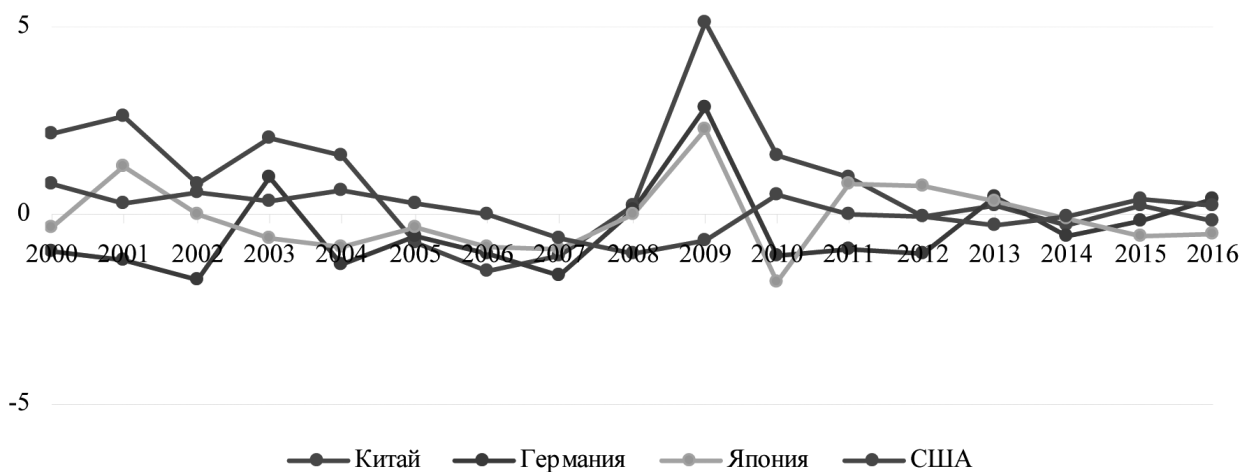


Рис. 6. Отклонение фактического от расчетного темпа роста ВВП, %

чуть меньше нуля, а в 2017 году положительный вклад дает валовое потребление и инвестиции, причем инвестиционные расходы выходят на первую позицию (рис. 1). Можно ли считать 2017 год годом трансформации модели роста, когда инвестиции будут давать основной вклад в динамику ВВП, а не потребление, будет ясно по 2018–2019 гг. Такую задачу можно и нужно поставить в рамках проводимой макроэкономической политики. Однако кризис потребления и инвестиций — это два негативных процесса, которые обнаруживались в российской экономике, начиная с 2014 (потребление) и 2013 гг. (инвестиции) соответственно вплоть до 2017 года, и быстро восстановить позиции трудно, так как ресурсы распределяются между наращиванием инвестиций и потребления [4–5].

Анализируя структурную динамику ВВП США, Германии, Японии и Китая (рис. 2–5), можно отметить общее — чистый экспорт не дает основополагающего вклада в динамику ВВП этих стран. Более того, в кризисные 2007–2009 гг. он абсолютно не влияет на динамику ВВП.

Для США основной вклад в экономическую динамику вносит валовое потребление, которое соревнуется в отдельные годы с инвестиционными расходами, выходящими на первое место по вкладу в темп экономического роста. Однако в кризис 2009 года инвестиционные расходы дают самый отрицательный вклад в темп роста, а кризису экономика противостоит посредством правительственных расходов.

Структурная динамика ВВП Германии и Японии переменчива. Здесь доминирует то валовое потребление, то правительственные, то инвестиционные расходы, без явно выраженного длительного вклада в темп роста какой-то одной компоненты. Вместе с тем колебания вклада инвестиционных расходов в динамику роста самые значительные и для Германии, и для Японии. Вклад инвестиционных расходов — один из самых наименьших среди рассматриваемых стран. Реагируют на кризис Германия и Япония очень похоже — увеличением вклада в темп роста правительственных расходов, а для Японии еще и незначительно — потребления (рис. 3–4).

Отдельно следует рассматривать структурную динамику ВВП Китая, так как эта

страна демонстрирует отличную от других стран модель роста. Во-первых, четко выделяется послойное расположение вклада каждой компоненты ВВП (рис. 5) с явным доминированием в этом вкладе на значительном интервале времени инвестиционных расходов. Валовое потребление занимает вторую, и правительственные расходы — третью позицию по вкладу в темп роста. Данную модель можно считать инвестиционной моделью экономического роста. Во-вторых, при сохранении ведущего вклада инвестиций в темп роста ВВП Китая обращает на себя внимание колебание этого вклада почти в 2 раза по величине. Ни одна из рассмотренных экономических систем не показывает таких колебаний вклада какой-то компоненты ВВП в его динамику. Также нужно отметить, что при кризисе 2009 года в других странах вклад инвестиции и потребления становился отрицательным, а в Китае он был положительный и увеличивался. Следовательно, данная страна демонстрирует совершенно иную модель роста/развития, принципиально отличающуюся по качественным характеристикам и основным параметрам динамики. Отметим, что Китай показывает модель индустриального роста, то есть наращивает объем производства, долю промышленности в ВВП и увеличивает технологичность базовых производств и экономики в целом.

Таким образом, Россия и США в качестве основного генератора роста имели на рассматриваемом интервале времени потребительские расходы, Китай — инвестиционные расходы, а Германия и Япония — смешанную модель без явно выраженного фактора динамики.

Экономики России, США, Германии, Японии, Китая характеризуются доминированием транзакционного сектора в структуре своего ВВП. Однако вклад этого сектора в темп экономического роста различный (рис. 7–9).

Рассмотрим на указанных рисунках секторальную динамику, образующую темп экономического роста страны. Для России имеем три сектора (сырьевой, обрабатывающий, транзакционный) по валовой добавленной стоимости [1, 2] в 2004–2016 гг.:

1) сырьевой сектор (сельское хозяйство; охота и лесное хозяйство; рыболовство, рыболовство; добыча полезных ископаемых;

производство и распределение электроэнергии, газа и воды);

2) обрабатывающий сектор (обрабатывающие производства; строительство);

3) транзакционный сектор (оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; гостиницы и рестораны; транспорт и связь; финансовая деятельность; операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг; государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование; образование; здравоохранение и предоставление социальных услуг; предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг)⁴.

Для США, Германии, Японии и Китая — те же три сектора по валовой добавленной стоимости в 1998–2015 гг. Выделенные сектора соответствуют международной классификации видов экономической деятельности (ISIC)⁵.

В России доля транзакционного сектора в ВВП изменялась от 58% до 64% за период 2004–2016 гг., в США этот сектор значительно больше — на 20%, достигая до 80% ВВП. Его динамика вносит наибольший вклад в темп экономического роста данных стран, однако в России этот вклад достигал в наибольшем измерении 6%, в США — 3,2% (рис. 7). Нужно отметить, что в России сырьевой сектор не вносил определяющего вклада в темп экономического роста, из рассматриваемых трех секторов занимал в основном третью позицию по своему вкладу в рост. Однако, в отдельные годы именно сырьевой сектор обеспечивал экономическую динамику, в частности, в годы кризиса 2009, 2015–2016 гг., и, кроме того, в 2013–2014 гг. и в период до 2004 года. Доля сырьевого сектора России составляла в ВВП ниже 20%, обработки — около 25%. В США обработка занимала менее 15%, сырьевой сектор — менее 10% ВВП. По этой причине американскую экономику часто представляют как новый вид так называемой «сервисной экономики» (экономики услуг). Но и для экономики США

сырьевой сектор выходит в отдельные годы на второе место по вкладу в темп роста, отодвигая обрабатывающий сектор. В 2009 году, момент кризиса, наиболее проседает в США именно транзакционный сектор, в России — обрабатывающий сектор, хотя транзакционный сектор также вносит отрицательный вклад в общую динамику ВВП.

Во всех странах доля обрабатывающего сектора выше доли сырьевого в ВВП, при этом транзакционный сектор занимает лидирующее место. Вместе с тем вклад секторов в темп экономического роста изменяется. В Германии и Японии транзакционный сектор примерно 70% ВВП, обработка чуть выше 20%, сырьевой сектор чуть ниже 10%, тем самым с этих стран транзакционный сектор на 10% ВВП выше, чем в России, и на 10% ВВП ниже, чем в США. Однако вклад этого сектора в темп экономического роста скромнее, чем в России и США (рис. 8).

В Японии обработка вносит в темп роста экономики практически такой же вклад, как и транзакционный сектор, в отдельные годы на вторую позицию по вкладу выходит сырьевой сектор. Для Германии ситуация абсолютно похожа, даже вклад на графиках (рис. 8 слева) напоминает вклад секторов в Японии (рис. 8 справа). Секторы обнаруживают соразмерную динамику по своему вкладу в темп роста. Это говорит о том, что наименьшие по доле сектора демонстрируют больший рост, что относится к обрабатывающему сектору, а транзакционный сектор, где сконцентрированы услуги, показывает существенно меньший рост. Транзакционный сектор Китая показывал рост в период 1997–2015 гг. от 35 до 50% ВВП. При этом доля обработки сохранялась чуть более 30%, а сырьевого сектора снижалась с 30 до 20%. За счет увеличения доли транзакционного сектора, даже при сохранении соразмерности в темпе прироста трех секторов, его вклад в темп ВВП Китая стал определяющим, следующим по значению идет вклад обрабатывающего сектора (рис. 9).

Таким образом, транзакционный сектор в определяющей степени влияет на темп эко-

4 Для расчёта используются данные Росстата.

5 Расчёт производился на основе данных Всемирного банка (<https://data.worldbank.org/>) и Организации Объединённых Наций по промышленному развитию (<https://www.unido.org/researchers/statistical-databases>), а также International Standard Industrial Classification of All Economic Activities (<http://www.oecd.org/industry/ind/40230902.htm>).

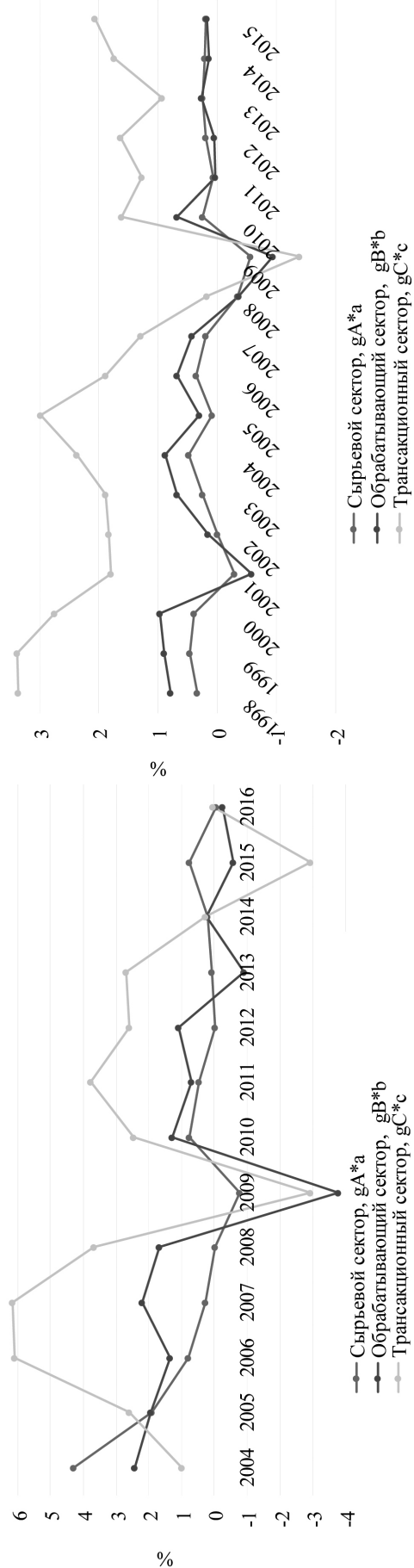


Рис. 7. Вклад секторов в темп роста ВВП России (слева), США (справа) соответственно в 2004–2016 гг. и 1998–2015 гг.

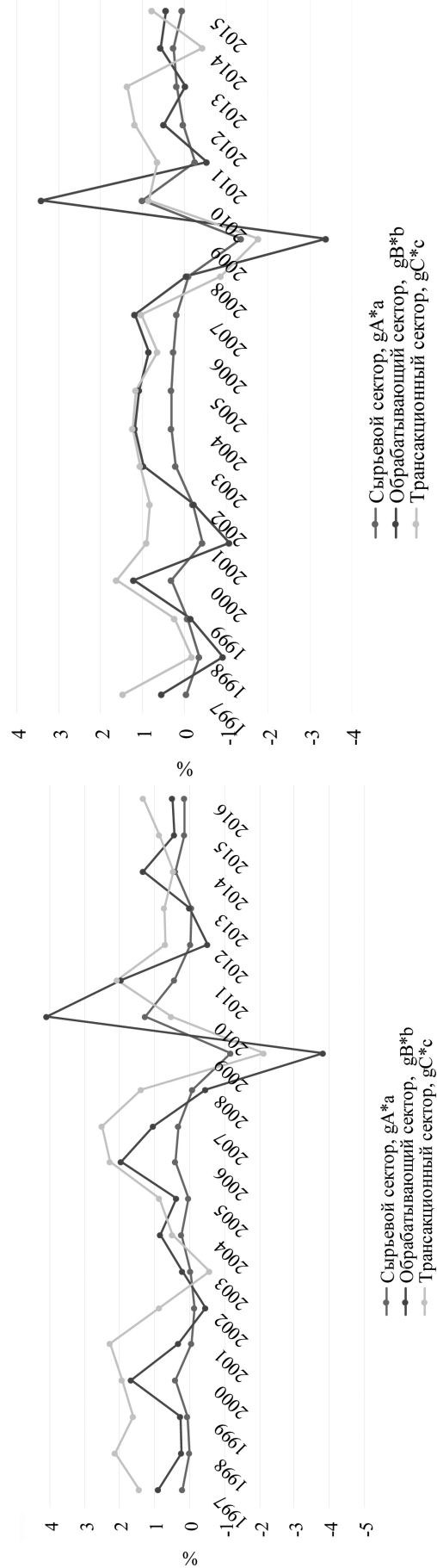


Рис. 8. Вклад секторов в динамику ВВП Германии (слева) и Японии (справа) соответственно в 1997–2016 гг. и 1997–2015 гг.

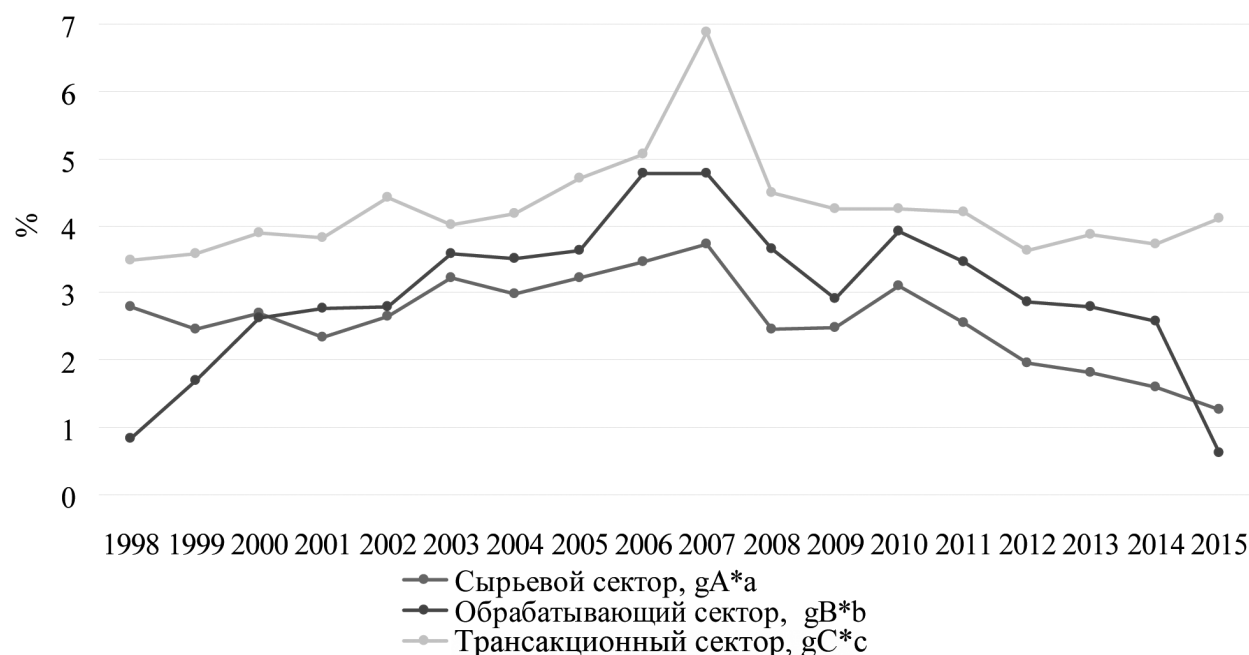


Рис. 9. Вклад секторов в динамику ВВП Китая, 1998–2015 гг.

номического роста, а также, можно предположить, на уровень индустриализации и развитие обрабатывающих секторов (рис. 7–9). Во всех рассмотренных странах обработка доминирует по вкладу в экономический рост, но после трансакционного сектора. Это существенно изменяет представления о современной индустриализации, акцентируя в ней не столько долю обработки в ВВП, сколько технологический уровень обрабатывающих производств. Тем самым следует не столько наращивать производство в структуре ВВП, сколько изменять технологический облик и возможности существующих производств и сектор обработки.

Проведенный структурный анализ моделей роста в разных странах фактически изменяет акценты текущей макроэкономической политики роста, а также конкретизирует установки экономической стратегии развития в разных странах, поскольку позволяет понять вклад компонент ВВП и секторов экономики в общую динамику. Конечно, в дальнейшем необходимо принимать во внимание учет влияния различных факторов на динамику каждой компоненты ВВП и отдельных секторов, а также мер экономической политики, предпринимаемых

в рамках отраслевой, бюджетно-налоговой, денежно-кредитной и других видов политики.

Литература

1. *Ворончихина Е.Н.* Обрабатывающая промышленность как приоритет инновационного развития региональной экономики // Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики. Серия Экономика и право. — 2016. — №12. — С. 9–13.
2. *Миролюбова Т.В., Ворончихина Е.Н.* Обоснование приоритетов экономической политики на основе структурного анализа валового регионального продукта (на примере Пермского края). Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. — 2017. — Т. 12. — №1. — С. 91–109.
3. *Сухарев О.С.* Эмпирические факты к теории реформ и экономического роста // Экономика и предпринимательство. — 2017 — №2. — С. 26–37.
4. *Сухарев О.С.* Теория реструктуризации экономики. — М.: Ленанд, 2016. — 256 с.
5. *Цветков В.А., Сухарев О.С.* Экономический рост России: новая модель управления. — М.: Ленанд, 2017. — 352 с.



Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией Института проблем рынка РАН. Исследователь в области институционально-эволюционной экономической теории, макроэкономики, экономики промышленности, технологических и структурных изменений, теории инноваций и инвестиций, региональной экономики, проблем организации экономических исследований. Внес вклад в теорию институциональных изменений, теорию эффективности экономики и экономического роста, управления промышленными системами и оценку эффективности инвестиций. Разработал концепцию дисфункции экономических систем и институтов, модель неошумпетерианской конкуренции «новатор — консерватор», принцип «комбинаторного наращивания» и модель появления новых комбинаций в экономике и др.

Sukharev Oleg Sergeevich — Doctor of Economics, professor, head of laboratory of the Institute of market problems of Russian Academy of Sciences. Well-known scientist in the field of institutional and evolutionary economic theory, macroeconomics, economy of the industry, technological and structural changes, innovations and investments theory, regional economy, organizational problems of the economic researches. Author made a major contribution to the development of the theory of institutional changes, theory of the economic efficiency and economic growth, management of the production systems and valuation of the investments. He worked out a concept of economic systems' and institutions' dysfunctions, a neo-Shumpeterian model of competition («innovator — conservative»), principle of «combinative growth», a model of the new combinations' appearance in the economy, etc.

117418, г. Москва, Нахимовский просп., 47
47 Nakhimovskiy ln., 117418, Moscow, Russia
Тел.: +7 (499) 129-10-00; e-mail: cee@inecon.ru, o_sukharev@list.ru



Ворончихина Екатерина Николаевна — аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета.

Voronchikhina Ekaterina Nikolaevna — postgraduate student of Perm state national research University.

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
15 Bukireva st., 614990, Perm, Russia
Тел.: +7 (342) 239-62-86; e-mail: econom@psu.ru

УДК 338.49

**СИСТЕМОТЕХНИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИОННЫХ СТРУКТУР БИЗНЕС-ГРУПП
И ДРУГИХ КОНСОЛИДАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК
НА ОСНОВЕ ЕДИНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

© 2018 г. *М. В. Передерий, Г. И. Ткалич*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

В статье рассмотрены системотехнические основы проектирования организационных структур бизнес-групп и других консолидационных группировок на основе единой инфраструктуры. Предложены подходы к разработке методологических основ проектирования инфраструктурных производственных систем и процессов, что может быть сделано на основе концептуальных подходов науки организации производства. Показан опыт решения таких задач при создании инфраструктурно интегрированных кластеров на основе единой инновационной инфраструктуры, снабженческой инфраструктуры, сельскохозяйственной инфраструктуры в кластере пищевой промышленности, образовательно-исследовательской инфраструктуры в промышленно-научном кластере.

Ключевые слова: организация производства; инфраструктура; производственная система; производственный процесс; проектирование.

The article considers engineering principles of design organizational structures, business groups and other consolidation groups based on a common infrastructure. Approaches to the development of methodological foundations for the design of infrastructure production systems and processes, which can be done on the basis of conceptual approaches of the science of production organization are proposed. The experience of solving such problems when creating the infrastructure of integrated clusters based on a single innovation infrastructure, supply infrastructure, agricultural infrastructure in the food industry cluster, educational and research infrastructure in the industrial and scientific cluster is shown.

Key words: organization of production; infrastructure; production system; production process; design.

Происходящие в экономике России изменения последних лет, связанные с общемировыми тенденциями реиндустриализации и технологической кронвергенции [1], обуславливают появление новых потребностей предприятий в инвестициях и их источников, но для их реализации необходимы прогрессивные инновационные методы и системы управления их экономическим развитием.

Особенно актуальной данная тематика является для крупного бизнеса — объедине-

ний предприятий, которые активно развиваются, осуществляя инвестиционную деятельность не в виде разовых проектов, а прежде всего в виде систематичной и постоянно осуществляемой деятельности, направленной на эффективное освоение инвестиций и расширение конкурентных преимуществ. Таким объединением являются интегрированные бизнес-группы. В настоящее время интегрированные бизнес-группы представляют, прежде всего, крупнейшие промышленные конг-

ломераты, составляющие хребет российской экономики.

Формирование систем управления интегрированных бизнес-групп можно определить как организационный процесс разработки и внедрения эффективных методов и механизмов управления хозяйственными образованиями, направленный на изменение условий для эффективного использования всех факторов производства в целях повышения финансовой устойчивости и роста конкурентоспособности интегрированных бизнес-групп.

Не менее важной представляется и экономическая консолидация, осуществляемая на кластерной основе, при которой самостоятельные хозяйствующие субъекты объединяют свои отдельные функции. Как было показано в исследовании [2], наиболее эффективна консолидация на основе создания единых инфраструктурных формирований (инновационная инфраструктура, снабженческо-сбытовая, инфраструктура технического обслуживания и др.).

Информационная сущность коммуникативности элементов и архитектура инфраструктуры обуславливают особенности ее проектирования. Задача проектирования инфраструктуры распадается на ряд подзадач, означающих ее декомпозицию. В общем случае совокупность элементов процесса проектирования инфраструктуры и соответствующих информационных потоков может быть описана схемой, предложенной в вышеупомянутом исследовании [2], которая представлена на рис. 1.

Представляется очевидным, что проектирование производственной инфраструктуры должно разумно сочетать формализованные и неформализованные процедуры, обеспечивая тем самым эргатичность процесса. При этом в выполнении таких процедур должны участвовать как представители «проектировщика» — организации/организаций, осуществляющей/осуществляющих создание инфраструктуры в целом или ее отдельных компонентов, так и представители «заказчика». В качестве такового могут выступать государственные или региональные органы управления экономикой или корпоративный менеджмент отдельных предприятий и бизнес-групп, в интересах которых создается инфраструктура.

Опираясь на разработанную в известных исследованиях [3, 4 и 5] парадигму производственной системы и вышеописанные свойства инфраструктуры, а также процессы их проектирования, можно сформулировать основные задачи формирования методологии проектирования инфраструктуры, первая из которых — формирование логической схемы последовательности действий при проектировании.

Для использования информационных технологий в проектировании инфраструктуры требуется создание экономико-математической модели и процесса и объекта проектирования. Создание этих моделей составляет вторую, а создание соответствующего инструментария — третью задачу методологии.

Поэтому необходимо рассмотреть следующие основные компоненты процесса проектирования инфраструктуры: определение совокупности целей ее создания, определение совокупности признаков инфраструктуры, выявление множеств решений относительно состава и конкретной инфраструктуры, определение множества оценок проекта. Схема основных компонент проектирования представлена на рис. 2. Это граф, ребра которого характеризуют отношения между соответствующими компонентами.

В этой модели, разработанной на основе [6], впервые примененной для проектирования производственных систем в работе [5]: $A = \{a_1, a_2, \dots, a_m\}$ — множество целей; $P = \{p_1, p_2, \dots, p_n\}$ — множество признаков; $X = \{x_1, x_2, \dots, x_k\}$ — множество решений; $V = \{v_1, v_2, \dots, v_l\}$ — множество оценок.

В этом случае функция проектирования инфраструктуры может быть представлена в виде:

$$F : (\psi \circ \varphi (A_0)) \rightarrow V, \quad (1)$$

где φ — бинарное отношение элементов основных множеств A и P ; ψ — бинарное отношение элементов множеств P и X (при этом $\varphi \subset (A \times P)$; $\psi \subset (P \times X)$; $A_0 \subseteq A$).

Так как каждой цели создания инфраструктурной производственной системы может соответствовать ряд признаков, то подмножество P_p , с которым a_i проявляется в отношении φ , может рассматриваться как его срез через элемент инфраструктуры a_i .

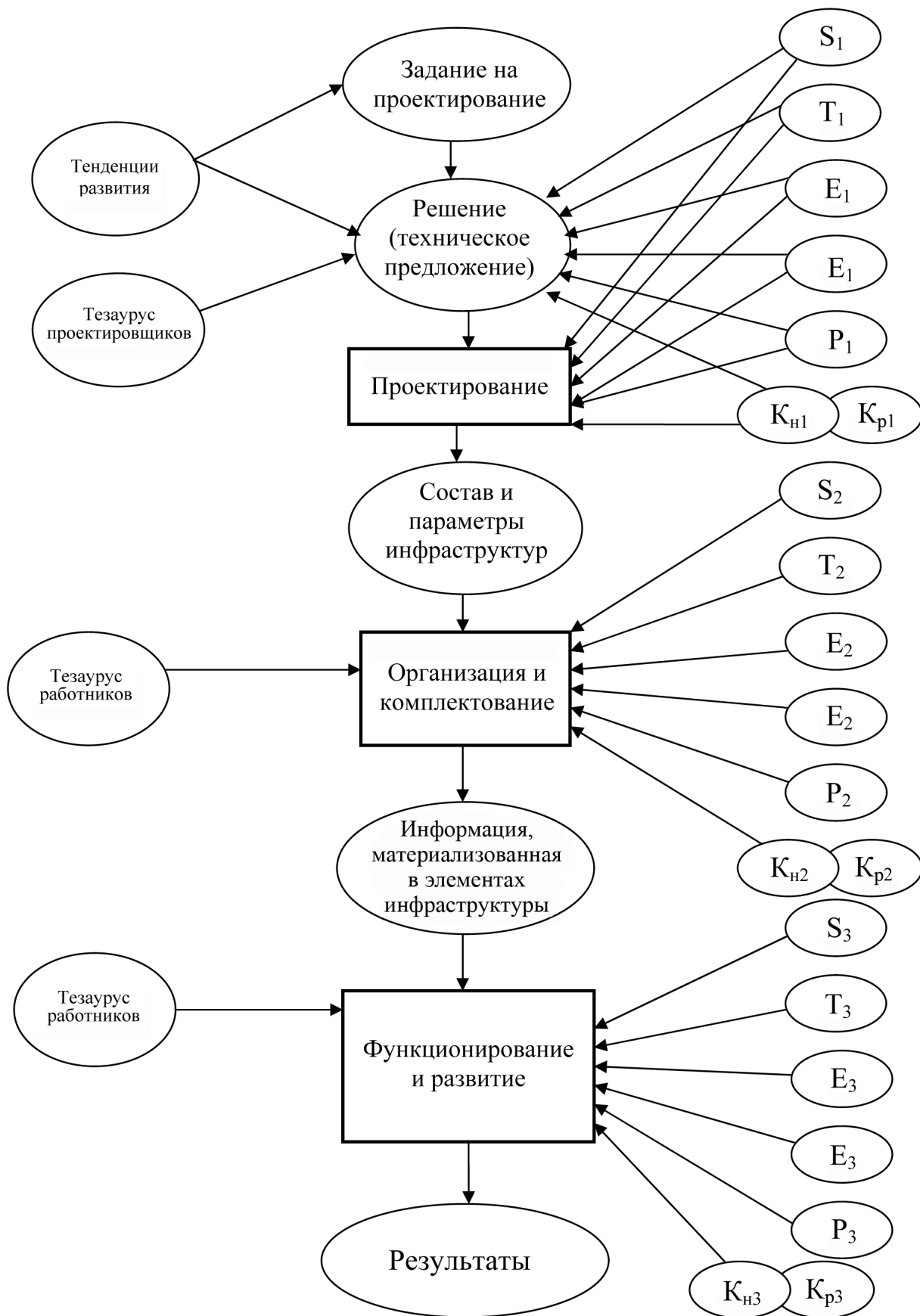


Рис. 1. Процесс проектирования и функционирования инфраструктуры (общая модель) [2]

Если для проектирования конкретной инфраструктуры выбрано определенное подмножество A_0 множества целей A , то можно определить соответствующий срез (через A_0):

$$\varphi(A_0) = ((p) (\vee a)) [a \in A_0 \wedge (a, p) \in \varphi].$$

Аналогично

$$\psi(A_0) = ((x) (\vee p)) [p \in P_0 \wedge (p, x) \in \psi],$$

где P_0 — срез множества P по подмножеству A_0 .

Произведение вышеописанных бинарных отношений может быть представлено как:

$$\psi \circ \varphi = ((a, x) (\vee p)) [(a, p) \in \varphi \wedge (p, x) \in \psi].$$

Это произведение является множеством упорядоченных пар (a, x) , для которых существует элемент p множества P , с которым любое a находится в отношении φ , а сам этот элемент находится в отношении ψ с элементом x .

Срез вышеописанного произведения (также по подмножеству A_0) выражается следующим образом:

$$\begin{aligned} & \psi \circ \varphi(A_0) = \\ & = ((a, x) (\vee p)) [(a, p) \in \varphi \wedge (p, x) \in \psi \wedge a \in A_0]. \end{aligned}$$

Выражение (1) представляет собой целевую функцию проектирования, которая подлежит последующей оптимизации:

$$(F : (\psi \circ \varphi(A_0)) \rightarrow V) \rightarrow opt.$$

Этот подход приемлем, так как он позволяет эффективно применять при проектировании конкретной инфраструктуры такие формализованные методы, как метод пространства параметров, и обоснованно устанавливать организационно-экономические границы инфраструктуры.

В фундаментальной литературе по теории проектирования систем [7] базовой служит концепция, согласно которой состав любой системы (в т.ч. инфраструктуры) представляет собой совокупность унитарных технологических структур, задающих состав элементов, формирующих систему, и связи между ними, необходимые для достижения поставленных целей. Эти цели могут

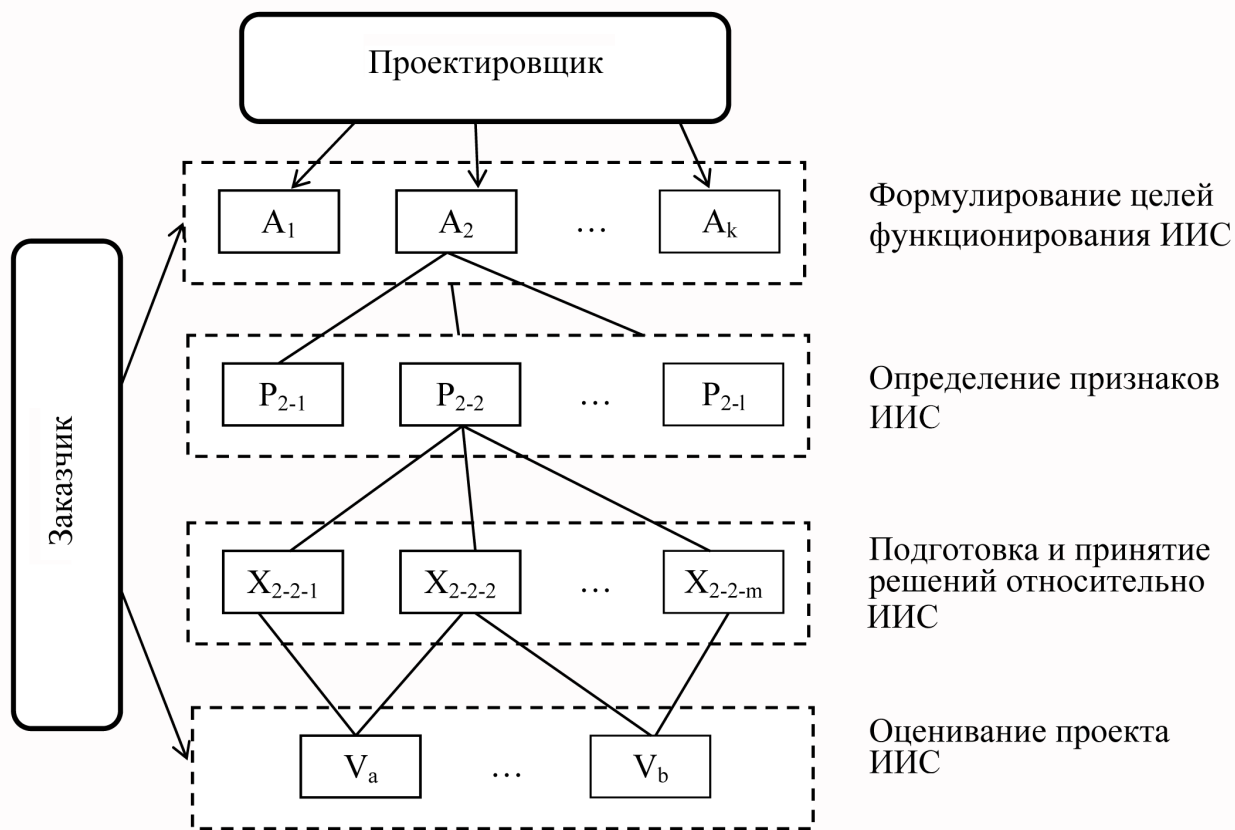


Рис. 2. Основные компоненты проектирования инфраструктуры [2]

с течением времени корректироваться. Поэтому происходят изменения и в унитарных структурах, реализующих эти цели. При этом изменяются и связи между элементами инфраструктуры. Поэтому, рассматривая, например, инфраструктурно интегрированный кластер, главное внимание при проектировании его инфраструктуры необходимо уделить качественному и своевременному определению унитарных технологических структур и синтезу состава инфраструктуры, представляющего собой нетривиальное объединение унитарных структур.

Многообразие технологических средств и методов приводит к сложной многовариантной задаче проектирования инфраструктуры и выбора наиболее рациональных технологических и бизнес-процессов, наилучшим образом отвечающих условиям конкретной производственной системы (в т. ч. в условиях предприятий и бизнес-групп со сложившимися бизнес-процессами).

Некоторые исследования, выполненные в ЮРГТУ(НПИ), показали целесообразность применения описанного подхода при создании инфраструктурно интегрированных кластеров на основе единой инновационной инфраструктуры [2], снабженческой инфраструктуры [8], сельскохозяйственной инфраструктуры в кластере пищевой промышленности [9], образовательно-исследовательской инфраструктуры в промышленно-научном кластере [10]. Однако для его практической реализации требуется разработка методологических основ проектирования инфраструктурных производственных систем и процессов. Это может быть сделано на основе концептуальных подходов науки организации производства.

Литература

1. Kolbachev E., Kolbacheva T. Human Factor and Working Out of NBIC Technologies//

Advances in Intelligent Systems and Computing. — 2018. — V. 793. — P. 179–190.

2. *Передерий М. В.* Моделирование жизненного цикла российской инновационной инфраструктуры и прогнозирование ее развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки, 2015. — №2.

3. *Корнаи Я.* Системная парадигма // Вопросы экономики. — 2002. — №4. — С. 18–26.

4. *Клейнер Г.* Системная парадигма и теория предприятия // Вопросы экономики. — 2002. — №10. — С. 24–33.

5. *Колбачев Е. Б.* Управление производственными системами на основе совершенствования и развития информационно-экономических ресурсов. — Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2003. — 496 с.

6. *Быков В. П.* Методическое обеспечение САПР в машиностроении. — Л.: Машиностроение, 1989. — 255 с.

7. *Мальшиев Н. Г., Суворов А. В., Паршин Е. А.* Методы автоматизации проектирования технологических структур промышленных систем. — Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1986. — 185 с.

8. *Хальфин Р. М.* Распределение корпоративных ресурсов для технического перевооружения и реконструкции в производственных компаниях // Друкеровский вестник, 2017. — №4. — С. 78–84.

9. *Зеленская О. А., Шубина О. В.* Особенности управления модернизацией экономики региона // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2012. — №3. — С. 178–182.

10. *Савенко В. Г.* Роль институтов-филиалов ВУЗов в формировании инфраструктуры инновационно-промышленного кластера // Друкеровский вестник, 2018. — №4.

Поступила в редакцию

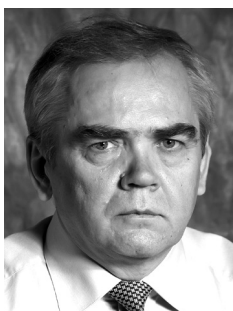
19 апреля 2017 г.



Передерий Марина Викторовна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» ЮРГПУ(НПИ). Автор работ по управлению инновациями, созданию и управлению инновационной инфраструктурой, экономике транспорта.

Peredery Marina Viktorovna — doctor of economic Sciences, Professor of Department «Production and innovation management» of South-Russian state Polytechnic University (NPI). The author of works on innovation management, creation and management of innovative infrastructure, transport Economics.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-72; e-mail: pmv_62@mail.ru



Ткалич Григорий Иванович — доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» ЮРГПУ(НПИ). Автор работ по экономике промышленности и транспорта, финансовому менеджменту, финансово-кредитной деятельности.

Tkalich Grigory Ivanovich — associate Professor of the Department «Production and innovation management» of South-Russian state Polytechnic University (NPI). The author of works in Economics of industry and transport, financial management, financial and credit activities.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-56-72; e-mail: pmv_62@mail.ru

УДК 657.6:658

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНТРОЛЯ КАК ФУНКЦИИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, ЕЕ ОСОБЕННОСТИ В УПРАВЛЕНИИ ЗАКУПКАМИ

© 2018 г. Р. М. Хальфин

ПАО «Т Плюс», г. Москва

Проанализирована экономическая сущность контроля как функции корпоративного управления. Исследованы ее особенности в управлении закупками. Доказано, что понимание экономической сущности контроля в условиях корпоративных закупок позволяет сформировать концепцию организации предварительного контроля в корпоративных закупках как средства исключения конфликта интересов и оппортунистического поведения.

Ключевые слова: контроль; закупки; материально-техническое обеспечение; конфликт интересов; оппортунистическое поведение.

The article analyzes the economic essence of control as a function of corporate governance. Its features in procurement management are investigated. It is proved that the understanding of the economic essence of control in terms of corporate procurement allows to form the concept of pre-control in corporate procurement as a means of eliminating conflicts of interest and opportunistic behavior.

Key words: control; procurement; logistics; conflict of interest; opportunistic behavior.

Контроль — необходимый компонент, одна из функций менеджмента, независимо от характера управляемой системы, ее уровня технологических и организационных особенностей, окружающей социальной среды. А. Файоль [1] называет его последней из фундаментальных функций управления, консолидирующей проявления всех остальных функций в управленческой цепочке: планирование и прогнозирование-организация-руководство-координирование-контроль. Как отмечается в известной работе В. В. Бурцева [2], «... контроль — объективно необходимое слагаемое хозяйственного механизма при любом способе производства...»

На микроэкономическом и миниэкономических уровнях различают контроль внешний, проводимый внешними (находящимися вне границ контролируемой системы) субъектами управления (государственные органы, контрагенты по хозяйственным договорам, клиенты и потребители, обществен-

ные организации), и контроль внутренний, проводимый управляющими субъектами внутри контролируемой системы (собственники, менеджмент бизнес-группы, в которую входит контролируемая система, менеджеры и специалисты, работающие внутри границ контролируемой системы, персонал). В контексте нашего исследования следует вести речь именно о функционировании и развитии систем и процессов внутреннего контроля применительно к условиям проведения закупок в рамках материально-технического обеспечения производства (МТО).

Цель внутреннего контроля в любой его форме — информационное обеспечение системы управления для получения данных, необходимых для формирования и принятия эффективных управленческих решений (в т.ч. в проведении закупок) [3]. В контексте нашего исследования мы исходим именно из этого положения, так как предотвращение конфликта интересов и, как следствие — оп-

портунистического поведения, позволяет исключить принятие менеджментом неэффективных (с точки зрения интересов организации) решений.

В общем случае внутренний контроль предполагает осуществление менеджментом организации таких действий, как:

- диагностика фактического состояния объекта контроля;
- сравнение фактических данных с планируемыми (эталонными);
- анализ выявляемых отклонений и оценка степени их влияния на функционирование и развитие производственной системы;
- выявление причин зафиксированных отклонений.

Главная особенность внутреннего контроля при МТО заключается в его двойственности при управлении производственными системами организацией. В силу значительной интегрированности процессов контроля за МТО с прочими компонентами процесса управления производственными системами в условиях реальной хозяйственной деятельности бывает затруднительно очертить круг задач работника системы контроля так, чтобы его можно было бы отнести к какому-либо одному компоненту системы управления без его взаимосвязи с функцией контроля и связанных с ее осуществлением процессами. Отсюда может быть сделан вывод о том, что теоретически, рассматривая любую стадию разработки и принятия решения (в нашем случае — решения относительно закупок), можно предположить, что контрольная компонента присутствует на каждой стадии как отдельный, но неотъемлемый компонент управленческого процесса.

Рассматриваемые в нашем исследовании процессы подготовки решений о закупках относятся, прежде всего, к управленческой функции планирования (по А. Файолю [1]). В процессе планирования закупок реализуются следующие контрольные процедуры:

- анализ осуществимости, результативности и целесообразности осуществления альтернативных вариантов планируемых решений о закупках;
- оценка соответствия планирующихся решений общей стратегии организации и вытекающим из нее управленческим установкам, ориентирам и критериям их достижения.

Основной формой внутреннего контроля в производственной организации, по мнению авторов исследования [4], является внутренний аудит. Организация внутреннего контроля в форме внутреннего аудита присуща крупным и некоторым средним организациям, в основном обладающим следующими особенностями: усложненной оргструктурой (дивизиональная, матричная или конгломератная структура организации); многочисленностью филиалов, дочерних компаний; разнообразием видов деятельности и возможностью их кооперирования; стремлением менеджмента и собственников получать достаточно объективную и независимую оценку действий всех участников процессов закупок.

Кроме задач чисто контрольного характера, в ходе внутреннего аудита закупок могут решаться задачи экономической диагностики, выработки финансовой стратегии, маркетинговых исследований, управленческого консультирования.

В большинстве случаев в организациях нет специального отдела (сектора, бюро, группы и т.п.) внутреннего аудита и ревизионной комиссии (ревизора). В этом случае для осуществления внутреннего контроля целесообразно использовать структурно-функциональную форму внутреннего контроля. Понятие «структурно-функциональная форма внутреннего контроля» отражает необходимые взаимодействия единиц организационной структуры (линейно-функциональной, дивизионной, матричной), соответствующие их контрольным функциям. Например, осуществление контроля, непременно входящее в должностные обязанности любого руководителя, должно включаться в функции любого ответственного лица. Данная форма, соответствующая содержанию первичной ступени развития внутреннего контроля, применяется всеми организациями наряду с более развитыми формами и независимо от них [2]. Именно такой подход, на наш взгляд, наиболее целесообразен при решении вопросов организации контроля в системе закупок.

В известном исследовании [5] сформулированы основные принципы организации внутреннего контроля, которые, на наш взгляд, могут быть положены в основу контроля в системе закупок: принцип сбалан-

сированности, принцип своевременного сообщения об отклонениях, принцип интеграции, принцип соответствия контролирующей и контролируемой систем, принцип постоянства, принцип комплексности, принцип согласованности пропускных способностей, принцип разделения обязанностей, принцип разрешения и одобрения.

Принцип сбалансированности заключается в том, что субъект не может устанавливать функции контроля, если они не обеспечены средствами и ресурсами, необходимыми для их выполнения (очевидно, что в первую очередь это относится к наличию утвержденных методических положений и информационных ресурсов). Все средства и ресурсы для контроля должны быть связаны с определенной управленческой функцией или сферой деятельности (в рассматриваемом случае — с управлением процессами МТО и, в частности, закупками). При установлении обязанностей контролирующего субъекта следует четко предписать объем его компетенций, прав и возможностей. Столь же важно определить ограничения полномочий проверяющего.

Принцип своевременности информирования об отклонениях заключается в том, что сведения об обнаруженных отклонениях от целевых критериев необходимо сообщить лицам, принимающим соответствующие решения в минимальные сроки. В случае задержек с поступлением этих сведений негативные следствия соответствующих отклонений от целевых критериев углубляются, через некоторое время объект оказывается в качественно ином состоянии. Вследствие этого ранее проведенный контроль и выявленные отклонения оказываются бессмысленными. Это в полной мере относится и к случаю проведения предварительного контроля, когда несвоевременное предупреждение об имеющейся вероятности возникновения отклонений от целевых критериев делает проведенный предварительный контроль неэффективным, так как в этом случае решение относительно управленческих воздействий принимается без учета его результатов.

Принцип интеграции означает, что в условиях любой системы (в т. ч. производственной) каждый элемент управления ею не существует самостоятельно, а находится в пос-

тоянной связи и взаимодействии с другими компонентами. Из этого следует, что контроль как универсальную функцию управления следует рассматривать с учетом корреляции с иными компонентами, входящими в контур управления производственной системой. В прикладном (организационном) плане это означает, что при организации работ по контролю необходимо создавать благоприятные условия для эффективного взаимодействия работников разных направлений деятельности и управленческих звеньев.

Следующий принцип — принцип соответствия контролирующей и контролируемой систем по сути своей означает, что уровень структурной и функциональной сложности системы внутрикорпоративного контроля должен соответствовать характеру контролируемых производственных и иных систем. Разнообразие контролируемых систем требует таких контролирующих субъектов, которые также структурно и функционально разнообразны, а компоненты системы внутрикорпоративного контроля были бы способны реагировать (гибко подстраиваться) под изменения, происходящие в контролируемых производственных и иных системах.

Принцип постоянства заключается в том, что система внутрикорпоративного контроля должна находиться в состоянии перманентной готовности к осуществлению контролирующих действий без дополнительных структурных и иных организационных изменений.

Принцип комплексности сводится к тому, что функционально и структурно различные контролируемые объекты и системы должны быть «охвачены» соответствующими их характеру процессами контроля. При этом невозможно обеспечить эффективность контроля и функционирования системы в целом при наблюдении за ограниченным числом объектов.

Принцип, получивший название принципа согласованности пропускных способностей звеньев системы внутрикорпоративного контроля, сводится к тому, что между различными сопряженными компонентами системы внутрикорпоративного контроля передача данных должна быть скоординирована в пространстве и во времени.

Принцип разделения обязанностей означает, что обязанности по внутреннему конт-

ролю между сотрудниками соответствующих служб и подразделений должны быть распределены так, чтобы один и тот же человек одновременно не выполнял санкционирование работ и иных действий операций с активами и ресурсами, регистрацию, инвентаризацию. Для исключения возможности оппортунистического поведения эти контрольные функции следует распределять между разными людьми (подразделениями).

Принцип разрешения и одобрения заключается в обеспечении формализованного одобрения всех операций с экономическими и иными ресурсами соответствующими представителями корпоративного менеджмента в соответствии с закрепленными за ними полномочиями.

Несколько иной подход к организации внутреннего контроля предложен в известном исследовании [6], где сформулированы основополагающие требования к функционированию системы внутрикорпоративного контроля, которые обуславливают результативную и эффективную работу системы внутрикорпоративного контроля и потому могут быть применены при организации контроля в системе закупок:

1. Подконтрольность каждого субъекта системы внутрикорпоративного контроля. Это означает, что в соответствующих должностных инструкциях должно соблюдаться следующее требование: контрольные функции любого субъекта контроля должны быть проверяемы другим субъектом. Деятельность этих субъектов должна, в свою очередь, быть подконтрольной корпоративному менеджменту и собственникам компании. При этом возможно (а в некоторых случаях целесообразно) привлечение внешних независимых экспертов-аудиторов.

2. Требование, получившее наименование требования ущемления интересов, сводится к тому, что следует создавать необходимые условия для выявления и мониторинга отклонений функционирования, которые ставят работника или звено управления в невыгодное положение и стимулируют оппортунистическое поведение с их стороны. Данное требование представляется особо важным в контексте нашего исследования, где важнейшее внимание уделяется именно избежанию конфликта интересов.

3. Требование недопущения сосредоточения прав первичного контроля в руках одного работника. Сосредоточение таких контрольных функций у одного лица также может стимулировать оппортунистическое поведение со стороны этого работника.

4. Заинтересованность администрации заключается в том, что система внутрикорпоративного контроля в закупках требует честности и заинтересованности затрагиваемых контролем субъектов управления разного уровня.

5. Требование добросовестности, честности и компетентности субъектов внутрикорпоративного контроля заключается в том, что если персонал, выполняющий контрольные функции, не обладает такими свойствами, то система контроля не будет результативной и эффективной. На наш взгляд, это требование является несколько «идеализированным». Закупки осуществляются реальными людьми с присущими им интересами и задатками оппортунизма. Создаваемая система контроля должна именно компенсировать их (задатков оппортунизма) влияние.

6. Требование качества методологии и инструментария внутрикорпоративного контроля. Это подразумевает, в частности, рациональное распределение функций контроля. Должны быть разработаны детализированные программы внутреннего контроля.

7. Требование приоритетности заключается в том, что тотальный контроль выполнения рутинных, малозначимых операций не имеет практического смысла. Однако если собственники и менеджмент организации считают, что отдельные функциональные области играют стратегические роли, то в каждой такой области обязательно должен быть организован качественный контроль.

8. Требование непрерывности развития системы внутрикорпоративного контроля сводится к тому, что система должна позволять ее гибкую «настройку» на решение новых, ранее неизвестных задач, обусловленных изменениями условий функционирования производственных систем организации.

9. Требование исключения излишних контрольных процедур заключается в том, что контроль должен быть организован рационально, так как невыполнение такого требования приводит к избыточным затратам.

10. Требование оптимального уровня централизации системы контроля (адекватности организационной структуры контролирующих служб). Успешность контроля обуславливается в числе прочего оптимальной степенью централизации организационной структуры системы контроля. Оргструктура должна быть адекватной масштабам задач контроля.

11. Требование единичной ответственности заключается в том, что каждая локальная подфункция управленческой функции «контроль» закрепляется за единственным функциональным центром ответственности. Исключается закрепление одной и той же контрольной подфункции за несколькими центрами ответственности. В то же время один центр ответственности может выполнять несколько контрольных подфункций.

12. Сущность требования потенциально функционального замещения заключается в том, что отсутствие того или иного субъекта внутрикорпоративного контроля не может быть основанием для прерывания процедур контроля, поэтому каждый субъект внутрикорпоративного контроля должен обладать компетенциями для выполнения контрольных функций, закрепленных на постоянной основе за вышестоящим, нижестоящими и работниками своего уровня иерархии. Это в полной мере относится и к центрам ответственности.

13. Требование взаимодействия и координации сводится к тому, что требуется четкое взаимодействие всех (не только специализированных контрольных) корпоративных служб.

14. Требование регламентации заключается в том, что результативность и эффективность системы внутрикорпоративного контроля непосредственно зависит от четкости регламентации контрольной деятельности в организации. Везде, где возможно, следует установить формализованные правила и инструкции, регулирующие порядок осуществления контроля.

Определенный интерес в контексте нашего исследования представляют известные разработки по проблемам маркетингового контроля [7, 8]. Определенная схожесть традиционных маркетинговых задач и задач организации закупок обусловила это. Более того, в работе [9] организация закупок в коммерческих организациях рассматривается как

одна из задач маркетинга, что, на наш взгляд, не вполне корректно, так как закупки в том контексте, который характерен для нашего исследования, рассматриваются как совокупность процедур, связанных с внутрикорпоративными процессами.

Контроль как одна из функций управления производственно-коммерческой деятельностью предприятия занимает в маркетинге заметное место. Прежде всего, это форма целенаправленного воздействия на коллектив предприятия, систематическое наблюдение за деятельностью предприятия, сравнение фактических результатов деятельности с запланированными. Конечный результат контроля — выработка корректирующих воздействий на управляемые факторы и рекомендаций по приспособлению деятельности предприятия к неконтролируемым факторам.

С учетом положений, описанных выше, может быть предложена концепция организации предварительного контроля в корпоративных закупках как средство исключения конфликта интересов и оппортунистического поведения, основы которой описаны в наших более ранних работах [10, 11].

Литература

1. *Файоль А.* Общее и промышленное управление. — М.: Контроллинг, 1992. — 112 с.
2. *Бурцев В.В.* Внутренний контроль в компаниях [Электронный ресурс] / HR-portal, 14.06.2005. — Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/vnutrenniy-kontrol-v-kompaniyah>.
3. *Малолетко А.Н.* Контроль и ревизия — М.: КНОРУС, 2006. — С. 93–97.
4. *Сотникова Л.В.* Внутренний контроль и аудит. — Москва: Финстатинформ, 2001. — 239 с.
5. *Жалило Б.* Как построить систему контроля в компании? [Электронный ресурс] // HR-portal, 2007.09.22. — Режим доступа: <http://hr-portal.ru/article/kak-postroit-sistemu-kontrolya-v-kompanii>.
6. *Бровкина Н.Д.* Контроль и ревизия. — Москва: ИНФРА-М, 2007. — С. 91–346 с.
7. *Дубонос Е.С., Петрухин А.А.* Судебная бухгалтерия. — Москва: Книжный мир, 2005. — С. 43–44.

8. Мельник М. В., Пантелеев А. С., Звездин А. Л. Ревизия и контроль. — Москва: КНОРУС, 2006. — С. 60–81.

9. Соколов Б. Н., Рукин В. В. Системы внутреннего контроля (организация, методика, практика). — Москва: Экономика, 2007. — 442 с.

10. Хальфин Р. М. Конфликт интересов и оппортунистическое поведение при закупках в компаниях: пути предупреждения // Вестник Южно-Российского государственного техни-

ческого университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2017. — №2.

11. Хальфин Р. М. Разработка методов и инструментов контроля для решения задач управления функционированием и развитием промышленной компании / [Электронный ресурс] / Материалы IX Всероссийской конференции «Управление закупками — 2017». — Режим доступа: <http://www.quorum.guru/events/drugie-konferentsii/upravlenie-zakupkami-commerz-2017/speakers/>.

Поступила в редакцию

17 апреля 2017 г.



Хальфин Руслан Маратович — руководитель департамента внутреннего контроля ПАО «Т Плюс», эксперт рабочей группы Экспертного совета при Правительстве РФ по вопросам совершенствования закупок.

Khalfin Ruslan Maratovich — supervisor of internal control Department of PJSC «T Plus», the expert of working group of the Expert Council under the RF Government on improving procurement.

143421, Московская обл., Красногорский район, автодорога «Балтия»
территория 26 км бизнес-центр «Рига-Ленд», стр. 3
highway «Baltia» 26 km territory of business center «Riga-land», bld. 3
143421, Krasnogorsk district, Moscow reg., Russia
Тел.: +7 (495) 740-00-00; e-mail: fin25109@gmail.com

УДК 338.2

ОБ ОЦЕНКЕ УРОВНЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

© 2018 г. Л. А. Погорелова

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск**

В статье обоснована важность задачи оценки уровня инновационных проектов, связанных с модернизацией производственных систем для обеспечения развития отечественной промышленности. Доказано, что наиболее объективна такая оценка на основе выявления степени соответствия проекта технологическому укладу и уровня NBIC-конвергенции. Поставлена задача квантификации качественных характеристик технологии и/или производственной системы.

Ключевые слова: *инновации; проекты модернизации; оценка проектов; NBIC-конвергенция; производственные системы.*

The article substantiates the importance of assessing the level of innovative projects related to the modernization of production systems to ensure the development of the domestic industry. It is proved that the most objective this assessment is based on the detection of the degree of compliance of the project with technological structure and level of NBIC-convergence. The task of quantifizierung quality characteristics of technology and/or production system is set.

Key words: *innovations; modernization projects; evaluation of projects; NBIC-convergence; production system.*

Задачи защиты суверенитета страны и обеспечения конкурентоспособности российской экономики требуют ускоренной модернизации производственных систем промышленности, основанной на современных инновационных технических и организационных решениях. Успешность решения этой сложной задачи напрямую связана с качеством системы управления функционированием и развитием экономики. В условиях, сложившихся после начала антироссийской деятельности руководства США и стран-вассалов, зависимых от них, поводом для которых были объявлены государственный переворот на Украине и последовавшие после него события, актуальность перехода промышленности России к инновационной модели развития и наращивания ее конкурентоспособности значительно возросла.

В России в последние годы начато формирование национальных и региональных инно-

вационных систем и технологических платформ, которое совпало во времени с периодом реиндустриализации («третьей промышленной революции») и становления «экономики знаний», при которых информация и интеллектуальный капитал промышленности становятся доминантным фактором эффективности конкурентоспособности предприятий и бизнес-групп промышленности.

В связи с этим необходимо переосмысление характерных для современной российской промышленности подходов к организационно-экономическому обеспечению модернизации и развитию производственных систем промышленных предприятий и бизнес-групп, а также систем и методов управления соответствующими модернизационными проектами.

Многие исследователи отмечают, что предпринятые после 2014 года попытки технологической модернизации и импортозаме-

щения сталкиваются со слабостью организационно-экономического инструментария для управления этими процессами, а также опыта его конструктивного применения [1, 2].

Примечательно, что еще в первые постсоветские годы наиболее прозорливые российские исследователи вели речь о необходимости создания такого инструментария применительно к новым экономическим условиям, для которых была характерна высокая неопределенность и динамика рынков. Здесь прежде всего необходимо указать на работы С.Г. Фалько [3], С.В. Валдайцева [4], С.Ю. Глазьева [5] и др.

В последующие годы разработка организационно-экономических методов и инструментария управления модернизацией производственных систем выполнялась различными авторами.

Следует отметить исследование А.И. Старовойтова [6], в котором предложена систематизация инструментария рационального управления функционированием производственных систем в таких сферах управленческой деятельности, как производственно-технологическая, состоящая из системы оперативного планирования, системы организации производства, использования стандартов серии ISO 9000 и выше и системы управления инновациями; финансово-экономическая, включающая в себя систему учета и отчетности, систему финансового менеджмента, систему анализа производственно-хозяйственной деятельности, систему привлечения и размещения финансовых ресурсов, систему TCM, систему управления стоимостью бизнеса; управления качеством, заключающаяся в системе статистического контроля качества, TQC, инжиниринге качества, TQM ISO 9001 и MBQ.

Кроме этого, в данной работе разработан алгоритм адаптационного механизма развития производственной системы хозяйственных образований промышленности, заключающийся в способности с максимальной эффективностью определять цели деятельности ПС и средства их достижения в быстро меняющихся условиях внутренней и внешней среды, отличительной особенностью которого является возможность осуществления не только компенсирующих действий в ответ на изменения условий внешней среды, но и реализа-

ция корректирующих воздействий, учитывая наличие определенного предела отклонений устойчивости, находящихся в области допустимой адаптивности производственной системы, что достигается за счет следующих этапов: осознание субъектом управления необходимости осуществления изменений, сканирование внешней и внутренней среды хозяйственных образований промышленности, проектирование и разработка изменений, осуществление изменений, контроль над проведением изменений, оценка эффективности проведенных изменений.

Также автором работы [6] разработан алгоритм инновационного механизма развития производственной системы, позволяющий отслеживать внедрение и анализировать текущее состояние инновационной активности хозяйственного образования промышленности, который отличается от аналогичных разработок системностью и комплексностью менеджмента инноваций, достигаемых наличием в структуре алгоритма следующих этапов: анализ и оценка внешней среды, анализ и оценка готовности производственной системы к инновациям, определение критериев выбора инновационных проектов, разработка инновационно-ориентированного плана развития, формирование альтернативных вариантов инновационных проектов, исключение неподходящих вариантов инновационных проектов, выбор инновационного варианта, внедрение инновационного проекта в производственную систему, контроль реализации инновационного проекта, оценка результата от внедренных инноваций.

Также необходимо отметить исследование Ю.К. Сальниковой [7], в котором оцениваются перспективы модернизации производственных систем путем мониторинга их готовности к осуществлению инновационных преобразований.

В этой работе установлено, что для обеспечения основного условия эффективной модернизации — ее системности — необходимо осуществлять постепенное замещение модернизационных проектов модернизационными процессами, представляющими собой стабильно повторяющиеся, воспроизводимые и эволюционные изменения состояния объектов модернизации в сочетании с процессами их последующей стандартизации. При этом

модернизация предприятия должна рассматриваться не как совокупность модернизационных проектов, а как совокупность модернизационных процессных систем, органично включаемых во внутреннюю структуру предприятия и направленных на обеспечение внутренней целостности предприятий и восприимчивости к любым формам инноваций.

Кроме того, автор этого исследования доказал, что перспективы модернизации в значительной мере задаются действием определенных факторов, создающих те или иные условия функционирования предприятия и формирующих тем самым предпосылки для осуществления модернизационных процессов и их характер на различных уровнях.

Там же были выявлены, проанализированы и систематизированы основные факторы, влияющие на формирование потенциала модернизации предприятий российского машиностроения и определяющие перспективы их модернизации. Классификация факторов проведена по следующим критериям: по отношению к предприятию и по характеру воздействия. На основе анализа факторов сформирована матрица потенциала модернизации российских машиностроительных предприятий.

Также в этой работе исследовано содержание категории «потенциал модернизации» и выявлено, что данное понятие применяется по отношению к различным объектам в зависимости от уровня иерархии в экономике. На миниекономическом уровне — уровне предприятия — содержание потенциала модернизации исследовано недостаточно. Предложен подход к пониманию дефиниции «потенциал модернизации предприятия» как совокупности внешних и внутренних факторов, определяющих уровень готовности (способности) и восприимчивости экономического субъекта к осуществлению модернизационных процессов, обеспечивающих формирование конкурентоспособного технологического облика промышленного предприятия, соответствующего целям и задачам новой индустриализации, в ходе которой будут созданы условия для перехода к инновационной модели развития.

Эти исследования, а также ряд других работ [8, 9, 10 и др.] создают определенную основу для обоснованного отбора инновационных проектов для реализации в тех или иных

производственных системах и определения методов для внедрения их в производственных условиях.

Однако до настоящего времени нет четких методик оценки технико-экономического уровня разработки и перспективности ее применения. Определенные шаги в этом направлении были сделаны в исследованиях [11, 12], где уровень разработки связывается с ее соответствием условиям NBIC-конвергенции и определенному технологическому укладу.

Этот подход представляется вполне соответствующим современным тенденциям, так как в первые годы XXI века М. Роко и У. Бейнбридж [13, 14] открыли взаимовлияние информационных технологий, биотехнологий, нанотехнологий и когнитивной науки и предложили термин «NBIC-конвергенция», получивший впоследствии широкое применение.

Общепризнано, что развитие NBIC-технологий качественно изменяет современные производительные силы и производственные системы. Известно мнение некоторых исследователей о том, что благодаря нанотехнологиям может быть существенно снижена себестоимость различных изделий [15]. Другие исследователи [16] находят это мнение спорным и утверждают, что главным следствием NBIC-конвергенции является то, что при этом природа превращается в непосредственную производительную силу и приводит к прекращению производственных отношений, характерных для индустриальной эпохи. При этом информационные и коммуникационные технологии будут встроены в глобальную производственную систему, обеспечивая возможность работы нанопроизводств и искусственного интеллекта с наибольшей эффективностью.

В результате функционирования таких производственных систем, как доказал П. Бурдые [17] и его последователи [18], в обществе должен наращиваться человеческий и социальный капитал. Причины этого:

1. Повышенное внимание к надежности и антропологической безопасности NBIC-технологий делают практически неизбежным общественное обсуждение с привлечением специалистов, общественных деятелей, политиков, СМИ. Это будет способствовать повышению степени доверия в обществе и, соответственно, наращиванию социального капитала.

2. В исследованиях и разработках по проблемам NBIC-конвергенции участвуют представители различных областей знаний. Это делает необходимым их тесное взаимодействие, взаимное доверие и существенно снижает вероятность оппортунистического поведения, что также служит наращиванию социального капитала.

3. Результаты сопутствующих NBIC-конвергенции исследований в области аналитической философии и психологии по проблеме «сознание и мозг» способствуют развитию прикладных поведенческих наук. Эти науки служат в числе прочего гармонизации взаимоотношений отдельного человека и общества и тем самым способствуют наращиванию социального капитала [19].

Для практического решения задачи наращивания социального капитала в производственных системах на основе NBIC-технологий необходимо обеспечить при их создании и использовании высокий уровень доверия между людьми, участвующими в этом, и минимизировать вероятность оппортунистического поведения.

Все это свидетельствует о целесообразности использования показателей соответствия технических решений NBIC-критериям для оценки их уровня при формировании планов модернизации производственных систем. Однако при этом возникает необходимость создания добротного инструментария, позволяющего квантифицировать качественные характеристики той или иной технологии и/или производственной системы. При этом важна комплексная оценка, позволяющая сравнивать между собой варианты технологий с различными частными параметрами. Как было указано выше, это может быть сделано путем отнесения анализируемой разработки к определенному технологическому укладу. Такой подход может дать ответ о соответствии той или иной разработки критериям конвергентности.

В настоящее время в ЮРГТУ(НПИ) ведется разработка метода оценки инновационных проектов, основанного на вышеописанном подходе.

Литература

1. *Сухарев О. С.* Элементы теории саморазвития экономических систем: институты,

агенты, секторы, регионы. — М.: ЛЕНАНД, 2018. — 360 с.

2. *Ленчук Е. Б.* Формирование институциональной среды промышленного развития в контексте задач импортозамещения // Вестник Института экономики РАН. — 2014. — №6. — С. 7–21.

3. *Фалько С. Г.* Организация и управление инновационной деятельностью на предприятии. — М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 1998. — 126 с.

4. *Валдайцев С. В., Эйзенбах Г.* Инновационные стратегии фирм на российском рынке // Вестник СПбУ. Сер. 5. — 1992. — Т. 19, вып. 3. — С. 89–94.

5. *Глазьев С. Ю., Львов Д. С., Фетисов Г. Г.* Эволюция технико-экономических систем: возможности и границы централизованного регулирования. — М.: Наука, 1992. — 360 с.

6. *Старовойтов А. И., Карачанов В. В.* Техничко-технологические инновации как основа развития производственной системы // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2011. — №3. — С. 151–164.

7. *Сальникова Ю. К.* Методологический подход к оценке потенциала модернизации предприятия // Вестник Южно-Российского гос. техн. ун-та (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2014. — №6.

8. *Голыченко О. Г.* Методологические основы исследования процессов национальной инновационной системы // Друкеровский вестник. — 2014. — №3. — С. 22–35.

9. *Розанова И. В.* Эволюция взглядов на конкуренцию и практика антимонопольного регулирования. Опыт стран с развитой рыночной экономикой // Влияние конкуренции и антимонопольного регулирования на процессы экономической модернизации в России / Под ред. С. Б. Авдашевой, В. Л. Тамбовцева. — М.: Теис, 2005. — С. 205–216.

10. *Зеленская О. А.* Формулирование новой парадигмы конкурентоспособности: кластерно-сетевой подход // Terra-Tconomicus, 2011. — Выпуск №1–2. — Т. 9.

11. *Kolbachev E.* Methodology of the evolutionary economics in application to the engineering problems // SHS Web of Conferences. — 2017. — V. 35.

12. *Kolbachev E. B.* Human-oriented manufacturing and reindustrialization processes in the different socio-economic systems / Proceedings of 24th International Conference on Production Research (ICPR 2017) July 30 — August 3, 2017. Poznan, Poland. // Engineering and technology research / DEStech Publications. — 2018. — Pp. 178–184.

13. *Roco M. C.* Converging Science and Technology at the Nanoscale: Opportunities for Education and Training // Nature Biotech. 2002. — V. 21. — P. 1247–1249.

14. *Roco M., Bainbridge W.* Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. — Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003.

15. Mapping the Global Future. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. GPO. — Pittsburgh, 2004.

16. *Freitas R.* Economic Impact of the Personal Nanofactory. Nanotechnology Perceptions // A Rev. of Ultraprecision Engineer. and Nanotech. — 2006. — №2. — P. 111–126.

17. *Bourdieu P.* The Forms of Capital, Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. — New York: Greenwood, 1986. — P. 241–258.

18. *Deming D.* The Growing Importance of Social Skills in the Labor Market. — NBER Working Paper, 2015.

19. *Liu Y., Grusky D.* The Payoff to Skill in the Third Industrial Revolution // American J. Sociol. — 2013. — V. 118. — P. 1330–1374.

Поступила в редакцию

15 марта 2017 г.



Погорелова Людмила Александровна — аспирант кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Pogorelova Lyudmila Aleksandrovna — postgraduate student of the Production and Innovation Management department of the South-Russian State Polytechnical University (NPI) of M. I. Platov name.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 25-51-54; e-mail: pojmarsh@mail.ru

УДК 332.87

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ ЖИЛИЩНЫМ ФОНДОМ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМИРОВАНИЯ ЖКХ

© 2018 г. *Е. Д. Критина*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск*

Статья посвящена созданию конкурентной среды в управлении жилищным фондом путем развития общественного самоуправления в жилищной сфере при поддержке органов региональной и местной власти.

Ключевые слова: муниципальное управление; жилищно-коммунальное хозяйство; товарищества собственников жилья; жилищно-строительные кооперативы; жилищный кодекс.

The article is devoted to creation of a competitive environment in the management of the housing Fund by a public self-management development in housing sector with the support system of regional and local authorities.

Key words: municipal administration; housing and communal services; homeowners' associations; housing cooperatives; housing code.

Одно из основных направлений реформирования жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) — это создание конкурентной среды в жилищной сфере с предварительным разделением функций заказчика и подрядчика по оказанию жилищно-коммунальных услуг и формированием договорных отношений между собственником жилья (или организацией, им уполномоченной), управляющими и подрядными организациями.

Сущность изменений в управлении жилищным фондом заключается в передаче функций управления от государственной и местной власти к собственникам помещений и их объединениям. Приватизация квартир, проводимая после принятия Законов РФ от 4 июля 1991 г. «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» и от 24 декабря 1992 г. «Об основах федеральной жилищной политики» создала основу для становления института реальных собственников [1, 2]. Однако товарищества собственников жилья (ТСЖ) и жилищные, жилищно-строительные кооперативы (ЖК, ЖСК) занимают недостаточную долю в управлении многоквартирными

домами (МКД), и собственники помещений практически не могут влиять на качество и стоимость жилищно-коммунальных услуг и выступать в роли их заказчиков.

Можно сделать вывод, что в настоящее время завершён процесс передачи государственного и муниципального жилищного фонда в управление собственников жилых и нежилых помещений. Несмотря на серьёзные проблемы (большие затраты, сложность оформления, нежелание граждан брать в управление свои дома, недостаток информации о положительных и отрицательных сторонах трех способов управления), доля частного жилого фонда неизменно увеличивалась.

По данным Департамента жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, в городе Новочеркасске доля частного жилищного фонда составляет 90%, а государственного и муниципального — 10% [3].

На федеральном уровне жилищное законодательство основывается на вступившем в законную силу с 1 марта 2005 г. новом Жилищном кодексе РФ (ЖК РФ), который упорядочил регулирование жилищных отно-

шений. Принятие ЖК РФ следует рассматривать как прогрессивное явление, поскольку старое жилищное законодательство не отвечало рыночным условиям развития государства и служило тормозом в формировании новых жилищных отношений. В Жилищном кодексе вопросам управления жилищным фондом посвящены 49 статей, в том числе статья 30 главы 5, статьи 44–48 главы 6, главы 11–13, разделы VI и VIII. Правовое положение товариществ собственников жилья (ТСЖ) регламентировано тринадцатью статьями VI раздела Жилищного кодекса [4].

Жилищный кодекс устанавливает три способа управления многоквартирным домом, которые вправе избрать собственники жилых и нежилых помещений. Основой этого процесса является развитие общественного самоуправления в жилищной сфере, реализуемое непосредственно гражданами. К сожалению, большинство собственников жилья не готово к самостоятельности и не проявляет желания использовать права на управление своей собственностью, поэтому перед местной властью встает проблема развития общественного самоуправления в жилищной сфере, более того, ст. 165 ЖК РФ обязывает их создать условия для этого развития.

По сведениям о выбранных способах управления многоквартирными домами, расположенными на территории г. Новочеркаска, на 1 апреля 2016 г. (см. табл. 1) в реестре многоквартирных домов числилось 1099 МКД (общей площадью 2440,9 тыс. кв. м), собственники которых выбрали следующие способы управления МКД: управляющая организация — 422 многоквартирных дома (38,4%), ТСЖ — 191 МКД (17,38%), ЖК — 28 МКД (2,6%), непосредственное управление — 456 МКД (41,5%), не определившиеся дома — 2 МКД (0,18%). На территории города работали 25 коммерческих управляющих организаций, осуществляющих управление МКД и оказывающих услуги по содержанию и ремонту общего имущества. Общая площадь жилых помещений, находящихся под их управлением, составляла 1270,5 тыс. кв. м. Следует отметить, что 2 многоквартирных дома не выбрали или не реализовали способ управления в соответствии с ЖК РФ, поэтому органами местного самоуправления

проводились открытые конкурсы среди управляющих организаций.

По сведениям о выбранных способах управления многоквартирными домами, по данным Департамента жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства г. Новочеркаска на 1 апреля 2017 г., в реестре многоквартирных домов по городу числится 1109 МКД (общей площадью 2439,7 тыс. кв. м), собственники которых выбрали следующий способ управления: управляющая организация — 438 многоквартирных дома (39,5%), ТСЖ — 192 МКД (17,3%), ЖК — 28 МКД (2,5%), непосредственное управление — 451 МКД (40,7%), не определившиеся дома — 0 МКД (0%). На территории города зарегистрированы и работают 24 коммерческие управляющие организации, а государственные и муниципальные организации не представлены на этом рынке. Общая площадь жилых помещений, находящихся под управлением коммерческих УО, составляет 1302,5 тыс. кв. м. В I квартале все многоквартирные дома выбрали и реализовали способ управления в соответствии с ЖК РФ, поэтому местной Администрацией не проводились открытые конкурсы среди управляющих организаций.

Из таблицы 1 видно, что процент многоквартирных домов, находящихся под управлением управляющих организаций, в 2016 году резко сокращается по сравнению с 2015 годом — на 35,6% (с 74% до 38,4%), а количество МКД, выбравших непосредственный способ управления, резко увеличивается на 39,3% с 2,2% в 2015 году до 41,5% в 2016 году. Это вызвано тем, что собственники жилья голосуют за непосредственный способ управления и массово отказываются от услуг недобросовестных управляющих организаций. Их не устраивает неудовлетворительное управление их домами и оказание этими организациями некачественных услуг по содержанию и ремонту общего имущества, а также завышение смет и невозможность проверить, на какие цели были направлены деньги жильцов. Процент домов, в которых созданы ТСЖ, за три года почти не изменяется, хотя можно отметить его незначительное снижение с 18,6% в 2015 году до 17,3% в 2017-м, поэтому органы местного самоуправления обязаны создать условия

для развития общественного самоуправления в жилищной сфере. Количество товариществ собственников жилья в 2018 г. планируется увеличивать, но для этого придется перевести часть жилищного фонда из управления управляющих организаций, тем самым нанести им тяжелый экономический урон. Это трудная задача, и без поддержки Администрации и Департамента ЖКХ г. Новочеркаска здесь не обойтись.

Для активизации процесса создания товариществ собственников жилья и их успешного развития органам власти и управления необходимо провести следующие мероприятия:

— упрощение процедуры оформления ТСЖ;

— оформление договоров ТСЖ с органами местного самоуправления на предоставление субсидий, дотаций и льгот;

— создание механизма передачи прав гражданам распоряжаться предназначенными для них бюджетными средствами;

— формирование в муниципальных образованиях Методических центров для оказания соответствующей помощи гражданам в организации и функционировании ТСЖ;

— поддержка деятельности Областной и городской ассоциаций ТСЖ.

В комплекс мероприятий по развитию общественного самоуправления в жилищной сфере муниципального образования входит:

Таблица 1

Сводный анализ способов управления многоквартирными домами в г. Новочеркасске на период с 1 апреля 2015 г. по 1 апреля 2017 г.

Способ управления	Количество организаций	Количество МКД	Общая площадь, тыс. кв. м	Удельный вес от всех МКД, %
на 1 апреля 2015 года				
Управляющая организация	25	807	1081,8	74
Товарищество собственников жилья	179	203	599,3	18,6
Жилищный кооператив	28	28	82,4	2,6
Непосредственное управление	—	24	59,6	2,2
Не определившиеся МКД	—	—	—	—
на 1 апреля 2016 года				
Управляющая организация	25	422	1270,5	38,4
Товарищество собственников жилья	186	191	713,8	17,38
Жилищный кооператив	28	28	95,1	2,54
Непосредственное управление	—	456	345,8	41,5
Не определившиеся МКД	—	2	15,7	0,18
на 1 апреля 2017 г.				
Управляющая организация	24	438	1302,5	39,5
Товарищество собственников жилья	187	192	718,8	17,3
Жилищный кооператив	28	28	95,1	2,5
Непосредственное управление	—	451	335,8	40,7
Не определившиеся МКД	—	—	—	—

- разработка Концепции, соответствующей особенностям региона;
- принятие Муниципальной целевой программы;
- формирование административно-общественной структуры для реализации программы;
- выделение финансовых ресурсов под мероприятия программы;
- привлечение хозяйственного актива к реализации мероприятий программы;
- проведение массовой разъяснительной работы среди населения;
- стимулирование «точек активности» собственников помещений в многоквартирных домах [5].

Следует отметить, что важным шагом в развитии общественного самоуправления в жилищной сфере должна стать не только *массовая организация товариществ собственников жилья* как наиболее эффективного способа управления многоквартирными домами. Существенное повышение эффективности работы в этом направлении дает развитие *Городских ассоциаций товариществ собственников жилья*, которым поручается выполнение отдельных функций по управлению многоквартирными домами.

Можно отметить, что в настоящее время процесс выбора способа управления многоквартирными домами в целом завершен. Происходит процесс изменения способа управления, вызванный поиском наиболее оптимальных и выгодных для собственников моделей управления жильем. Кроме того, собственникам жилых помещений приходится переходить из одной управляющей организации в другую, что влечет за собой появление задвоенных квитанций по оплате жилья от двух управляющих компаний. Для решения данного вопроса ведется разъяснительная работа с управляющими организациями и Советами многоквартирных домов по действующему жилищному законодательству.

Серьезной проблемой стал рост кредиторской задолженности организаций ЖКХ за поставленные ресурсы. Данный вопрос находится на постоянном контроле Администрации города Новочеркаска. Для решения этого вопроса необходимо предпринять ряд серьезных мер, а именно:

- реформирование или восстановление платежеспособности убыточных предприятий;
- обеспечение прозрачности системы платежей и расчетов;
- упорядочение договорных отношений между поставщиками, исполнителями и потребителями коммунальных услуг;
- снижение уровня задолженности за поставленные коммунальные ресурсы.

В заключение можно сделать неутешительный вывод, что современные власти слабо заинтересованы в развитии общественного самоуправления в жилищной сфере России, единственная цель создания ТСЖ — переложить на жителей все расходы по обслуживанию, эксплуатации, капитальному ремонту домов и оплате коммунальных услуг на плечи граждан. Однако эти проблемы придется решать при любой организации самоуправления в жилищной сфере.

Разработанный комплекс мероприятий позволит включить собственников помещений и их объединения в систему взаимодействия и партнерства с органами местного самоуправления, а также будет стимулировать развитие конкурентной среды в сфере управления жилищным фондом муниципального образования, что приведет в итоге к снижению расходов городского бюджета на капитальные ремонты и благоустройство придомовой территории.

Литература

1. Закон РФ от 04 июля 1991 года №1541-1 (ред. от 23.12.92) «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации». — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Закон РФ от 24 декабря 1992 года №4218-1 «Об основах федеральной жилищной политики» (в ред. Федеральных законов от 12.01.1996 №9-ФЗ, от 21.04.1997 №68-ФЗ, от 10.02.1999 №29-ФЗ, от 17.06.1999 №113-ФЗ, от 08.07.1999 №152-ФЗ, от 24.12.2002 №179-ФЗ, от 06.05.2003 №52-ФЗ, от 22.08.2004 №122-ФЗ). — [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.novochgrad.ru>.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 1 марта 2017 года). —

[Электронный ресурс] — Режим доступа:
<http://www.consultant.ru>.

5. Критина Е. Д. Концепция развития общественного самоуправления в жилищной

сфере муниципального образования // Вестн. Юж.-Рос. гос. техн. ун-та (НПИ). Сер. Соц.-экон. науки. — 2009. — №2. — С. 86–89.

Поступила в редакцию

17 апреля 2017 г.



Критина Елена Дмитриевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Управление социальными и экономическими системами» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ). Автор работ по экономике, государственному и муниципальному управлению, организации производства и мировой экономике.

Kritina Elena Dmitrievna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Social and Economic Systems Management of South Russian State Polytechnic University (NPI). Author of works on economics, state and municipal management, organization of production and the world economy.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: 8 (8635) 25-50-45, 25-54-26; e-mail: e.kritina@rambler.ru

УДК 338.2 (075.8)

РАЗРАБОТКА МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

© 2018 г. Н. Б. Новикова

Ростовский-на-Дону филиал Московского университета им. С. Ю. Витте

В статье исследована специфика проектирования мероприятий по модернизации производственных систем промышленных предприятий в условиях реиндустриализации. Доказано, что в современной России имеются исследования, которые могут служить практическим инструментарием для оценки потенциала модернизации промышленных предприятий в условиях реиндустриализации. Применительно к стоимостному управлению можно опираться на понятие потенциала модернизации, ограничившись теми активами, которые непосредственно участвуют в формировании денежного потока.

Ключевые слова: реиндустриализация; модернизация; производственные системы; стоимость бизнеса; потенциал.

The article examines the peculiarities of the modernization of the production systems of industrial enterprises in the conditions of re-industrialization. It is proved that in modern Russia there are studies that can serve as a practical tool to assess the potential of modernization of industrial enterprises in the conditions of re-industrialization. In relation to money management you can rely on the concept of modernisation potential, limited to those assets that are directly involved in the formation of cash flow.

Key words: reindustrialization; modernization; production systems; the cost of business potential.

Специфические условия реиндустриализации, описанные, в частности, в работе [1], предполагают уделить особое внимание разработке и выполнению модернизационных проектов, целями которых является, прежде всего, повышение конкурентоспособности. Однако в условиях реиндустриализации эти цели достигаются специфически.

Основные положения, касающиеся обеспечения конкурентоспособности предприятия, которые можно встретить в изданиях по теории управления предприятием, анализу хозяйственной деятельности и теории маркетинга, в большинстве своем заключаются в следующем:

— эффективность работы предприятия чаще всего характеризуется показателями рентабельности, чистой прибыли, снижени-

ем издержек и другими производными от них величинами;

— устойчивость функционирования предприятия, как правило, сводится к показателям финансовой устойчивости, связанным с показателями деловой активности и ликвидности;

— конкурентоспособность предприятия рассматривается в контексте конкурентоспособности продукции. Результативность отдельных маркетинговых мероприятий, повлекших некоторый рост объема продаж доли рынка, соотносится с достижением прочных рыночных позиций, и как следствие делается вывод о повышении конкурентоспособности бизнеса в целом [2, 3].

Безусловно, вышеперечисленные факторы важны для оценки качества менеджмента и осмысления перспектив развития предпри-

ятия и, как правило, являются определяющими для многих инвесторов. В краткосрочной перспективе вышеуказанные показатели выглядят убедительно, но для принятия решения об инвестициях для проведения реструктуризации, организации инновационного проекта и других долгосрочных мероприятий, оперативных финансовых показателей недостаточно. Обосновать такое утверждение можно через понимание источников формирования оперативных показателей бизнеса. В основном исходной информационной базой оперативных показателей бизнеса является внутренняя информация компании. К примеру, оценив долю рынка, можно говорить о том, что компании удалось сохранить имеющиеся позиции на рынке в случае стабильности показателя доли рынка. Но в реальности все относительно. Необходима информация мезоуровня о текущей фазе и перспективах развития рынка, тогда меняется весь смысл рассчитанного показателя доли рынка. Необходимо говорить о потере рынка или потере времени в случае, если компания увеличила долю лишь на величину естественного роста самого рынка. Оперативные показатели, не учитывающие информацию макросреды, рассредотачивают целевые ориентиры менеджмента. Практическая деятельность ведения бизнеса предполагает наличие многочисленных гибких схем работы с контрагентами. Иначе говоря, нет однообразия, что и порождает возникновение дебиторской и кредиторской задолженности. Проводимые мероприятия по ликвидации задолженностей могут в отдельно взятом периоде либо значительно улучшить реальное положение, либо ухудшить показатели компании. На наш взгляд, фундаментальной и показательной основой эффективности бизнеса должен быть стоимостный подход, вследствие чего разумнее задаваться вопросом: «Как изменилась стоимость бизнеса компании, т.е. всего имущественного комплекса?» Логическим завершением процесса инвестирования какого-либо бизнес-процесса является отдача на вложенный капитал. Даже с юридической точки зрения, законодательство дает право удовлетворить имущественные требования акционеров, инвесторов и других совладельцев соразмерно их доли бизнеса оставшимся у предприятия имуществом по текущей ба-

лансовой стоимости. Закономерно возникает вопрос об оценке стоимости всего бизнеса и более того — стоимостном управлении. Только оценив изменение стоимости производственной системы, можно делать выводы в целом об эффективности работы. Таким образом, целесообразно дополнительно рассматривать в качестве необходимого показателя результативности работы всех функциональных подразделений предприятия именно показатель изменения стоимости бизнеса.

Стоимость как экономическая категория имеет очень широкий спектр смысловых значений. Теория стоимости получила развитие в трудах А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, дополняется и совершенствуется вплоть до настоящего времени.

С позиций теории стоимости А. Смита труд является единственным всеобщим, равно как и единственным точным мерилom стоимости, посредством которой мы можем сравнивать между собой стоимость различных товаров во все времена и во всех местах [4].

Д. Рикардо [5] дополнил учение А. Смита, высказав идею, что в стоимости товара следует учитывать не только затраты труда на создание товара, но и затраты труда на производство средств производства, с помощью которых производится данный товар, а также затраты труда на производство материалов. Кроме того, Д. Рикардо предполагал, что стоимость в значительной мере зависит от полезности и редкости товара.

Согласно учению К. Маркса стоимость складывается из затрат труда и прибавочной стоимости [6].

Современные взгляды на стоимость свидетельствуют о ее рассмотрении в качестве информационной ценности объекта. Например, Т. Сакайя [7] выдвинул гипотезу о новой стоимости, характеризуемой как «стоимость, создаваемая знанием». Он отмечает: «Когда общепризнанно, что тот или иной товар обладает неповторимыми техническими характеристиками, нет ничего необычного в том, что его продажная цена будет во много раз превосходить его себестоимость. Изготовителям нередко удается в два-три раза увеличить первоначально установленную цену на некоторые виды продукции только лишь благодаря демонстративному включению уникальных материалов в отдельные небольшие,

но находящиеся на виду элементы. Существуют и товары, специально ориентированные на безудержное стремление потребителя обладать самой современной технологией: за то, что они способны выполнять какую-то малозначительную функцию, которую другие пока что обеспечить не могут, цены на них устанавливаются совершенно сюрреалистические. В таких областях, как сервис и организация досуга, можно также найти много примеров того, как маркетинг уникальной услуги осуществляется с большим успехом, несмотря на установленную на нее сверхвысокую цену» [7].

В. Н. Костюк в своей работе [8] предлагает термин «инновационная стоимость» (которая зависит не столько от издержек производителей, сколько от соответствия изменяющимся желаниям покупателей) и относит его к социальноэкономической категории: «Возникновение инновационной стоимости превращает чисто экономическую деятельность в социальноэкономическую, зависящую от скрытых альтернатив» [8]. Кроме того, В. Н. Костюк отмечает некоторые важные свойства инновационной стоимости:

— инновационная стоимость не может существовать в неизменном виде слишком долго, ее величина спонтанно уменьшается с течением времени, поскольку зависит от уникальности и качества товара. Конкуренция способна за счет имитации уменьшать уникальность товара и за счет инноваций уменьшать качество, что неизменно уменьшит цену;

— попытки сохранить или увеличить инновационную стоимость приводят к росту разнообразия предлагаемых товаров или услуг и к стремлению улучшить качество в сравнении с аналогичными товарами. Повторяемость такого процесса сокращает жизненный цикл товаров и услуг, что подтверждается многочисленными примерами из повседневной жизни.

В свете возрастающей роли информации следует отметить взгляды на категорию стоимость с позиций информационного подхода. Данная тематика активно развивается в трудах российских авторов (Е. В. Попова, К. К. Вальтуха, О. М. Юня и др. [9, 10, 11]), и зарубежных: А. Харта, Дж. Стиглера, К. Эрроу [12, 13, 14]. С позиций информационной

теории стоимость товара состоит из идеальной информации, взятой из природы (содержание), и материальной, добавленной в процессе производства (количество). Всякий труд есть процесс использования идеальной информации, ее тиражирования и воплощения в материальную информацию [9].

Информационная теория опирается на необходимость создания новой информации как главного производственного ресурса. Деятельность предприятия может рассматриваться в качестве множества информационных потоков. Для понимания сути информационной теории стоимости обратимся к категории стоимости товара. С позиций трудовой концепции стоимости товар обладает потребительской стоимостью или полезностью и стоимостью, равнозначной затратам живого труда на производство товара.

Информационная стоимость основывается на некоторых свойствах информации, а именно:

— информация обладает двойственностью: она имеет конкретное содержание — качество и абстрактное количество;

— информация может быть субъективной, которую мы можем воспринимать исходя из наших знаний, и объективной, которая присуща физическим объектам и может существовать независимо от нас и от наших знаний об объекте;

— информация может быть идеальной, не зависящей от материального носителя, и материальной, то есть неотъемлемой от носителя;

— не существует закона сохранения информации, информация может возникать и уничтожаться, как и стоимость.

Опираясь на вышесказанное, можно сказать, что процесс производства — это материализация идеальной информации. Это представляется особенно важным в условиях реиндустриализации при разработке и осуществлении модернизационных проектов. Идеальная информация — это информация, взятая из природы, она объясняет свойства предметов и явлений, существует независимо от нас. Кроме того, идеальная информация может тиражироваться без изменений, а также видоизменяться, что происходит посредством воздействия материальной информации, воплощенной в человеческих знаниях.

Таким образом, взяв из природы идеальную информацию о свойствах объектов и используя свои знания свойств средств производства и природных ресурсов, мы материализуем идеальную информацию посредством искусственного формообразования, то есть создаем новые продукты. В природе происходит процесс спонтанного формообразования, что в итоге пополняет информационный объем человечества. Количество информации поддается количественному измерению с помощью формулы Шеннона [15]:

$$H = \sum_{i=1}^n p_i \log_2 \left(\frac{1}{p_i} \right) \quad (1)$$

$$(0 < p_i < 1; \sum_{i=1}^n p_i = 1),$$

где H — символ количества информации, воплощенный в некоторой системе; i — индекс состояний системы; n — число состояний; p_i — вероятность состояния i .

Количество информации тем больше, чем больше энтропия, тогда возрастает множественность состояний системы. В изолированных системах количество информации уменьшается ввиду ограниченного числа состояний системы, в то время как в открытых системах, в том числе экономических, пополнение информации извне увеличивает энтропию.

Потребительная стоимость товара воплощает труд человека, а с позиций информационной теории — качество информации,

затраты труда на создание товара в свою очередь — количество материальной и идеальной информации. Человек выступает носителем идеальной информации и владельцем материальной — своего опыта, знаний и способностей. Подводя итог вышесказанному, можно наглядно отразить стоимость товара с позиций трудовой и информационной концепций (табл. 1).

Термин «стоимость бизнеса» или «стоимость предприятия» может иметь отличные значения для разных участников модернизационных процессов. В экономической литературе и в нормативных актах, касающихся оценочной деятельности, встречаются разные толкования вышеуказанных терминов. Рассмотрим некоторые из них.

В международных стандартах оценки под стоимостью действующего предприятия понимается стоимость бизнеса или доли в этом бизнесе как действующего предприятия, а также неосязаемые элементы стоимости в бизнесе, обусловленные такими факторами, как наличие подготовленных кадров, исправно работающего оборудования, необходимых лицензий, систем и процедур [16].

Стоимость действующего предприятия — стоимость бизнеса целиком. Эта концепция подразумевает оценку непрерывно функционирующего предприятия, исходя из которой возможно распределение или разнесение общей стоимости действующего предприятия по его составным частям в соот-

Таблица 1

Отличия концепций трудовой и информационной теорий стоимости [9, 10, 11] применительно к модернизационным проектам в условиях реиндустриализации

Товар и его свойства	Трудовая теория стоимости	Информационная теория стоимости
Стоимость	Стоимость затрат рабочей силы	Стоимость количества идеальной информации
Потребительная стоимость	Полезность	Стоимость качества информации
Рабочая сила	Совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости	Количество идеальной информации, которой обладает человек, и содержательность материальной информации, накопленной им

ветствии с их вкладом в общую стоимость, однако сам по себе ни один из этих компонентов не составляет рыночной стоимости [16].

Согласно стандартам оценки рыночная стоимость объекта оценки — наиболее вероятная цена, по которой объект оценки может быть отчужден на открытом рынке в условиях конкуренции, когда стороны сделки действуют разумно, располагая всей необходимой информацией, а на величине цены сделки не отражаются какие-либо чрезвычайные обстоятельства.

В рамках стоимостного подхода следует отметить, что стоимость бизнеса — сложный интегральный показатель, связанный с прогностическими оценками дальнейшего развития бизнеса. Таким образом, стоимость бизнеса учитывает не только результаты текущей и будущей хозяйственной деятельности, но и имеющийся потенциал производственной системы. В свою очередь, потенциал является залогом будущего импульса в развитии производственной системы. С точки зрения перспектив развития потенциал, который, по сути, представляет совокупные ресурсы компании, более важен, нежели текущий денежный поток. При наступлении благоприятных условий на макроуровне и их создании на микроэкономическом уровне, чем и должен заниматься менеджмент предприятия, накопленный потенциал может быть полноценно использован в соответствии со стратегией развития, наиболее целесообразной в условиях реиндустриализации.

Проблема изучения потенциала производственных систем, его структурирования, оценки и методов управления исследовалась многими отечественными авторами, в их числе: Е. В. Попов [10], А. П. Ковалев [17], К. Т. Джурабаев [18], Г. С. Пушной [19]. Встречается несколько терминологических форм категорий потенциалов в отношении производственной системы, таких как: производственный потенциал, рыночный потенциал, системный потенциал, полезностный потенциал.

Согласно подходу, предложенному Е. В. Поповым [10], совокупность средств и возможностей предприятия в реализации рыночной деятельности является рыночным потенциалом предприятия. В качестве непосредственно ресурсов рассматриваются трудовые, информационные, финансовые и мате-

риально-производственные ресурсы. В свою очередь, инструментарием рыночного потенциала является совокупность экономических инструментов, позволяющих максимально полно реализовать возможности предприятия в условиях рыночного хозяйствования, иначе говоря, маркетинговая деятельность и менеджмент.

А. П. Ковалев [17] выделяет функциональный, параметрический и ресурсный потенциалы, а на их основе оценивается интегральный показатель — полезностный потенциал.

В статье [19] Г. С. Пушной предлагает рассматривать потенциал предприятия с позиций системной динамики, называемой методом системного потенциала. В рамках данного метода потенциал рассматривается как мера величины адаптивных способностей сложной адаптивной системы (в данном случае экономической). Система характеризуется определенной структурой, состоящей из системных категорий: «потенциал», «условия реализации», «оснащенность», «эффективность».

Вышеописанные методики представляют собой достаточно глубокие исследования и могут служить хорошим практическим инструментарием для оценки потенциала промышленных предприятий в условиях реиндустриализации. Применительно к стоимостному управлению можно ограничиться более узким понятием потенциала, ограничившись, например, теми активами, которые непосредственно участвуют в формировании денежного потока. С практической стороны вполне допустимо, что компания может обладать достаточно большими ресурсами в материально-производственной сфере, интеллектуальной, инновационной (последнее особенно важно в условиях реиндустриализации) и других, но чтобы эффективно использовать весь потенциал, потребуются инвестиции на реорганизацию структуры управления, создание проектных групп, изменения налаженных коммуникаций, внутренней документации и информационных каналов.

Литература

1. Колбачев Е. Б. Планирование развития организационных структур и производственных процессов в условиях реиндустриализации // Вестник Южно-Российского государс-

твенного технического университета (Новочеркасского политехнического института). Серия: Социально-экономические науки. — 2016. — №3. — С. 12–18.

2. Уоли К. Ключевые показатели менеджмента. Как анализировать, сравнивать и контролировать данные, определяющие стоимость компании: Пер. с англ. — М.: Дело, 2000. — 360 с.

3. Круглов М. И. Стратегическое управление компанией. — М.: Русская деловая литература, 1998. — 768 с.

4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Наука, 1993. — 569 с.

5. Рикардо Д. Начала политической экономии (отдельные главы) // Антология экономической классики. — Т. 1. — М.: ЭКОНОВ, 1993. — 115 с.

6. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — М.: Изд-во политической литературы, 1972. — С. 185–210.

7. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или История будущего // Новая постиндустриальная волна на Западе. — М.: Academia, 1999. — С. 337–371.

8. Костюк В. Н. Теория эволюции и социально-экономические процессы. — М.: Едиториал УРСС, 2004. — 176 с.

9. Вальтух К. К. Информационная теория стоимости и законы неравновесной экономики. — М.: Янус-К, 2003. — 896 с.

10. Попов Е. В. Институционально-эволюционная миниэкономическая теория. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2004. — 302 с.

11. Юнь О. М. Производство и логика: информационные основы развития. — М.: НОВЫЙ ВЕК, 2001. — 168 с.

12. Эрроу К. К теории ценового приспособления // Теория фирмы. — СПб., 1995. — С. 432–447.

13. Стиглер Дж. Экономическая теория информации // Теория фирмы / Под ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 1995. — С. 28–37.

14. Arrow K. Economics of agency / Principals and Agents: the Structure of Business. — Cambridge: Harvard Business School Press, 1985. — 210 p.

15. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / Пер. с англ.; Под ред. Р. Л. Добрушина, О. Б. Лупанова. — М.: Наука, 1963. — 244 с.

16. Сычева Г. И., Колбачев Е. Б., Сычев В. А. Оценка стоимости предприятия (бизнеса). — Ростов н/Д: Феникс, 2003. — 384 с.

17. Ковалев А. П. Обеспечение экономичности разрабатываемых изделий машиностроения. — М.: Машиностроение, 1986. — 226 с.

18. Джурбаев К. Т., Бурков О. В. Эффективность организационной структуры и структурных элементов потенциала современной организации // Организационные и экономические проблемы становления конкурентоспособного производства: Сб. тр. — Воронеж: Междунар. акад. науки и практики организации производства, 1999. — С. 25–27.

19. Пушиной Г. С. О применении метода системного потенциала в исследовании эволюции экономической системы // Эволюционная теория, инновации и экономические изменения: материалы III Всероссийской интернет-конференции по проблемам экономики и эволюционной экономики. — Екатеринбург, 2005. — С. 79–96.

Поступила в редакцию

14 сентября 2017 г.



Новикова Наталья Борисовна — кандидат экономических наук, доцент Ростовского-на-Дону филиала Московского университета имени С. Ю. Витте.

Novikova Natalia Borisovna — candidate of economic Sciences, associate Professor of Rostov-on-Don branch of Moscow University named S. U. Vitte.

344013, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефедова, 78
78 Nefedova st., 344013, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 300-85-71; e-mail: info.rostov@miemp.ru

УДК 331.21

ПРОБЛЕМЫ МОТИВАЦИИ ТРУДА И СТИМУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ АГРОБИЗНЕСА

© 2018 г. О. Н. Фетюхина, Т. Н. Мишустина, Т. С. Игнатьева

Донской государственный аграрный университет, п. Персиановский

В статье рассмотрены проблемы управления персоналом на сельскохозяйственных предприятиях с учетом специфики сельскохозяйственного производства, приводящие к снижению уровня профессиональных знаний, трудовой активности работников, а также падению интереса молодежи к самореализации в сфере труда, что создает предпосылки для активного поиска эффективных методов совершенствования системы мотивации персонала на предприятиях. Проведен анализ системы стимулирования работников предприятий агробизнеса, в том числе основных составляющих — материального и нематериального стимулирования. При помощи метода опроса был проведен анализ характера и степени мотивации труда работников сельскохозяйственных предприятий, который показал, что ведущая роль среди стимулов материального характера отводится оплате труда. Обосновано применение различных мер стимулирования труда, влияющих на удовлетворенность работников.

Ключевые слова: управление персоналом; стимулирование труда; системы мотивации; материальное поощрение; неденежная мотивация; трудовая активность.

In the article the human resource management problems at the agricultural enterprises taking into account specifics of agricultural production leading to decrease in level of professional knowledge, labor activity of workers and also falling of interest of youth in self-realization in the sphere of work that creates prerequisites for active search of effective methods of improvement of system of motivation of personnel at the enterprises are considered. The analysis of system of staff incentive in agricultural companies including the main components — material and non-material stimulation is carried out. By survey method the analysis of character and degree staff incentive in agricultural companies which shows that the leading role among incentives of material character is assigned to compensation has been carried out. Application of various measures of work incentives influencing satisfaction of workers is proved.

Key words: human resource management staff incentive; systems of motivation; material encouragement; non-monetary motivation; labor activity.

Результативность деятельности предприятия определяется не только новой техникой и современными технологиями, но и качеством персонала, способностью работников осваивать эти технологии и их стремлением к достижению высоких результатов. Недостаточно изменять условия труда и отношения в процессе производства, необходимо, чтобы эти условия адекватно воспринимались людьми, пробуждали у них интерес к трудовой деятельности, способствовали развитию трудовой активности. Высокая мотивация работников — важнейшее условие развития любого предприятия. Ни одно предприятие не может быть эффективным без настроения персонала на работу с высокой отдачей, без заинтересованности кадров в конечных результатах,

важно воспринимались людьми, пробуждали у них интерес к трудовой деятельности, способствовали развитию трудовой активности. Высокая мотивация работников — важнейшее условие развития любого предприятия. Ни одно предприятие не может быть эффективным без настроения персонала на работу с высокой отдачей, без заинтересованности кадров в конечных результатах,

без их стремления внести свой вклад в достижение конечных целей. Специалисты по управлению персоналом и работники кадровых служб последние годы фиксируют снижение уровня профессиональных знаний, падение интереса молодежи к самореализации в сфере труда. В то же время отмечается необходимость повышения трудовой мотивации, подчеркивается, что только заинтересованный в работе человек может трудиться эффективно и приносить пользу своему предприятию. В соответствии с этим данный аспект управления является актуальным и создает предпосылки для активного поиска эффективных методов совершенствования системы мотивации персонала на предприятиях.

Целью наших исследований явилось совершенствование организационно-экономических аспектов управления сельскохозяйственным предприятием через развитие системы мотивации персонала. Объект исследования — работники сельскохозяйственных предприятий Ростовской области. Предметом исследования явились управленческие отношения, возникающие в процессе исследования системы управления персоналом сельскохозяйственных предприятий.

В процессе анализа существующей системы мотивации и стимулирования труда персонала сельскохозяйственных предприятий нами был выявлен ряд проблем.

Во-первых, это достаточно ограниченный перечень как денежных, так и неденежных методов стимулирования.

Во-вторых, это отсутствие полной информации о тех или иных видах стимулирования, а также об условиях их применения. Так, например, и в правилах внутреннего трудового распорядка, и в положении об оплате труда и премировании работников зафиксировано, что в случае чрезвычайных обстоятельств работники имеют право на материальную помощь. Однако ни в этих, ни в других документах мы не нашли описания этих обстоятельств. Кроме того, в документах также отсутствует размер материальной помощи, на которую может рассчитывать сотрудник сельскохозяйственного предприятия.

В-третьих, на сельскохозяйственных предприятиях часто фиксируются нерегулярные выплаты заработной платы. Задержки с ее

выплатой достигали порой, по некоторым данным, трех месяцев. Все это отрицательно отражалось на трудовой активности работников сельскохозяйственных предприятий.

В-четвертых, следует отметить, что некоторые методы стимулирования существуют только «на бумаге». Так, согласно правилам внутреннего трудового распорядка в качестве поощрения работников, добросовестно исполняющих свои трудовые обязанности, руководство большинства сельскохозяйственных предприятий объявляет благодарность, награждает ценным подарком, почетной грамотой, представляет к званию лучшего по профессии. Однако опрос сотрудников ряда таких предприятий показал, что данный вид стимулирования на деле не применяется, а некоторые из них ответили, что даже не знали о том, что на предприятии существует данный вид стимулирования.

В-пятых, это отсутствие обратной связи. На предприятиях агробизнеса не проводятся никакие количественные исследования, например, опросы, которые бы позволили оценить, насколько сотрудники удовлетворены существующей системой мотивации и стимулирования, что они хотели бы изменить в ней и т.д.

Как показали наши исследования, анализ системы стимулирования работников начинается с изучения внутренних локальных документов предприятия, в которых изложены отдельные формы мотивации и стимулирования персонала. Такими документами, как правило, являются: правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда и премировании работников, трудовые договоры. Информацию об отдельных элементах системы стимулирования можно встретить в штатном расписании, положениях об отделах (подразделениях), должностных инструкциях, а также в различных приказах. В результате анализа внутренних локальных документов сельскохозяйственных предприятий, опроса сотрудников ряда сельскохозяйственных предприятий, а также используя классификацию, предложенную Е.В. Орловой [2], мы выделили следующие основные формы мотивации персонала на сельскохозяйственных предприятиях (табл. 1).

В частности, как показали исследования, в связи со спецификой сельскохозяйственного производства (отсутствием возможности учета фактических часов переработки) такая важная

составляющая заработной платы, как оплата сверхурочных часов для работников со сдельной оплатой труда, производится в виде дополнительной надбавки к сдельной расценке, на полевых работах — с первого гектара, на перевозках — с первого километра. Дополнительная надбавка рассчитывается исходя из максимально возможной переработки.

Большинство сельскохозяйственных предприятий в качестве материального поощрения использует премирование следующими видами премий: текущая (ежемесячная) и разовая (единовременная) премии. Премии, как правило, выплачиваются из фонда оплаты труда на основании приказа руководителя за следующие производственные показатели: достижения в труде, большой личный вклад в выполнение производственных задач предприятия, своевременное и качественное выполнение трудовых обязанностей, интенсивный труд, активное участие в реализации проектов, качественное и оперативное выполнение других особо важных заданий и особо срочных работ, новаторские идеи и прочие заслуги работников.

Неденежная мотивация — еще одна форма эффективной мотивации персонала предприятий агробизнеса. Она осуществляется в разных формах: натуральная, организационная и (или) моральная мотивация.

Как показали исследования, в последнее время на крупных сельскохозяйственных предприятиях особое внимание уделяется

обучению персонала. Так, например, за счет предприятия один раз в три года главные специалисты и специалисты среднего звена проходят курсы повышения квалификации. Кроме того, в зимний период на территории многих сельскохозяйственных предприятий организуются курсы для механизаторов. В качестве преподавателей в этом случае выступают специалисты самих предприятий.

Также следует упомянуть, что на многих сельскохозяйственных предприятиях на протяжении ряда десятилетий существует традиция дарить подарки на Новый год детям сотрудников.

Помимо натуральной неденежной мотивации на предприятиях агробизнеса используется организационная мотивация. Среди методов организационной мотивации следует также назвать оптимизацию организации рабочего места необходимой офисной мебелью, обеспечение всей необходимой оргтехники и оборудованием. В качестве методов моральной мотивации, используемых на сельскохозяйственных предприятиях, можно назвать объявление благодарности, награждение ценным подарком, почетной грамотой, представление к почетному званию.

В рамках проводимого исследования для анализа характера и степени мотивации труда работников предприятий агробизнеса нами был использован метод ранжирования показателя [3]. Респондентам был предложен пе-

Таблица 1

Формы мотивации персонала, применяемые сельскохозяйственными предприятиями

Формы мотивации		Виды мотивации
Наказания, санкции		Дисциплинарные взыскания, лишение премии (части премии)
Денежная мотивация		Зарплата и ее индексация, премии и др.
Неденежная мотивация	Натуральная	Оплата услуг оператора сотовой связи и интернета, оплата обучения, предоставление служебного автомобиля и др.
	Организационная	Комфортное рабочее место, современная офисная мебель, оргтехника и компьютеры, комната для приема пищи, комната отдыха и др.
	Моральная	Объявление благодарности, награждение ценным подарком, почетной грамотой, представление к званию лучшего по профессии и др.

Таблица 2

Характер и степень мотивации труда работников предприятий агробизнеса

№	Вопросы	Доля наивысших оценок, %	Ранг
1	Оплата труда	84	1
2	Опасение потерять работу	65	2
3	Уважение коллектива	59	3
4	Возможность иметь работу, которая интересна	46	4
5	Социальные льготы от предприятия	40	5
6	Режим труда и отдыха	40	6
7	Охрана и безопасность труда	39	7
8	Общественная значимость труда	36	8
9	Санитарно-гигиенические условия труда	32	9
10	Организация труда, обеспечение техническими средствами	29	10
11	Возможность профессионального роста	29	11
12	Доходы от собственности	27	12
13	Возможность проявить инициативу, самостоятельность	26	13

речень стимулирующих условий и факторов, которым они выставляли ранги. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Анализируя данные таблицы 2, можно отметить, что ведущая роль среди стимулов материального характера отводится оплате труда. На втором месте находится элемент «опасение потерять работу». Это объясняется сложившейся экономической ситуацией в стране, нестабильным экономическим положением ряда сельскохозяйственных товаропроизводителей и другими негативными факторами.

Таким образом, как показали наши исследования, высокая мотивация работников сельскохозяйственных предприятий — важнейшее условие их развития [1]. Существующая система мотивации персонала предприятий агробизнеса в настоящее время является несовершенной и требует существенной доработки как в части материальной, так и нематериальной составляющей. Целесообразно также усовершенствовать систему внутренней документации предприятий, в которой отражаются вопросы, связанные с различными мерами стимулирующего воздействия работников.

Все эти меры в перспективе позволят усовершенствовать механизм управления персоналом сельскохозяйственных предприятий.

Литература

1. *Игнатъева Т. С.* Модели трудовой мотивации работников в современном управлении агробизнеса / Т. С. Игнатъева, О. Н. Фетюхина, В. И. Фетюхин // Современное состояние и приоритетные направления развития аграрной экономики в условиях импортозамещения. Междунар. науч.-практ. конф., 17 февраля 2016 г. — пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2016. — С. 184–188.

2. *Орлова Е. В.* Мотивация персонала: денежная и иная. Проблемы документального оформления, учета, налогообложения / Е. В. Орлова // Библиотечка «Российской газеты». — 2012. — Вып. 7. — 176 с.

3. *Чебыкина М. В.* Мотивация труда как фактор повышения конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий / М. В. Чебыкина, Т. П. Медведева // Вестник ОГУ. — 2004. — №8. — С. 142–145.



Фетюхина Ольга Николаевна — доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления Донского государственного аграрного университета.

Fetyukhina Olga Nikolaevna — Doctor of Economics, professor, the chairman of the Department of Economic and Management of Don State Agrarian University.

346493, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Университетская, 5
5 Universitetskaya st., 346493, Persianovskiy, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (961) 423-73-55; e-mail: olgaf1977@yandex.ru



Мишустина Татьяна Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Донского государственного аграрного университета.

Mishustina Tatyana Nikolaevna — candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economic and Management of Don State Agrarian University.

346493, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Мичурина 9, кв. 52
9 Michurina st., app. 52, 346493, Persianovskiy, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (928) 613-23-46; e-mail: mail_levatan@rambler.ru



Игнатьева Татьяна Станиславовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Донского государственного аграрного университета.

Ignatyeva Tatyana Stanislavovna — candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Economic and Management of Don State Agrarian University.

346493, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Весенняя 1, кв. 12
1 Vesenniyaya st., app. 12, 346493, Persianovskiy, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (928) 610-50-38; e-mail: veraw79@mail.ru

УДК 669

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЫНОЧНЫХ УСЛОВИЯХ ЗА РУБЕЖОМ

© 2018 г. *Н. В. Алиева*

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье рассмотрены вопросы государственного регулирования земельных отношений в рыночных условиях в России и в ряде наиболее развитых стран мира.

Ключевые слова: земельные ресурсы; земельный участок; землевладение; землепользование; природоупользование; охрана природной среды.

The article considers the issues of state regulation of land relations in market conditions in Russia and in a number of the most developed countries of the world.

Key words: land resources; the ground area; land tenure; land use; nature management; protection of the natural environment.

За последние годы в значительной степени была изучена практика и тенденции земельных отношений, сложившихся в ряде наиболее развитых стран мира.

Значительным здесь является четкое представление о земельных ресурсах как об элементе общественного производства. В зарубежной трактовке земля — это объект наиболее сложный. Земля — это почва, территория размещения производительных сил, недра и пространство над нею. Зарубежное юридическое понимание земельного участка трехмерное. Его положение определяется реальными и представляемыми точками, установленными по отношению к земной поверхности. Права на пространство и на любое материальное содержание, находящееся внутри, в рамках определенного участка являются юридическими вопросами.

Такой подход к определению прав на землю делает возможным ее послойное вертикальное деление. Одно лицо может владеть поверхностью и всем, находящимся под ней на какой-то глубине, другое — владеть землей ниже этой границы, третье может владеть пространством над землей до определенной высоты, а четвертое — слоями над этой высотой. Это разделе-

ние земли на слои повышает не только общий эффект ее использования, но и экономическое и социальное ее значение [1].

Из анализа зарубежной земельной практики вытекает несколько других, применяемых к России, выводов. Первый вывод сведен к пониманию различий последствий использования земли как объекта собственности и как объекта хозяйствования. Вторым выводом заключен в понимании преимущества крупного коллективного (например, аграрного) производства, которое требует соответствующих земельных площадей. Третий вывод сводится к тому, что главным является не только земельная собственность, но и права и обязанности землевладельцев и землепользователей.

В США и Канаде земля может быть как государственной, так и частной собственностью. Существенная часть земель Израиля находится в общей собственности государства и Еврейского национального фонда. Но и в том случае, когда земельные угодья являются объектом частного владения (Бразилия, Англия), рамки прав землевладельцев под давлением общих национальных интересов все более сужаются, и расширяются пра-

ва государства и хозяйствующих субъектов, использующих эти земли [2].

Повышение зрелости буржуазных отношений о понимании консервативности частной земельной собственности вынуждают государство брать на себя все больше функций государственного контроля над использованием и распоряжением, по существу частично разделив с частными землевладельцами их права собственников.

В ФРГ, например, современное право запрещает дробление земельных участков при любых сменах землевладельцев как использование не по назначению или непродуктивно сельскохозяйственных угодий, предусматривает государственный контроль за сделками по отчуждению земельных участков, отдает преимущество интересам арендатора, а не арендодателя. И это делается в настоящих рыночных условиях.

В рамках общей задачи государственного регулирования земельных отношений в рыночных условиях должны сочетаться две формы:

— государственно-административное регулирование земельных отношений в наиболее целесообразных направлениях и формах;

— организуемое с помощью экономических (рыночных) форм и методов, направляющих интересы коллективных и единоличных собственников, землевладельцев и землепользователей на сохранение и рациональное использование земельных угодий [2].

При этом должны сохраняться их полная взаимосвязь и взаимодействие. В системе государственного регулирования земельных отношений существенная роль отводится землеустройству, государственному земельному кадастру и регистрации прав на землю, оценке земли, информационному обеспечению земельных преобразований и подготовке кадров.

В рыночных условиях землеустроительную деятельность наряду с государственными организациями осуществляют и частные, которые выполняют работы по соответствующим лицензиям. Для всех участников землеустройства государство гарантирует: защиту прав собственности, владения и пользования землей, охрану земель, повышение эффективности развития инфраструктуры и градостроительства, функционирование надежной

системы налогообложения земли и недвижимой собственности, контроль над земельным оборотом и земельным рынком, поддержку рационального природопользования [2].

В рамках структурных изменений в землепользовании РФ возникает одна из значительных государственных проблем, которую уже никак нельзя игнорировать, — осуществление планомерной системы расселения на территории России [3].

Сложившиеся формы территориального расселения в России создали ряд прогрессирующих негативных проблем экологического, экономического и нравственно-социального порядка. Резко увеличились миграционные потоки населения в Россию из бывших республик Союза, из северных городов в более южные регионы. Возникает необходимость в срочной разработке единой государственной программы расселения населения на территории России.

Важным является и переустройство пригородного землепользования. Пригородные территории должны главным образом использоваться для индивидуального жилищного строительства, организации личных подсобных и фермерских хозяйств, садоводства, огородничества, создания рекреационных зон. Речь идет о перераспределении 7–10 млн. гектаров земель. В короткие сроки необходимо разработать соответствующие схемы земельно-хозяйственного устройства этих территорий и определить их статус.

Очень важна проблема охраны земель от деградации, которая из очаговой превратилась в региональную проблему. Необходимо развернуть работы по осуществлению национальной государственной программы охраны земель.

Литература

1. Основы природоохранной деятельности в агромелиоративных системах: монография / А. С. Чешев, Н. Б. Сухомлинова, Л. А. Александровская и др. Новочерк. инж.-мелиор. ин-т Донской ГАУ. — Новочеркасск: Лик, 2016. — С. 214.

2. Чешев А. С., Алиева Н. В. Мелиорированные земли: их использование и оценка: монография. — Ростов н/Д: Рост. гос. строит. ун-т, 2012. — 167 с.

3. Чешев А. С., Александровская Л. А., Алиева Н. В. Экологическая экспертиза как инструмент правового регулирования природоохранной деятельности на мелиоративных системах. // Известия Ростовского государственного строительного университета. — 2010. — Т. 1. — №14 (14). — С. 209–215.

Поступила в редакцию

16 марта 2017 г.



Алиева Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А. К. Кортунова Донского государственного аграрного университета.

Alieva Natalya Vladimirovna — Ph.D., Candidate of Economics, docent of the Don State Agrarian University's Novocherkassk State Engineering and Land Reclamation Institution of A. K. Kortunof name.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (951) 493-48-92; e-mail: natali281280@yandex.ru

УДК 332.338

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИИ ПОСРЕДСТВОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2018 г. Н. Г. Овчинникова, М. В. Гаранова, Д. В. Бурдова

Академия строительства и архитектуры ДГТУ, г. Ростов-на-Дону

Подготовка документов территориального планирования и градостроительного зонирования осуществляется с целью устойчивого развития территорий. В статье освещены основные аспекты института градостроительства. Закономерность современного периода формирования отечественной системы градостроительного зонирования состоит в том, что функциональное зонирование генерального плана и градостроительное зонирование в составе правил землепользования и застройки, где устанавливаются градостроительные регламенты, должны быть разнесены по разным документам в силу их правового статуса.

Необходимость защиты прав собственников недвижимости и субъектов инвестирования определяет принципы градостроительного зонирования, становление которых происходило в нашей стране на протяжении последних десяти лет в формах изучения западных приемов правового регулирования и разработки на их основе собственных методов.

Ключевые слова: устойчивое развитие; территория; территориальное планирование; градостроительное зонирование; функциональное зонирование; генеральный план; правила землепользования и застройки.

Preparation of documents of territorial planning and urban zoning is carried out with the aim of sustainable development of territories. In article the main aspects of the urban Institute are highlighted. The pattern of the modern period of formation of national system of zoning is that zoning of the master plan and zoning in the composition of the rules of land use and development, which set out the town planning regulations, must be posted on different documents because of their legal status.

The need to protect the rights of owners of property and subjects of investments determines the principles of zoning, the formation of which occurred in our country over the last ten years the study of Western methods of legal regulation and the development of their own methods.

Key words: sustainable development; territory; territorial planning; urban zoning; functional zoning; General plan; land use and development.

В развитии правового регулирования институт градостроительного зонирования занимает особое место, так как содержит критерии правомерности поведения субъектов земельных и иных правоотношений, поскольку конкретизирует признаки составов административных правонарушений, зафиксированных в правовых нормах, и выступает в качестве критерия

допустимого поведения субъектов правоотношений [1].

Градостроительное зонирование используется в некоторой степени как дополнительный способ установления правового режима использования и охраны земель наряду с институтом деления земель на категории [2].

Система зонирования реализуется специальной технологией регулирования гра-

достроительной деятельности, необходима и обязательна в условиях рыночной экономики, обращена на учет публичных и частных интересов разных групп населения по сравнению с интересами государства [3].

Градостроительное зонирование регулирует вопросы территориальной организации жизнедеятельности, экономики, строительства, реконструкции, использования объектов недвижимости и является частью градостроительной деятельности.

Градостроительный кодекс выступает как основной нормативный документ градостроительного права в Российской Федерации при определении состава территориальных зон. Помимо этого, к документам градостроительного права относятся Земельный, Гражданский, Жилищный и другие кодексы РФ, федеральные градостроительные законы и своды правил, муниципальные и региональные правовые акты — градостроительные уставы поселения, генеральные планы, правила землепользования и застройки городов.

Формирование структуры зонирования происходит посредством выявления основных критериев установления территориальных зон. В первую очередь производится зонирование территории в соответствии с перечнем зон, установленных Градостроительным кодексом РФ и материалами генплана города. Градостроительным кодексом РФ закреплен общий перечень из девяти видов территориальных зон.

После подвергаются анализу проектные решения, предусмотренные генеральным планом для территориальных зон, и вырабатываются алгоритмы градостроительных изменений территории. В завершение выявляются способы реализации необходимых мероприятий при помощи инструментов градостроительного зонирования.

Применение данных правил на практике при установлении состава территориальных зон в пределах города может происходить как в совокупности, так и по отдельности [4].

Простота установленной системы территориальных зон является существенным фактором, оказывающим влияние на структуру градостроительного зонирования.

Не стоит забывать, что генеральный план предусмотрен для профессионально подготовленных лиц, в то время как правила землепользования и застройки рассчитаны на ау-

диторию, не владеющую специальной терминологией. Для обеспечения востребованности градостроительных документов среди населения следует придерживаться более простого в понимании перечня территориальных зон.

Применение данных правил на практике при установлении состава территориальных зон в пределах города может происходить как в совокупности, так и по отдельности.

По каждому кварталу, участку города, выделенному на генерализованной схеме градостроительного зонирования, производятся следующие действия: выясняется существующее состояние территории, содержание прав на земельные участки, степень их размежевания; анализируются решения по генеральному плану и иной утвержденной градостроительной документации; проверяется решение генерального плана на предмет соответствия стратегии развития города, а также его реалистичность и актуальность; устанавливаются текущие тенденции в использовании и развитии рассматриваемой части города.

В случае, если решения генерального плана соответствуют этим тенденциям и направлены на решение текущих проблем, то они переносятся в правила землепользования и застройки [5]. Когда решения генплана расходятся с действующими тенденциями и не способствуют решению актуальных проблем, выявленных и зафиксированных в стратегии городского развития, они либо трансформируются, либо заменяются другими, более эффективными, решениями.

Стоит затронуть вопрос о различии в положении генерального плана и нормативно-правового акта градостроительного зонирования — правил землепользования и застройки. Первый документ устанавливает функциональное зонирование, общие характеристики использования территории, характер застройки и инфраструктуры на долгосрочную перспективу.

Градостроительное зонирование опирается на текущие тенденции в развитии территории, поскольку не может устанавливать права использования недвижимости, не учитывая фактическое состояние. Несмотря на это, между территориальным планированием и градостроительным зонированием существуют связи технологического характера, обеспечивающие последовательность принятия решений [6].

Градостроительное зонирование дает субъекту земельных правоотношений право выбора при определении правового режима принадлежащего ему земельного участка [7]. Такое правовое действие принимается как условие для осуществления мероприятий, направленных на следующие действия: побуждение к эффективному использованию территории муниципального образования; установление приемлемых требований к использованию земельного участка и связанной с ним планировочной документации; поддержание в нормальном состоянии территорий объектов культурного наследия и особо охраняемых природных территорий; четкая идентификация прав застройщика на предоставленный ему земельный участок; предоставление застройщику достаточной информации об оснащении участка инженерными сетями; привлечение инвестиций в новое строительство и реконструкцию существующей застройки; участие заинтересованных лиц в принятии решений по зонированию территории, затрагивающих их права, а также гласность и публичность принятия таких решений; общественный контроль над исполнением градостроительной деятельности; предупреждение разногласий между землепользователями, землевладельцами [8, 9].

Исходя из вышесказанного, влияние градостроительного зонирования на жизнедеятельность населения значительно выше, чем долгосрочных плановых документов, поскольку затрагивает их имеющиеся права и экономические интересы. Если в построении системы градостроительного зонирования учтены интересы собственников и инвесторов, то такая система будет работать в необходимом порядке, то есть реализовывать намеченные планы, стимулировать экономический рост, повышать эффективность управления с целью рационального использования территорий.

Литература

1. Овчинникова Н.Г. Совершенствование управления градостроительным комплексом на территории Ростовской области Интеграци-

онные процессы в современном геоэкономическом пространстве. Материалы научно-практической конференции. — 2016. — С. 234–236.

2. Овчинникова Н.Г., Алиева Н.В. Территориальные условия организации использования земельных ресурсов / Инженерный вестник Дона. — 2012. — №3 (21). — С. 836–839.

3. Овчинникова Н.Г. Использование и охрана земельных ресурсов в системе рационального землепользования / Землеустройство, кадастр и мониторинг земель. — 2011. — №6 (78). — С. 83–91.

4. Овчинникова Н.Г. Организационно-территориальные аспекты использования земельных ресурсов / Инженерный вестник Дона. — 2011. — Т. 17. — №3. — С. 236–240.

5. Овчинникова Н.Г. Территориально-градостроительное развитие Ростовской области в современных условиях / Строительство и архитектура 2015. Материалы международной научно-практической конференции ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», Союз строителей Южного федерального округа, Ассоциация строителей Дона. — 2015. — С. 243–244.

6. Чешев А.С., Овчинникова Н.Г. Концептуальные основы формирования механизма устойчивого землепользования / Terra economicus. — 2008. — Т. 6. — №2–2. — С. 115–118.

7. Чешев А.С., Овчинникова Н.Г. Экологические аспекты формирования землепользования в новых условиях хозяйствования / Terra economicus. — 2008. — Т. 6. — №3–3. — С. 68–70.

8. Овчинникова Н.Г., Чешев А.С. Организационно-правовые формы хозяйствования в современных условиях / Инженерный вестник Дона. — 2011. — Т. 15. — №1. — С. 279–288.

9. Новик Ю.С., Овчинникова Н.Г., Зерицков А.М. Основные направления градостроительного развития южного региона России / Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. — 2017. — С. 227–229.



Овчинникова Наталья Геннадьевна — доцент кафедры экономики природопользования и кадастра Академии строительства и архитектуры Донского государственного технического университета.

Ovchinnikova Natalya Gennadyevna — associate Professor of the Department of environmental Economics and cadastre of the Academy of Construction and Architecture of Don State technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162
162 Socialisticheskaya st., 344022, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (904) 440-83-66; e-mail: donong160875@yandex.ru



Гаранова Мария Валерьевна — студент кафедры экономики природопользования и кадастра Академии строительства и архитектуры Донского государственного технического университета.

Garanova Maria Valerievna — student of the Department of environmental Economics and cadastre of the Academy of Construction and Architecture of Don State technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162
162 Socialisticheskaya st., 344022, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (904) 440-83-66; e-mail: donong160875@yandex.ru



Бурдова Дарья Викторовна — студент кафедры экономики природопользования и кадастра Академии строительства и архитектуры Донского государственного технического университета.

Burdova Daria Viktorovna — student of the Department of environmental Economics and cadastre of the Academy of Construction and Architecture of Don State technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 162
162 Socialisticheskaya st., 344022, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (904) 440-83-66; e-mail: donong160875@yandex.ru

УДК 621.311

**ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ
ОТРАСЛИ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ
В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЗА 2015–2017 гг.**

© 2018 г. А. М. Калугин

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

В электроэнергетический комплекс ЕЭС России входит около 700 электростанций мощностью свыше 5 МВт. На начало 2017 г. общая установленная мощность электростанций ЕЭС России составила 236,34 ГВт.

Как и в целом по стране, в регионах отмечаются проблемы с наличием задолженности по оплате за поставленный ресурс как у населения, так и у промышленных комплексов. Кроме того, одним из направлений развития отрасли является модернизация существующих мощностей, ввод в действие новых, а также использование альтернативных источников энергии.

Предмет исследования — это состояние электроэнергетики в регионах России на 2015–2017 гг.

Цель работы — провести анализ основных показателей за период 2015–2017 гг. в стране на основании данных, представленных на сайте Министерства энергетики Российской Федерации. По результатам анализа сделать вывод о состоянии отрасли Пермского края в сравнении с другими регионам страны.

Ключевые слова: развитие; динамика; показатели; электроэнергетика регионов; проблемы.

The power complex of the UES of Russia includes about 700 power plants with a capacity of over 5 MW. As of the beginning of 2017, the total installed capacity of the UES power plants was 236.34 GW.

As in the whole country, in the regions there are problems with the existence of arrears in payment for the supplied resource, both for the population and for industrial complexes. In addition, one of the directions of the industry development is the modernization of existing facilities, the commissioning of new ones, as well as the use of alternative energy sources.

The subject of the study is the state of the electric power industry in the regions of Russia for 2015–2017.

The aim of the work is to analyze the main indicators for the period 2015–2017 in the country on the basis of the data presented on the website of the Ministry of Energy of the Russian Federation. Based on the results of the analysis, we can draw a conclusion about the state of the Perm edge sector in comparison with other regions of the country.

Key words: development; dynamics; indicators; electric power industry of regions; problems.

Различные регионы нашей страны по-разному потребляют данный ресурс, имеют различные цены и тарифы. Это обусловлено

как территориальными особенностями, так и наличием промышленных производств. Это вполне закономерно, поскольку районы Севе-

ра будут потреблять больше энергии на отопление, в то время как юг страны меньше использует электричества на различные цели. Вместе с тем промышленные кластеры станут мощными потребителями электроэнергии даже при небольшой численности населения.

Стоит отметить, что после преобразования РАО ЕЭС в структуре энергокомплекса страны выделились такие компании, как ПАО «Интер РАО-Электрогенерация», обслуживающая в том числе Пермский край, ПАО «ОГК 2», ПАО «Юнипро», ПАО «Иркутск-энерго» и множество других. Они не только обеспечивают выработку потребления в необходимом объеме, но также имеют отличия в уровне цен на отпускаемую энергию.

Основу отрасли электроэнергетики страны составляют генерирующие компании, ранее входившие в состав РАО ЕЭС. Каждая из них обслуживает ряд регионов. В нашем исследовании наибольший интерес представляет ПАО «Интер РАО-Электрогенерация», поскольку именно она является поставщиком электроэнергии Пермского края. Проанализируем квартальные данные о выработке электроэнергии (таблица 1) [9, 10].

Данные таблицы 1 свидетельствуют о тенденции общего сокращения общего объема выработки электроэнергии в стране на 0,7% в 1 квартале 2017 года по сравнению с 1 кварталом 2015 года. Несмотря на это ПАО «РусГидро» был достигнут положительный эффект в виде прироста на 66,2%. ПАО «Интер РАО-Электрогенерация» сократило объемы выработки на 8,1%, что является средним показателем по всем компаниям, пос-

кольку есть компании, которые значительно уменьшили объемы производства (например, ООО «Тверская Генерация» — 29,1%). Также следует отметить, что большая часть выработанной ПАО «Интер РАО-Электрогенерация» электроэнергии приходится на Пермский край. В общероссийском объеме производства данного вида ресурса ПАО «Интер РАО-Электрогенерация» занимает в среднем 7%, несмотря на значительные колебания в период 2015–2017 гг. Также очевидно, что доля, занимаемая данной компанией, является максимальной среди фирм, бывших ранее в составе РАО ЕЭС.

Для наглядности представим удельный вес компаний за 1 квартал 2017 г. на рис. 1.

Далее изучим изменения потребления электроэнергии по федеральным округам и стране в целом. Для детального анализа рассмотрим данные и по отдельным крупным регионам внутри округов. Данные представлены в таблице 2.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о том, что только в Новосибирской области произошло сокращение потребления электроэнергии в 1 квартале 2017 года по сравнению с 1 кварталом 2015 года. При этом следует отметить, что это явление наблюдается при отрицательной тенденции выработки (как отмечено ранее, объем производства электроэнергии сократился за данный период). Это свидетельствует о том, что большая часть произведенной энергии потребляется внутри страны и меньше экспортируется. В целом это является общегосударственным курсом, направленным на импортозамещение.

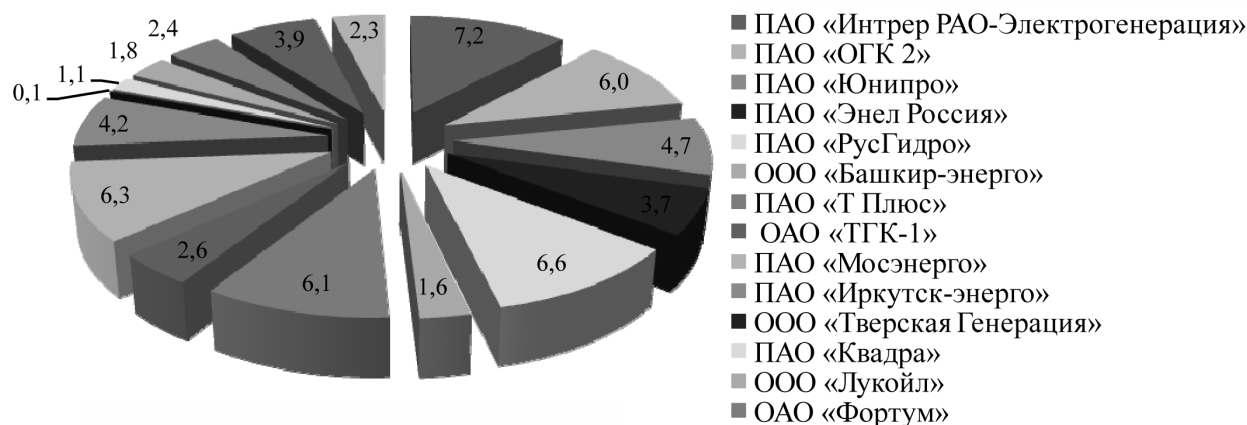


Рис. 1. Структура выработки электроэнергии генерирующими компаниями в 1 квартале 2017 года, % [7, 8]

Таблица 1

Выработка электроэнергии в 2015–2017 гг. [4, 7, 8]

Показатель	2015 год				2016 год				I кв. 2017 г.	Изменение за период, %
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		
	Общий объем выработки, млн. кВт*ч	294512,4	232974,1	235452,2	286966,2	291829,3	240218,5	241431,3		
ПАО «Интрер РАО-Электрогенерация»	22908,4	18861,3	21606,3	21273,8	19053,3	17540,3	21220,8	21188,9	21041,6	91,9
%	7,8	8,1	9,2	7,4	6,5	7,3	8,8	7,1	7,2	92,3
ПАО «ОГК 2»	18173,8	14210,9	14361,9	17875	16392,4	15044,5	16883,8	19048	17557	96,6
%	6,2	6,1	6,1	6,2	5,6	6,3	7	6,4	6	97,3
ПАО «Юнипро»	13997,3	12162,7	12463,8	15142	15491	12522,8	11898,6	14618,4	13598,9	97,2
%	4,8	5,2	5,3	5,3	5,3	5,2	4,9	4,9	4,7	97,8
ПАО «Энел Россия»	11955	9761,9	11114,5	11567,3	10662,6	9544,9	11316,9	11838,7	10682,8	89,4
%	4,1	4,2	4,7	4	3,7	4	4,7	4	3,7	90
ПАО «РусГидро»	11564,2	26500,8	19346,8	20297,7	19880,5	24751,2	25066,8	20951,2	19217,2	166,2
%	3,9	11,4	8,2	7,1	6,8	10,3	10,4	7	6,6	167,4
ООО «Башкир-энерго»	5113,1	4259,8	4304,5	5266,6	5545	4434,4	4378,2	4947,1	4818,8	94,2
%	1,7	1,8	1,8	1,8	1,9	1,8	1,8	1,7	1,6	94,9
ПАО «Т Плюс»	20896,9	9255,2	8977	17129,8	18227,1	10087,1	9581,9	17500,8	17719,2	84,8
%	7,1	4	3,8	6	6,2	4,2	4	5,9	6,1	85,4
ОАО «ТГК-1»	7826,3	5773,3	5229,6	6963,1	7992,6	6738	5528,8	7395,7	7551,3	96,5
%	2,7	2,5	2,2	2,4	2,7	2,8	2,3	2,5	2,6	97,2
ПАО «Мосэнерго»	18475,1	9985,7	10095,9	16155,7	17075,7	11586,9	12274,7	18130,3	18391,6	99,5
%	6,3	4,3	4,3	5,6	5,9	4,8	5,1	6,1	6,3	100,3

Окончание таблицы 1

ПАО «Иркутск-энерго»	12445,8	10434,2	11700,1	12281,2	11933	10640,3	11839,4	13660	12164,7	97,7
%	4,2	4,5	5	4,3	4,1	4,4	4,9	4,6	4,2	98,4
ООО «Гверская Генерация»	502,9	174,4	132,5	361,4	449	203,2	129,4	309	356,8	70,9
%	0,2	0,1	0,1	0,1	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	71,5
ПАО «Квадра»	3579,1	1401,9	1516,1	2875,1	3156,6	1730,9	1701,3	2750,7	3143,5	87,8
%	1,2	0,6	0,6	1	1,1	0,7	0,7	0,9	1,1	88,5
ООО «Лукойл»	5533,6	3135,7	3787,1	5123,5	5363,7	3486,5	3894,5	5402,9	5386,8	97,3
%	1,9	1,3	1,6	1,8	1,8	1,5	1,6	1,8	1,8	98
ОАО «Форгум»	7331,7	5387,4	5017,2	7508,5	7729,5	6058,4	5850,4	7397,7	7148	97,5
%	2,5	2,3	2,1	2,6	2,6	2,5	2,4	2,5	2,4	98,2
ООО «Сибирская генерирующая компания»	12061,1	6618,4	7220,7	11137,1	12406,9	8225,7	4758,2	9886,5	11541,7	95,7
%	4,1	2,8	3,1	3,9	4,3	3,4	2	3,3	3,9	96,4
АО «Дальневосточная ГК»	8443,4	5143	4935,2	7311,8	7737,9	5275,6	3784,5	6730,1	6861,9	81,3
%	2,9	2,2	2,1	2,5	2,7	2,2	1,6	2,3	2,3	81,9

Таблица 2

**Изменение электропотребления в отдельных субъектах Российской Федерации
в 2015–2017 гг. нарастающим итогом, млрд. кВт*ч [5, 7, 8]**

Показатель	2015 год				2016 год				I кв. 2017 г.	Изменение за период, %
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		
ЦФО, Белгородская область	3,8	7,4	10,9	14,9	3,9	7,4	11,1	15,2	4	105,3
СЗФО, Мурманская область	3,6	22,5	8,9	12,2	3,6	22,6	8,9	12,3	3,6	100
ЮФО, Волгоградская область	3,9	7,7	11,1	15,1	4,1	7,5	11	15,2	4,1	105,1
СКФО, Ставропольский край,	2,7	4,9	7,3	10	2,8	4,9	7,4	10,3	2,9	107,4
ПФО, Пермский край,	6,5	6,3	17	23,5	6,5	6,3	16,9	23,6	6,6	101,5
УФО, Челябинская область	9,2	17,9	26,2	35,7	9,6	17,5	25,5	35,2	9,4	102,2
СФО, Новосибирская область	4,8	7,9	11,2	15,6	4,6	8	11,3	15,9	4,6	95,8
ДФО, Приморский край	3,9	6,6	9,1	12,8	4,1	6,8	9,3	13,1	3,9	100

Таблица 3

Динамика средневзвешенных цен на электроэнергию за 2015–2017 гг., руб./кВт*ч [6, 7, 8]

Показатель	2015 год				2016 год				I кв. 2017 г.	Изменение за период, %
	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.	I кв.	II кв.	III кв.	IV кв.		
ЦФО, Белгородская область	2,65	2,55	2,62	2,67	3,01	2,86	2,86	2,83	2,88	108,7
СЗФО, Мурманская область	2,15	2,14	2,15	2,67	2,46	2,44	2,41	2,81	2,96	137,7
ЮФО, Волгоградская область	3,07	2,89	2,92	2,96	3,05	2,9	2,96	3,03	3,35	109,1
СКФО, Ставропольский край,	3,27	3,19	3,18	3,23	3,42	3,37	3,42	3,51	3,96	121,1
ПФО, Пермский край,	2,77	2,65	2,68	2,74	2,89	2,92	2,91	2,84	2,84	102,5
УФО, Челябинская область	2,46	2,35	2,35	2,38	2,72	2,57	2,58	2,6	2,83	115
СФО, Новосибирская область	2,25	2,19	2,24	2,3	2,59	2,58	2,58	2,61	2,71	120,4
ДФО, Приморский край	2,77	2,65	2,71	2,83	3,05	2,96	2,92	2,99	3,36	121,3

Представим полученные данные в виде рисунка 2.

Таким образом, Пермский край при сравнении с другими регионами всех федеральных округов уступает лишь Челябинской области по изменению электропотребления. В целом же ситуация в объемах производства и потребления ресурсов в крае аналогична общероссийской тенденции, однако несколько лучше, чем в других регионах.

Следующим важным аспектом нашего анализа станет ценовая политика отрасли. Для этого оценим средневзвешенные фактические цены на электроэнергию (таблица 3).

Общероссийская тенденция такова, что рост тарифов и цен наблюдается повсеместно, не обошло это и отрасль электроэнергетики. Однако не во всех регионах страны ситуация одинакова и однозначная. Так, среди выбранных регионов максимум фактических цен на электроэнергию приходится на Ставропольский край (3,96 руб.), а минимум — на Новосибирскую область (2,71 руб.). Пермский край находится несколько выше минимального уровня (2,84 руб.), однако темпы роста средневзвешенных цен — самые низкие среди выбранных для анализа регионов. Рост показателя за 1 квартал 2017 года по сравнению с 1 кварталом 2015 года составил всего 2,5%, в то время как в Мурманской области это цифра достигает 37,7% [1].

Поскольку наиболее уязвимой частью страны является население (в плане бремени оплаты за электроэнергию), проанализируем,

насколько фактические цены на электроэнергию соответствуют утвержденным тарифам (таблица 4). В качестве точек контроля прием апрель 2016 — апрель 2017 гг.

Данные таблицы 4 позволяют сделать вывод о том, что период с апреля 2016 по апрель 2017 года наблюдается устойчивая тенденция роста как тарифов, так и фактических цен для населения. Однако в Пермском крае рост тарифов достигает максимума среди анализируемых регионов и составляет 7,42%, кроме того, именно в Пермском крае зафиксирован наибольший рост средневзвешенных фактических цен для населения (+26,6%).

Минимальный рост тарифов отмечается в Мурманской области, всего 0,33%, а максимальное приближение фактической цены к утвержденному тарифу — в Волгоградской и Мурманской областях.

Также следует отметить, что в январе 2017 года наблюдалась тенденция превышения фактической цены электричества над утвержденным тарифом в ряде регионов. Данную ситуацию объясняет включение в стоимость фактических расчетов по одноставочным тарифам для категорий населения, не установивших духставочные счетчики.

Проиллюстрируем динамику роста цен и тарифов для Пермского края на рисунке 3.

Таким образом, Пермский край является не только крупным потребителем, но и крупным производителем электрической энергии как в рамках всей страны, так и по сравнению с другими регионами. При этом темпы

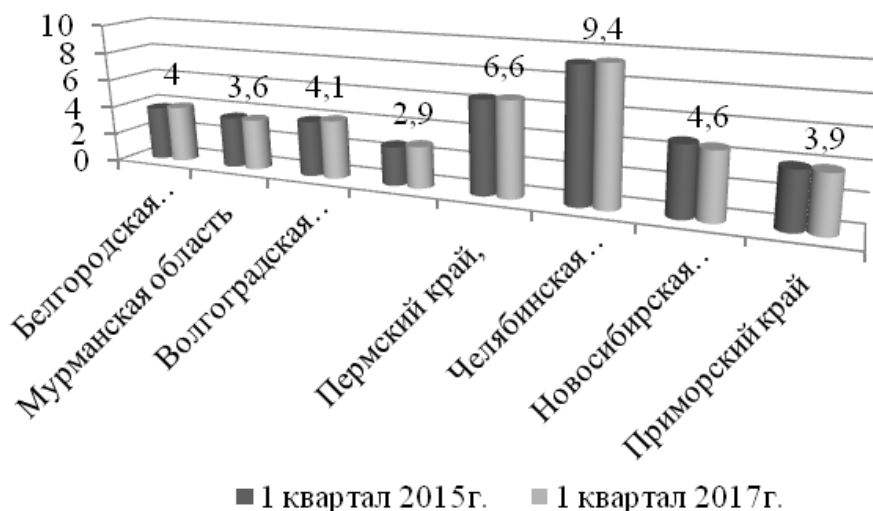


Рис. 2. Изменение электропотребления в 1 квартале 2017 года по сравнению с 1 кварталом 2015 года, млрд. кВт*ч [7, 8]

Таблица 4

**Динамика соответствия средневзвешенных цен на электроэнергию для населения
утвержденным тарифам за 2016–2017 гг., руб./кВт*ч [7, 8]**

Показатель	2016 год												2017 год				Изменение за период, %
	Апр.	Май	Июнь	Июль	Авг.	Сент.	Окт.	Нояб.	Дек.	Янв.	Фев.	Март	Апр.				
ЦФО, Белгородская обл., факт	2,5	2,51	2,53	2,58	2,58	2,59	2,58	2,57	2,56	2,83	2,56	2,61	2,58	103,2			
тариф % к утвержденному тарифу	3,53	3,53	3,53	3,62	3,62	3,62	3,62	3,62	3,62	2,87	3,62	3,62	3,62	102,55			
СЗФО, Мурманская обл.	70,82	71,1	71,67	71,27	71,27	71,55	71,27	70,99	70,72	98,61	70,72	72,1	71,27	100,63			
тариф % к утвержденному тарифу	2,09	2,09	2,08	2,11	2,1	2,09	2,1	2,94	2,93	2,42	2,12	2,13	2,12	101,44			
ЮФО, Волгоградская обл.	2,6	2,6	2,6	2,62	2,62	2,62	2,62	2,62	2,62	2,45	2,62	2,62	2,62	100,77			
тариф % к утвержденному тарифу	80,38	80,38	80	80,53	80,15	79,77	80,15	112,21	111,83	98,78	80,92	81,3	80,92	100,66			
СКФО, Ставропольский кр.	3,19	3,2	3,23	3,33	3,39	3,75	3,37	3,34	3,33	3,22	3,17	3,17	3,18	99,69			
тариф % к утвержденному тарифу	3,7	3,7	3,7	3,86	3,86	3,86	3,86	3,86	3,86	2,99	3,86	3,86	3,86	104,32			
тариф % к утвержденному тарифу	86,22	86,49	87,3	86,27	87,82	97,15	87,31	86,53	86,27	107,69	82,12	82,12	82,38	95,55			
СКФО, Ставропольский кр.	2,83	2,92	2,94	3,15	3,03	3,05	3,01	3,01	2,99	4,11	3,49	3,5	3,5	123,67			
тариф	3,88	3,88	3,88	4,16	4,16	4,16	4,16	4,16	4,16	3,73	4,16	4,16	4,16	107,22			

Окончание таблицы 4

% к утвержденному тарифу	72,94	75,26	75,77	75,72	72,84	73,32	72,36	72,36	72,36	71,88	110,19	83,89	84,13	84,13	84,13	115,35
ПФО, Пермский кр. тариф	2,23	2,58	2,35	2,44	2,53	2,54	2,47	2,93	2,93	2,31	2,74	2,89	2,06	2,89	2,89	129,6
% к утвержденному тарифу	3,37	3,37	3,37	3,62	3,62	3,62	3,62	3,62	3,62	3,62	2,9	3,62	3,62	3,62	3,62	107,42
% к утвержденному тарифу	66,17	76,56	69,73	67,4	69,89	70,17	68,23	80,94	80,94	63,81	94,48	79,83	56,91	79,83	79,83	120,65
УФО, Челябинская обл. тариф	1,96	1,96	1,99	2,11	2,12	2,13	2,09	2,12	2,12	2,08	2,84	2,13	2,13	2,13	2,15	109,69
% к утвержденному тарифу	2,74	2,74	2,74	2,92	2,92	2,92	2,92	2,92	2,92	2,92	2,71	2,92	2,92	2,92	2,92	106,57
% к утвержденному тарифу	71,53	71,53	72,63	72,26	72,6	72,95	71,58	72,6	72,6	71,23	104,8	72,95	72,95	72,95	73,63	102,93
СФО, Новосибирская обл. тариф	1,86	1,84	1,85	1,91	1,91	1,92	1,92	1,92	1,92	1,9	2,97	1,93	1,93	1,93	1,93	103,76
% к утвержденному тарифу	2,34	2,34	2,34	2,42	2,42	2,42	2,42	2,42	2,42	2,42	2,83	2,42	2,42	2,42	2,42	103,42
% к утвержденному тарифу	79,49	78,63	79,06	78,93	78,93	79,34	79,34	79,34	79,34	78,51	104,95	79,75	79,75	79,75	79,75	100,33
ДФО, Приморский край тариф	1,94	1,97	1,99	2,17	2,18	2,18	2,1	2,15	2,15	2,08	4,11	2,45	2,45	2,45	2,48	127,84
% к утвержденному тарифу	3,15	3,15	3,15	3,37	3,37	3,37	3,37	3,37	3,37	3,37	3,72	3,37	3,37	3,37	3,37	106,98
% к утвержденному тарифу	61,59	62,54	63,17	64,39	64,69	64,69	62,31	63,8	63,8	61,72	110,48	72,7	72,7	72,7	73,59	119,49

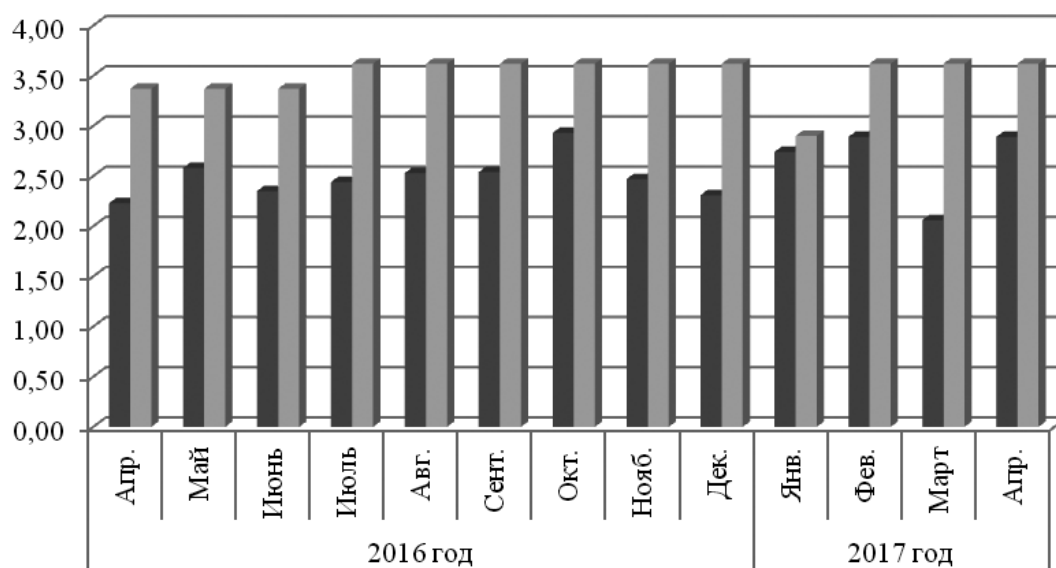


Рис. 3. Динамика фактической цены и тарифа на электроэнергию в Пермском крае, % [7, 8]

роста средневзвешенных цен — самые низкие среди выбранных для анализа регионов. Вместе с тем в Пермском крае рост тарифов достигает максимума среди анализируемых регионов. Именно в Пермском крае зафиксирован наибольший рост средневзвешенных фактических цен для населения. Несмотря на это следует отметить тот факт, что отношение фактической цены к тарифу до апреля 2017 года имело минимум среди выбранных регионов, и лишь в апреле 2017 года ситуация кардинально изменилась.

Кроме того, для электроэнергетики края также характерны проблемы общероссийские: изношенность сетей, потери электроэнергии, неуплата потребителей за поставленный ресурс, недостаток мощностей. Решение таких проблем заключается, прежде всего, в модернизации отрасли, вводе новых мощностей, использовании альтернативных источников энергии, тщательном контроле за уровнем цен и соблюдением платежной дисциплины.

В заключение можно сказать, что топливно-энергетический комплекс — один из важнейших и распространенных в экономике нашей страны. Это объясняется территориальным масштабом расположения России, богатством недр. При этом наиболее значительной и значимой стоит назвать отрасль электроэнергетики, поскольку именно электрификация страны позволила наступить цивилизации.

Именно потому, что Россия имеет множество регионов, отрасль развивается различным образом. Вполне логично, что густонаселенные мегаполисы, промышленные кластеры станут основными потребителями электроэнергии [2, 3].

Таким образом, несмотря на проблемы, электроэнергетический комплекс остается самым востребованным и распространенным в нашей стране, а грамотное управление приведет к положительному эффекту.

Литература

1. «Потерять нельзя сэкономить», приложение к газете «Коммерсантъ». №83 от 20.05.2013 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/2189201>. (Дата обращения: 03.07.2017).
2. *Баланчевадзе В.И., Барановский А.И.* Под ред. А.Ф. Дьякова. Энергетика сегодня и завтра. — М.: Энергоатомиздат, 1990.
3. *Баркин О.Г.* Электроэнергетика Российской Федерации: текущий статус, возможные сценарии, развилки выбора, целевое видение // Эффективное антикризисное управление. — 2011. — №3 (66). — С. 34–41.
4. *Ефимова М.Р.* Общая теория статистики / М.Р. Ефимова, Е.В. Петрова, В.Н. Румянцев. — М.: ИНФРА-М, 2006. — 416 с.
5. *Ефимова М.Р.* Практикум по общей теории статистики: Учеб. пособие / М.Р. Ефи-

мова, О.И. Ганченко, Е.В. Петрова. — М.: Финансы и статистика, 2005. — 336 с.

6. Кобозев А.В. Статистика: методические указания / А.В. Кобозев, А.В. Кобозева. — Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2011. — Ч. 1. — 34 с.

7. Краткие месячные отчеты Министерства энергетики РФ о функционировании электроэнергетики. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/node/4858>. (Дата обращения: 26.06.2017).

8. Отчет о функционировании электроэнергетики в 2016 году. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://minenergo.gov.ru/system/download-pdf/4858/71298>. (Дата обращения: 27.06.2017).

9. Электроэнергетика России: основные показатели функционирования и тенденции

развития. Стратегический путь повышения энергоэффективности сетей. [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2015/05/24/1097192707/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4_%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D1%8D%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8.pdf. (Дата обращения: 22.06.2017).

10. Энергетическая стратегия России на период до 2035 года. Официальный сайт Министерства энергетики РФ. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.minenergo.gov.ru/node/1920>. (Дата обращения: 09.06.2017).

Поступила в редакцию

11 апреля 2017 г.



Калугин Андрей Михайлович — студент Пермского национального исследовательского политехнического университета.

Kalugin Andrey Mickhailovich — student of Perm National Research Polytechnic University.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29
29 Komsomolsky av., 614065, Perm, Russia
Тел.: +7 (919) 471-65-02; e-mail: kalygun@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316.33

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «БЕДНОСТЬ» И КАТЕГОРИИ МАЛООБЕСПЕЧЕННЫХ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

© 2018 г. Л. С. Николаева, Т. Е. Устинова, Е. Н. Яцкая

Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»

В данной статье рассматриваются социально-экономический, депривационный и другие подходы к исследованию понятия «бедность» и категории малообеспеченных семей в современной России.

Ключевые слова: бедность; малообеспеченная семья; неблагополучная семья; прожиточный минимум; депривация.

This article discusses the socio-economic, deprivation and other approaches to the study of the concept of «poverty» and low-income families in Russia.

Key words: poverty; poor family; dysfunctional family; living wage; deprivation.

В современном беспокойном и нестабильном российском обществе все более актуальны проблемы бедности и положения малообеспеченных людей, малоимущих и неблагополучных семей. Прежде всего, определимся с понятиями «бедность», «малообеспеченная семья» «неблагополучная семья». В научной литературе в этом плане хорошо разработан социально-экономический подход к определению понятия «бедность».

В контексте этого подхода бедность трактуется как состояние, в котором пребывает семья или человек, когда ресурсы, домашнее хозяйство по уровню меньше, чем это необходимо для нормального существования. Недостаток концепции в том, что в ее основе могут быть различные индикаторы и методы определения бедности.

Суть социально-экономического подхода заключается в следующем:

1) бедность как явление, присущее любому обществу;

2) различия в устройстве общества показывают разную интенсивность проявления состояния бедности;

3) отдельные элементы бедности могут быть определены для всех стран.

Наиболее популярна возникшая одной из первых абсолютная концепция бедности, согласно которой бедность объясняется исходя из физиологических потребностей и минимального потребительского набора семьи, человека, а также его физиологических потребностей. Авторы этой концепции, ученые конца XIX — начала XX века С. Буш, В. Роунтри, М. Оршански, сконцентрированы на установлении уровня прожиточного минимума, размере доходов, ресурсов, необходимых для удовлетворения потребностей человека или отдельной малообеспеченной

семьи в продуктах питания, калорийности, потребления углеводов, белков, жиров и других потребностях людей.

Концепция абсолютной бедности сосредотачивается на решении двух задач: 1) определение прожиточного минимума, представляющего стоимостную оценку минимальной «потребительской корзины»; 2) установление величины материальных ресурсов сравнительно с пороговым параметром и объемом минимальной потребительской корзины.

Минимальная потребительская корзина определялась (в СССР) исходя из полного перечня продуктов, услуг, непродовольственных товаров и норматива объема их потребления. В США пользовались в этом случае статистически нормативным методом, когда административно устанавливалась лишь «продуктовая корзина», а остальные параметры включались путем оценки приходящих на них расходов бедных слоев общества (оплата услуг ЖКХ, налогов, транспорта, потребление непродовольственных товаров и т.д.).

Российское определение понятия «бедность» базируется на абсолютной концепции бедности, в которой бедными считаются те семьи и люди, среднемесячные доходы которых ниже прожиточного минимума, а черта бедности устанавливается на уровне прожиточного минимума. На основании этого Госкомстат рассчитывает долю бедных (малоимущих) домохозяйств, в которых среднедушевые доходы ниже прожиточного минимума. Но, на наш взгляд, установление прожиточного минимума неадекватно отражает это явление, а зачастую используется для политических манипуляций. Ряд социологов используют также субъективные подходы в оценке масштабов бедности и выделения групп малообеспеченных семей, это семьи с низким уровнем дохода.

Например, в Голландии черта бедности определяется исходя из мнения потребителей (Лейденское определение бедности). В США инструментом для этого являются опросы института Гэллапа. В России, по мнению Т.И. Заславской, субъективный подход может использоваться для определения устойчивости и состояния общества в условиях реформирования общества или его кризисного состояния. Он определяет фактическое

материальное положение семьи, отдельного человека. Наша позиция совпадает с мнением Н.М. Давыдовой о том, что доходно-расходная сторона жизнедеятельности семьи в контексте абсолютной концепции бедности и субъективные оценки дохода семьи не дают гарантий надежности, т.к. сложно проверить, какими ресурсами обладает семья.

Представляет интерес концепция относительной бедности семей, доход которых составляет менее половины среднего дохода в стране. Исходя из концепции относительной бедности, уровень благосостояния соотносят с уровнем материальной обеспеченности в той или иной стране. При выявлении порога бедности исходят из способности семей покупать продукты и товары, необходимые для удовлетворения базовых потребностей, обращается внимание на достаточность средств к существованию и ресурсы семей. П. Таунсенд обосновал гипотезу, согласно которой, когда ресурсы сокращаются, наступает отказ от широкого участия в социальной деятельности общества. Эта линия, при переходе которой наступает диспропорция, сокращаются ресурсы, может быть принята за черту, разделяющую общество на богатых и бедных. Этот подход соотносится с мыслями А. Смита о том, что предметами необходимости следует считать те предметы, «обходиться без которых в силу обычаев страны считается неприличным» [5].

Концепция относительной бедности широко использовалась социологами в 70-е годы XX века. А к концу XX века появилась теория «относительных лишений», согласно которой семья, личность может считать себя бедной, если испытывает нужду, материальные лишения в сравнении с другими группами населения. Как полагает Н.М. Давыдова [2], необходим анализ лишений, ограничений, депривации, от которых страдает часть населения. Она обосновывает депривационный подход в оценивании бедности.

На взгляд ростовских социологов Ю.Г. Волкова, В.Н. Нечипуренко, под депривацией понимается состояние, порождающее у человека или группы чувство, ощущение обездоленности по сравнению с другими людьми (группами), с набором определенных стандартов общества. Выделяются социальная, экономическая, организмическая, пси-

хическая, этическая депривации [1]. Падение ниже уровня, за чертой которого невозможно поддерживать принятый образ жизни, означает исключение из нормальной жизнедеятельности данной семьи или человека.

К. Оппенгейм и Л. Харкер считали, что состояние бедности накладывает отпечаток на все основы жизнедеятельности семьи и на ее социальное самочувствие. Люди страдают от ущербности своего существования, снижения уровня и качества жизни, связанных с нехваткой ресурсов, как отмечает Н. М. Давыдова [2].

Первыми в России применили депривационный подход к пониманию бедности ученые ИСЭПН РАН. Они выделили 16 индикаторов депривации (лишений). Наличие двух из них говорило о том, что домохозяйство относится к числу бедных (табл. 1).

Такое положение свидетельствует об откате от социальной мобильности, активности в обществе. Этот подход был взят за основу в определении бедности, принятом Европейским Сообществом в 1984 г.: «Бедными будут считаться те лица, семьи и группы людей, чьи ресурсы (материальные, культурные и соци-

альные) ограничены так, что исключают для них минимально приемлемый образ жизни в пределах государства проживания» [6]. Подобным образом характеризует бедность П. Сорокин. Он утверждает, что человек оценивает себя на основе стандартов, принятых в конкретном обществе, и ощущает на себе «нехватку средств на то, чтобы жить, как большинство окружающих» [10]. По данным Н. Черниной, 20% воспринимают бедность как «нехватку средств на самое необходимое» [13].

Н. М. Давыдова выделила четыре ступени депривации:

I — средние жизненные стандарты, экономия на платных услугах, отдыхе, развлечениях;

II — степень малообеспеченности, стесненности в средствах на книги, газеты, журналы, досуг, поездки;

III — степень острой нуждаемости, лишения, низкого качества питания, одежды, ограничения в досуге, в самом необходимом;

IV — степень нищеты, когда существует нехватка питания, одежды, предметов длительного использования [2].

Таблица 1

Перечень отдельных лишений, которые могут испытывать домохозяйства [8]

1	В семье недоедают.
2	Не могут обращаться к платным врачам в случае отсутствия бесплатной помощи специалистов.
3	Не могут организовать ритуальные обряды без чрезмерных долгов.
4	Не могут покупать фрукты детям.
5	Не могут давать детям деньги на питание в школе.
6	Не могут покупать детям сладости хотя бы изредка.
7	Не могут покупать детям новую одежду и обувь по мере их роста.
8	Семья не может оплачивать пребывание детей в дошкольных учреждениях.
9	Не могут позволить себе мясные или рыбные блюда хотя бы 2 раза в неделю.
10	Не могут покупать в необходимом количестве предметы гигиены.
11	Нет денег для обновления и ремонта одежды.
12	Нет денег для обновления и ремонта обуви.
13	Не имеют и не могут приобрести холодильник.
14	Не имеют и не могут приобрести самую простую мебель.
15	Не имеют и не могут приобрести даже черно-белый телевизор.
16	Нет денег на жизненно важные лекарства и медицинские приборы.

Таким образом, в качестве индикаторов, критериев бедности необходимо иметь в виду доход, питание, одежду, качество и формы досуга, участие в социальной, экономической жизни, уровень жизни, качество услуг, товаров, удовлетворяемых потребностей, их разнообразие, обеспеченность разными благами, уровень культуры (субкультуры бедности), ценностей, стиля жизни и состояния, ощущений самих людей.

В настоящее время состав малообеспеченного населения изменился: возрос удельный вес молодежи и лиц старшего возраста. В категорию бедных можно отнести следующие группы населения, нуждающиеся в социальной защите: многодетные, неполные семьи, инвалиды, пенсионеры, учащиеся, безработные, работающие с детьми, семьи с большой иждивенческой нагрузкой, «новые бедные» семьи (бюджетники — служащие и работники, занятые в государственном секторе), семьи социального риска, малообеспеченные семьи, дезадаптированные, неблагополучные семьи, семьи социального дна, асоциальные семьи. Источниками такого положения является либерально-монетаристская модель рыночных преобразований в России, ограничивающая государственное вмешательство в экономику страны, являющаяся асоциальной, так как в ней не учитывается сохранение социального благополучия для большинства населения России.

Миллионы людей оказались заложниками макроэкономической доктрины, предусматривающей стабилизацию финансов и денежного обращения ценой «замораживания», снижения реальных доходов населения и предприятий. Отсюда поляризация общества на небольшую группу богатых, обладающих большими социально-экономическими ресурсами, и многочисленных слоев бедных, лишенных данных ресурсов. Российские реформы обернулись для большинства семей проблемой нищеты, бедности, депривации, неблагополучия в целом [7].

В период трансформации российского общества произошло падение уровня и качества жизни большинства семей, населения страны, получила широкое распространение бедность, ставшая постоянным явлением. Обеспеченные группы населения составляют 25–30 млн. человек (1/5 часть населения

страны); 8–10 млн. человек (5–7%) живут по западным стандартам потребления услуг, качества жизни. Количество бедных, среднедушевые доходы которых ниже прожиточного минимума, составляют свыше 60 млн. человек (40% населения), доходы 25–30 млн. человек находятся на уровне ниже минимальной потребительской корзины [3].

Н.Е. Тихонова выделяет «просто бедность» и «нищету». На уровне нищеты оказались семьи «старых бедных» (неблагополучных и в советское время), на уровне бедности оказались семьи «новых бедных», которые до реформ относились к средним слоям общества [9]. Те семьи, которые были бедны до перехода к рынку, относятся к категории «традиционные бедные». У «новых бедных» доход упал после перехода к рыночной экономике. Они до этого не относились к этой группе семей, так как члены семей имеют «хорошее образование», квалификацию, опыт. После реформ их положение ухудшилось из-за мизерной зарплаты, потери работы, задержки зарплаты, остановки производства.

В современной России сложился слой семей, представители которых не являются пожилыми, людьми одинокими, беспомощными инвалидами. Это люди, находящиеся в расцвете физических сил и возможностей, это социально активное население, составляющее, по мнению В.В. Радаева, не менее половины населения россиян [4]. Но и такие семьи и люди оказались сегодня также на черте бедности.

Выделим критерии уровня дохода и потребления, так как именно они являются основными для характеристики малообеспеченных семей. По данным института комплексных исследований РАН, среди причин бедности доминируют безработица, маленькие государственные социальные пособия, болезнь, инвалидность, невыплаты зарплаты, задержка пенсий, на последнем месте — алкоголизм и наркомания.

Таким образом, происходит углубление проблем бедных слоев населения: 1) расширяются границы бедности за счет трудоспособных слоев населения, растет безработица; 2) увеличивается количество бедных людей, получающих зарплату ниже прожиточного минимума. Это говорит об экономической

дезорганизации общества и распределительных отношений, об увеличении количества неблагополучных и малообеспеченных семей, несмотря на определенные меры помощи государства бедным слоям населения в современной России.

Литература

1. Волков Ю. Г., Добренъков В. И., Нечипуренко В. Н., Попов А. В. Социология. — М., 2000. — С. 233.
2. Давыдова Н. М. Депривационный подход в оценках бедности // Социологические исследования. — 2003. — №6. — С. 90–93.
3. Золотарев В. С., Слепцов Н. С. и др. Социальная составляющая экономических преобразований в России. — Ростов н/Д, 2003. — С. 91–92.
4. Радаев В. В. Работающие бедные: велик ли запас прочности? // Социологические исследования. — 2000. — №8.
5. Смит А. Исследование о природе богатства народов. — М., 1962. — С. 621.
6. Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. — М., Московский Центр Карнеги, 1998. — С. 41–115.
7. Кириченко В. Н. Рыночная трансформация экономики: теория и опыт // Российский экономический журнал. — 2001. — №1–4. — С. 28.
8. Россия 98. Социально-демографическая ситуация. ИСЭПН РАН. — М., 1998. — С. 168.
9. Тихонова Н. Е. Особенности дифференциации и самооценки статуса в полярных слоях населения // Социологические исследования. — 2004. — №3. — С. 22–23.
10. Сорокин П. А. Социология революции // Человек, цивилизация, общество. — М., 1992. — С. 273.
11. Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. — 1996. — №3. — С. 146.
12. Уровень жизни населения России. Стат. сб. — М.: Госкомстат, 1996. — С. 24–96.
13. Чернина Н. Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. — 1994. — №3. — С. 55.

Поступила в редакцию

16 марта 2017 г.



Николаева Людмила Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Nikolayeva Lyudmila Sergeevna — Doctor of Philosophy, professor of Department of history, philosophy and social technologies of NovoCherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, NovoCherkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 22-30-35; e-mail: kaf.istor@yandex.ru



Устинова Татьяна Евгеньевна — аспирант кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Ustinova Tatyana Evgenyevna — postgraduate student of Department of history, philosophy and social technologies of Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (904) 348-30-80; e-mail: usttatevg@mail.ru



Яцкая Екатерина Николаевна — аспирант кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Yatskaya Ekaterina Nikolaevna — postgraduate student of Department of history, philosophy and social technologies of Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (909) 426-63-65; e-mail: katj132@rambler.ru

УДК 364.29

СПЕЦИФИКА ИНТЕГРАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В ГОРОДСКОЙ СОЦИУМ СРЕДСТВАМИ КУЛЬТУРНО-ДОСУГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2018 г. М. С. Серкина, Е. И. Мозговая, Д. А. Кулабухов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлены результаты исследования специфики интеграции пожилых людей в городской социум средствами культурно-досуговой деятельности. Социологическое исследование проведено в г. Белгороде в 2018 году. Использован метод анкетного опроса, в ходе которого были получены первичные данные. В ходе исследования установлено, что степень интеграции пожилых людей в городской социум зависит от состояния здоровья и трудоспособности, семейного положения и социальных связей, качества жилищных условий и материального достатка, субъективного восприятия окружающего мира, собственной социальной активности, а также от поддержки органов городской власти. Результаты исследования подтвердили, что одним из способов достижения пожилым человеком интеграции в городской социум является повышение уровня его включенности в культурно-досуговую жизнь города.

Ключевые слова: социальная интеграция; пожилые люди; культурно-досуговая деятельность; социальная активность; активный образ жизни.

The article presents the results of the study of the specifics of the integration of older people into urban society by means of cultural and recreational activities. A sociological study conducted in the city of Belgorod in 2018. The method of questionnaire survey was used, during which primary data were obtained. The study found that the degree of integration of older persons in urban society depends on the state of health and ability to work, the family situation and social relations, the quality of housing conditions and material wealth, subjective perception of the world, their own social activity, as well as the support of the city authorities. The results of the study confirmed that one of the ways to achieve the integration of the elderly into the urban society is to increase the level of its involvement in the cultural and recreational life of the city.

Key words: social integration; elderly people; cultural and leisure activities; social activity; active lifestyle.

Введение

Актуальность проблемы социальной интеграции пожилых людей в городской социум вызывает немалый исследовательский интерес. Понятие «интеграция» подразумевает объединение разрозненных частей в единую систему на основе единства интересов, а также принятие индивида другими членами общества [5]. Внимание ученых привлекают различные аспекты данного процесса, в том числе возможности культурно-досуговой де-

ятельности как средства достижения интеграции пожилыми людьми. В современных научных исследованиях активно обсуждаются вопросы, посвященные сравнительному анализу форм организации социально-досуговой работы с пожилыми людьми (Л. И. Савинов, С. С. Кочетков) [3]; организации досуга пожилых людей (Е. В. Щанина) [4]; специфике социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах (О. А. Волкова, Е. И. Мозговая,

Е. А. Чефонова) [1]. Учеными установлено, что продуктивное участие пожилого человека в жизни городского социума определяется уровнем социальной активности, стремлением к активному долголетию, что обусловлено жизненным опытом, культурными установками, особенностями личности, состоянием городской инфраструктуры и окружающей среды [2].

Методы исследования

В статье представлены результаты пилотного социологического исследования, проведенного в феврале-марте 2018 г. городе Белгороде (Белгородская область) при помощи методов анкетного опроса и структурированного интервью. В качестве респондентов в анкетировании приняли участие пожилые люди, проживающие в Белгороде (N = 260). Выборка квотная и многоступенчатая. Основания для формирования выборочных квот на трех ступенях: место проживания, пол, возраст граждан. Среди участников исследования, принявших участие в анкетировании, 72% — женщины, 28% — мужчины. Возрастная группа «от 55 до 65 лет» включает в себя 54% респондентов, «66–75 лет» — 26%, «старше 75 лет» — 20% от общей численности опрошенных. При реализации структурированного интервью экспертами явились сотрудники управлений и организаций системы социальной защиты населения Белгорода (N = 40). Использовалась целевая выборка, критерием в которой выступало осуществление профессиональной деятельности в сфере социальной защиты пожилых людей. Содействие при формировании обеих выборок оказывали руководители и сотрудники Управления социальной защиты населения города Белгорода.

Результаты исследования

Обратимся к результатам анкетирования. В ходе исследования установлено, что интересы пожилых людей сосредоточены на четырех основных ценностях: «здоровье» (80%), «семья, дети» (51%), «стабильность, спокойная старость» (49%), «материальное благополучие» (43%). Затем в порядке убывания идут следующие ценности: «мир в стране» (18%), «хорошие друзья и соседи» (17%), «уважение окружающих» (16%), «чистая совесть» (10%), «интересный досуг» (7%).

Данная иерархия выявляет целый ряд основных социальных проблем пожилых людей. Во-первых, немаловажной трудностью для пожилых людей является неудовлетворительное состояние здоровья; во-вторых, остро проявляется значение брака и семьи (потребность в общении, взаимопомощи). На наш взгляд, социальное самочувствие пожилых людей во многом зависит от семейного положения и психологической семейной атмосферы, взаимоотношений с родственниками и близкими людьми. Согласно результатам исследования, в данной возрастной категории наблюдается высокий процент вдов — 36%. Вариант «вдовец» выбрали только лишь 4% мужчин. Большинство опрошенных пожилых людей (89%) имеют детей, 38% респондентов ответили, что проживают с детьми, 18% проживают совместно с детьми и внуками.

Важное значение для пожилого человека имеет эмоционально-психологическое удовлетворение, получаемое от сознания проявляемой по отношению к нему заботы. Не вызывает сомнения тот факт, что пожилые люди способны передавать собственный жизненный опыт молодому поколению, помогать в воспитании детей. На вопрос о том, чьим мнением они дорожат, 63% опрошенных выбрали ответ «семья, родственники», 28% — «друзья, ровесники», 9% респондентов выбрали ответ «соседи».

Таким образом, семейные ценности доминируют в сознании пожилых людей. Семья становится важнейшей сферой, в которой реализуются многие потребности пожилого человека: материальные, культурные, психологические.

Немаловажной проблемой для пожилого человека является поддержание достойного финансового положения. Свое материальное положение показателем «хорошее» оценили лишь 18% респондентов, «удовлетворительное» — 71%, «плохое» — 11% опрошенных. При этом 47% респондентов отметили, что по мере своих возможностей оказывают материальную помощь детям и внукам. На вопрос «Хорошо ли Вы осведомлены о своих правах и законных льготах?» вариант «достаточно» выбрали 48% опрошенных, «очень хорошо» — 20%, «слабо» — 24%, затруднились ответить 8% респондентов.

Мерами социальной поддержки на основании какого-либо льготного статуса пользуются 72% респондентов, однако, согласно результатам исследования, пожилые люди весьма встревожены своим финансовым положением, уровнем инфляции, высокой стоимостью лекарств, услуг жилищно-коммунального хозяйства.

В ходе анкетирования и структурированного интервью установлено, что выход на пенсию (или существенное сокращение объема профессиональной деятельности) приводит к изменению структуры повседневной активности пожилого человека. Меняется временной горизонт планирования и ожидания в отношении будущего. Кроме того, преобразуется структура социальных интеракций: снижается число контактов с коллегами и дальними знакомыми, усиливаются близкие связи. Как следствие, 44% респондентов отметили, что они практически не участвуют в культурной жизни города.

Согласно результатам исследования, особую значимость активный досуг имеет для тех, чья коммуникация с семьей не столь интенсивна. На наш взгляд, здесь работает компенсаторный механизм: досуг во многом заменяет нехватку социальных связей. У тех, кто общается со своей семьей редко, досуговая практика напрямую влияет на степень удовлетворенности жизнью. По-видимому, это связано с тем, что активный досуг развивает у человека представление о своей востребованности, помогает ему соответствовать своим ожиданиям.

С выходом на пенсию образ жизни человека меняется. Значительно больше времени он уделяет работе по дому, уходу за собой, приготовлению пищи и т.д. Кроме того, для пожилых людей приобретают большее значение пассивные досуговые практики: чтение, просмотр телевизионных передач и т.д. С одной стороны, у человека сужается круг общения и потребностей, однако, с другой, увеличивается объем свободного времени, который необходимо заполнить полезной и содержательной деятельностью для продолжения полноценной жизни. Важным является и физическое состояние пожилого человека. Так, 68% респондентов указали на то, что пенсионный возраст — это возраст немощности, снижения активности, что, несомненно, влия-

ет на степень вовлеченности пожилых людей в культурно-досуговые практики.

Таким образом, возникает необходимость содействия органов местной власти в решении проблемы организации культурно-досуговой деятельности пожилых людей, повышения активности образа их жизни с целью более интенсивной интеграции в местное сообщество. В свою очередь, развитие активного образа жизни пожилых людей предполагает деятельное участие в этом процессе их самих.

Несмотря на то, что в Белгороде пожилым гражданам оказывается поддержка в сфере досуга, для многих из них высокая стоимость билетов в музеи, театры (даже с учетом льгот) становится непреодолимым препятствием для участия в культурно-досуговых мероприятиях, что, безусловно, затрудняет процесс интеграции пожилого человека в городской социум. Показательно, что 32% опрошенных, рассчитывая свои ежемесячные средства, исключают для себя те виды досуга, которые требуют финансовых затрат.

Как отмечалось выше, возрастное ухудшение здоровья неминуемо ограничивает мобильность пожилых людей. Возникает существенное противоречие между целью проведения досуга и способом достижения этой цели. То есть вместо того чтобы восстановить силы и получить удовольствие от культурного мероприятия, пожилой человек тратит значительное время на поездку в общественном транспорте, что требует физических сил. В результате досуговый репертуар пожилых людей ограничивается и в пространственном отношении. Так, 25% респондентов указали, что проводят свободное время в пределах своего двора.

Как правило, большинство респондентов, отвечая на вопрос о досуге, упоминают о пешеходных прогулках, в том числе неподалеку от дома. Можно сказать, что это наиболее востребованный вид досуга для граждан старшей возрастной категории. Прогулки воспринимаются пожилыми людьми как базовая и обязательная часть досугового репертуара. Это повседневный ритуал, который способствует отдыху и расслаблению, а также обеспечивает поддержание контакта пожилого человека с городской средой.

Согласно данным анкетного опроса, 56% респондентов принимают активное участие

в жизни города, однако предпочитают культурно-досуговые мероприятия, проводимые в их микрорайоне. Пожилые люди достаточно активно участвуют в работе клубов по интересам, любительских объединений (24%), культурно-массовых мероприятиях различной тематики (46%), посещают выставки изобразительного и декоративно-прикладного творчества (12%), принимают участие в просмотрах ретрофильмов, беседах, встречах с интересными людьми (8%).

Результаты анкетирования и структурированного интервью показали, что для пожилых людей отдых на природе, в том числе за городом, оказывается одним из самых предпочтительных способов проведения досуга, который мобилизует их независимо от физического состояния и степени занятости. Речь идет о поездках «на дачу», о чем заявили 63% анкетированных. С одной стороны, дача предлагает массу видов деятельности, которые позволяют пожилым людям реализовывать и развивать свой творческий потенциал: уход за огородом, садом, домом и др. С другой стороны, пребывание на природе рассматривается как фактор гармонизации физического и эмоционального состояния, как практика, полезная для тела и психики.

Важным для анализа специфики интеграции пожилых людей в городской социум становится эмоционально-психологическое состояние респондентов. При ответе на вопрос «Как Вы смотрите в будущее?» вариант «с оптимизмом» выбрали 57% опрошенных,

«с пессимизмом» — 26%, 17% затруднились ответить на данный вопрос.

Развитие некоммерческих организаций — это ключевой поворот в отношениях между государством, пожилыми людьми и представителями общественности. На наш взгляд, положительным моментом является то, что 34% респондентов осведомлены о деятельности общественных организаций и считают их деятельность достаточно эффективной.

Более 80% экспертов, у которых были взяты интервью, считают, что назрела острая необходимость укрепления материально-технической базы социокультурных учреждений, позволяющей удовлетворять стремление пожилых людей к активному участию в культурной жизни, восстановлению физических и эмоциональных сил. Показательно, что 78% экспертов считают необходимым повысить финансирование культурно-досуговых программ и проектов, проводимых в городе.

По мнению подавляющего количества экспертов (82%), для планирования и реализации мер по совершенствованию культурно-досуговой деятельности пожилых людей необходимо регулярно проводить независимые исследования, направленные на выяснение реальных проблем данной категории населения.

Мнения экспертов о проблемах организации культурно-досуговой деятельности пожилых людей в г. Белгороде распределились следующим образом (табл. 1).

Эксперты из числа руководителей и сотрудников управлений и организаций сис-

Таблица 1

Распределение ответов экспертов на вопрос «Каковы проблемы организации культурно-досуговой деятельности пожилых людей в г. Белгороде?»

№	Проблемы организации культурно-досуговой деятельности пожилых людей	Результат, %
1	Несовершенство нормативно-правовой базы	31%
2	Проблемы материально-технического оснащения и финансирования мероприятий	24%
3	Недостатки информационного сопровождения потребностей пожилых людей	37%
4	Внедрение платных услуг в культурно-досуговую сферу	47%
5	Недостаточно развитая система социального партнерства в области поддержки инициатив пожилых граждан	45%

темы социальной защиты населения Белгорода полагают, что эффективными мерами совершенствования организации культурно-досуговой деятельности пожилых людей будут следующие: «планирование культурного досуга граждан старшего поколения с учетом приоритетов развивающих технологий» (32%); «повышение финансирования городских культурно-досуговых мероприятий для пожилых граждан» (30%); «поддержка инициатив пожилых людей» (30%); «создание центров «пожилого добровольчества», развитие программ «добрососедства» (28%); «создание интегрированных культурно-образовательных центров для пожилых людей» (26%); «организация социального туризма для пожилых людей, субсидирование досуга пожилых граждан с низким уровнем доходов» (25%).

Выводы

Таким образом, в условиях современной действительности требуется новый подход к организации культурно-досуговой деятельности пожилых людей как средства их интеграции в городской социум. Данный подход должен быть основан на комплексной диагностике проблем изучаемой категории граждан, требующий создания институциональных основ обеспечения устойчивого развития социально-культурной среды для пожилых людей, а также повышения качества оказываемых услуг.

Достижение интеграции пожилых людей в городской социум — сложный комплексный процесс, в ходе которого достигается состояние физического и психического здоровья, удовлетворенность условиями город-

ской жизни, обеспеченность необходимыми материальными, культурными и социальными благами, устанавливаются гармоничные отношения пожилых людей с социальным окружением.

Литература

1. Волкова О. А., Мозговая Е. И., Чефонова Е. А. Анализ специфики социальной интеграции населения, проживающего в городских и сельских населенных пунктах // Вестник Южно-российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). — 2016. — №2. — С. 154–160.

2. Остапенко Н. А., Мозговая Е. И. Участие пожилых граждан в формировании городского солидарного общества (на примере г. Белгорода) // Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики: материалы VII Международ. науч.-практ. конф. — Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2015. — С. 285–290.

3. Савинов Л. И., Кочетков С. С. Сравнительный анализ форм организации социально-досуговой работы с пожилыми людьми // Дискуссия. — 2017. — №10 (84). — С. 60–66.

4. Щанина Е. В. Организация досуга пожилых людей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2013. — №4 (28). — С. 149–157.

5. Chefonova E. A., Volkova O. A., Mozgovaya E. I., Grebenikova Y. A., Yefimova E. V. Analysis of the Specificity of the Social Integration of People Living in Urban and Rural Areas // The Social Sciences. — 2016. — Vol. 11. — Issue: 10. — Pp. 2408–2412.

Поступила в редакцию

6 апреля 2017 г.



Серкина Мария Сергеевна — аспирант кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Serkina Mariya Sergeevna — postgraduate student of the Social work Department of Belgorod National Research University.

308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, каб. 9
78 Preobrazhenskaya st., off. 9, 308000, Belgorod, Russia
Тел.: +7 (4722) 30-13-31, +7 (909) 200-01-09
E-mail: volkovaao@rambler.ru



Мозговая Елена Ивановна — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Mozgovaya Elena Ivanovna — candidate of philosophy, Associate Professor of the Social work Department of Belgorod National Research University.

308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, каб. 9
78 Preobrazhenskaya st., off. 9, 308000, Belgorod, Russia
Тел.: +7 (4722) 30-13-31, +7 (905) 673-10-44
E-mail: mozgovaya@bsu.edu.ru



Кулабухов Дмитрий Анатольевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Kulabukhov Dmitriy Anatolevich — candidate of philosophy, Associate Professor of the Social work Department of Belgorod National Research University.

308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, каб. 9
78 Preobrazhenskaya st., off. 9, 308000, Belgorod, Russia
Тел.: +7 (4722) 30-13-31, +7 (905) 170-41-11
E-mail: kulabukhov@bsu.edu.ru

УДК 340.13:316.35

ГРУППЫ ПРАВОВОГО РИСКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ© 2018 г. **В. В. Низовцев, А. К. Дегтярев****Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск**

В представленной статье актуализируется проблема групп правового риска в российском обществе как коллективных агентов, ориентированных на возможности неправовой альтернативы в реализации жизненных стратегий. Авторы статьи на основе презентативного социологического материала аргументируют позицию экспансионизма правового риска не только в полярных слоях российского общества, но и в среднеадаптированных слоях, составляющих ядро социальной структуры. Обосновывается положение о том, что локализация правового риска в позициях россиян основывается на принятии правовых норм и ограничений, расширяющих доступ к ресурсу права как коридору возможностей на личном и групповом уровнях.

Ключевые слова: группы правового риска; институты права; институциональное доверие; среднеадаптированные слои российского общества; парадоксы правового сознания.

In the presented article the problem of groups of legal risk in the Russian society as collective agents focused on possibilities of not legal alternative in realization of vital strategies is actualized. The authors of the article on the basis of a presentation of sociological material argue the position of expansion of legal risk not only in the polar strata of Russian society, but also in the middle-adapted layers that make up the core of the social structure. The author substantiates the provision that the localization of legal risk in the positions of Russians is based on the adoption of legal norms and restrictions that expand access to the resource of law as a corridor of opportunities at the personal and group levels.

Key words: groups of legal risk; institutions of law; institutional trust; middle-adapted strata of Russian society; paradoxes of legal consciousness.

В российском обществе сформировался новый правовой порядок, понимаемый как отношения социальных и правовых институтов, ориентированных на воспроизводство и развитие правовой сферы российского общества. В этом контексте следует говорить о двух значимых обстоятельствах. Во-первых, о том, что новый правовой порядок хабиитуализировался, рутинизировался, стал привычным в российском обществе. Иными словами, пройден путь правового транзита. Во-вторых, очевидна дифференциация общества, различных групп и слоев по отношению к легальности и легитимности пра-

вового порядка, уровню законопослушности, приверженности правовым и иллегальным практикам.

Российское общество характеризуется, таким образом, конфликтностью в сфере восприятия, оценки и доверия к системе позитивного права. На личном уровне речь идет о феномене «парадоксального человека», описанном Ж. Т. Тощенко, личности, ориентированной на декларированную позицию лояльности к праву и толерантности к правонарушениям, допустимости введения алгоритмов неправомерности в повседневных практиках [9].

На социальном макроуровне в публичном дискурсе прослеживается конкуренция официального, этнического, исторического права. Это выражается в том, что допускаются иллегальные практики, а иногда и массовые неправомерные действия, связанные якобы с защитой коллективных прав этноса, восстановлением «исторической справедливости», приверженностью неписаному праву, в котором правовые (формальные) институты воспринимаются искаженно, как несправедливые.

Еще более сложную и неоднозначную картину можно наблюдать, когда актуализируется феномен групп правового риска, коллективных агентов социального действия, позиционирующих избирательное, ситуативное отношение к правовой системе и правовую регуляцию. В стремлении выявить причины включенности групп правового риска в систему социальных отношений российского общества не следует ограничиваться выведением коррелята между социальным расслоением, социальной бедностью и полукриминальным и криминальным поведением. Как показывает рост «беловоротничковой» преступности, бытовой агрессии, распространенной в той или иной степени во всех слоях российского общества, вандализма российских фанатов, анализ групп правового риска не может быть редуцирован к социоструктурным критериям, к описанию маркеров правового риска как следствия социальных различий.

Исследуя в 60-е годы XX века феномен молодежного бунтарства и эскейпизма, американские социологи обратили внимание на зону конфликтности, возникшую и в контексте межгенерационных (межпоколенческих) противоречий, и в силу нарастания социальной неопределенности в обществе и карьерными устремлениями, определяемыми критерием успеха, безотносительно к моральным и правовым обязательствам [1]. Концептом, претендующим на интерпретацию правового риска в постсовременном обществе (поздней современности), стала теория позднего модерна или общества риска, предложенная в 80-е годы XX века немецким социальным философом У. Беком. Описывая позднюю современность как кризис институтов социального и правового модерна в контексте распада социальных групп, базирующихся по социально-профессиональному

и социально-имущественному критериям, ученый предположил, что правовая система, с одной стороны, утрачивает качество прозрачности, перестает быть сферой социально-правового контроля, с другой — нарастает доминирование частных правовых порядков, воспроизводимых группами интересов или, по терминологии У. Бека, субгруппами, имеющими различные модели образа жизни, социального действия и поведенческие коды.

В этом смысле подвергается сомнению универсальность правовых норм, и общество вынуждено считаться с экспансией частного права, с приватным пространством, в котором проявляется неправовая свобода. Таким образом, конструируется образ общества риска, где адаптивной стратегией большинства становится толерантность (безразличие) к «другим», принимается эквивалентность реализуемых норм и правил на основании равенства в самовыражении.

Американский исследователь С. Бенхабиб находит очевидную связь между моделями мультикультурализма и признанием равенства культур, содержащих правовой риск. Для нее очевидным становится, что доказывать превосходство или исключительность культурных традиций необходимо на основании универсального характера прав человека [2]. Если отрицать универсализм права, следствием является признание правового риска, актуализации неправомерного поведения, неправовой свободы, произвола в контексте реализации коллективных и личных притязаний.

С. Бенхабиб также отмечает, что при отсутствии ограничений на идентификацию индивида с определенной группой, индивид не обязан принимать поведенческий кодекс, алгоритмы повседневности, чтобы его обязательно считали «своим». Это важное замечание, связанное с тем, что группы правового риска, демонстрируя социальную исключительность или ущемленность, исходят из отказа от презумпции права, то есть полагают введение по отношению к ним политики правового либерализма, полезность и лояльность обществу становятся незначимыми. Под таким углом зрения правовой риск есть практика симулирования и спекулирования на правовых реалиях либерального гражданского общества.

Российский исследователь О.Н. Яницкий сделал попытку сформировать модель российского общества как «общества риска». Согласно его позиции, исходя из базовых положений, что социальная деятельность имеет двойственную созидательно-разрушительную природу и производство рисков, является самостоятельным видом социального производства, так же как и природные и технологические риски [8], рискогенность экспансивна в различных сферах российского общества.

Сохранение иллюзии полной управляемости, присущей советскому периоду, когда в общественных настроениях легитимировались принципы «мобилизационного» общества, практики принуждения и искоренения «враждебных групп», приводит к тому, что воспроизводится диспропорция в понимании правового риска. Правовой негативизм в сфере повседневности оценивается «обыденностью», и неправомерное поведение актуализируется в общественных настроениях только в контексте защиты государственных интересов.

Новые социальные макросубъекты, отмечает О.Н. Яницкий, действуют в среде кланово-корпоративных структур, отвечающих интересам элит и разрастанием атомизированной (маргинализированной) социальной среды, которая порождает либо самоорганизацию для самовывживания, либо теневую или криминальную самоорганизацию [8]. Подход, предложенный автором российской версии «общества риска», актуален, так как правовой риск, выбор поведенческих неправомерных практик влияет и на уровень институционального доверия в обществе, и на качество личной и общественной безопасности, но отчасти остается декларированным, не дифференцирует реальную включенность правового риска в деятельность конкретных социальных групп, описывает социальные полюса (элиты и социальное дно).

Между тем правовой риск модален и в анализе поведенческих кодов и стратегий социально адаптированных слоев российского общества, содержит социовозрастные, социотерриториальные, этносоциальные параметры. В общественных настроениях сформировался запрос на политику профилактики и противодействия правовому риску, обозначились предельные значения неправомерной толерантности. Эту рефлекссию можно назвать

реактивной, инструментальной, независимой от ценности социокультурной модернизации. Главным недостатком является дефицит концептуальных схем, позволяющих эмпирически верифицировать разнообразие правовых рисков в российском обществе.

Значительный шаг в этом направлении сделан российскими исследователями в сфере социологии молодежи. В.И. Чупров, Ю.А. Зубок, М.К. Горшков установили, что в условиях современности одной из основных проблем для индивидов является то, что риск принимается как объективный и дискутируется вопрос о приемлемом риске [10]. Подчеркивается, что легитимация правового риска, с одной стороны, поддерживает в обществе заинтересованность в группах «стигматизации», на которых можно возложить ответственность за ухудшение или деградацию правовой ситуации, с другой — правовой риск оценивается позитивно, включается в перспективность социальных действий и соревновательность.

Речь идет о том, что правовые нормы могут восприниматься барьерно, необязательными к исполнению, предназначенными для социальных «аутсайдеров», в то время как нарушение правовых норм, возможность совершения неправомерных действий актуализируется в качестве идентификационной стратегии или модели образа жизни. Делаются обобщения, диагностирующие поведение групп правового риска через культурные маркеры, через субкультурные основания деятельности, замещающие ценностно-нормативную систему общества.

Раскрывая механизмы социальной регуляции российской молодежи, авторы ассоциируют правовой риск с упорядочиванием социальных действий на основе делинквентной субкультуры в молодежной среде [5]. Очевидным достижением исследований правового риска российской молодежи можно рассматривать, во-первых, понимание правового риска как последствия объективных процессов, отраженных в молодежных структурах, во-вторых, определение правового риска как инструмента социального конструирования молодежи собственной символической и предметной реальности.

В данном направлении молодежь характеризуется в контексте взаимодействия

с обществом, но не наблюдается ее избавление от узости предложенной трактовки, если базироваться на принятии правового риска в регулировании социального поведения в российском обществе. В условиях ювенализации (омоложения) преступности существенно вытеснить проблему правового риска в молодежную среду. Применительно к среднему и старшему поколениям россиян субкультурные (символические) параметры правового риска ослабевают, так как по мере осознания зависимости поведенческих практик от модели жизненной стратегии правовой риск приобретает несколько иное значение, связанное с оценкой шансов на реализацию жизненных стратегий, включением неправомерных действий.

Социальное положение россиян определяется неравным доступом к ресурсам права (уровень защищенности социальных, трудовых прав, возможность воспользоваться качественными юридическими услугами, накопленная правовая компетентность), то есть правовой риск выявляется в осознании принадлежности к группе, депривированной в отношении к ресурсам права.

В поддержку этого положения свидетельствует тот факт, что россияне хотят примерно одного и того же: законности, достатка, эффективно функционирующих институтов, морального оздоровления общества [3]. Однако в понимании законности и путей ее достижения позиции могут радикально расходиться. В обществе доминируют сторонники «твердой руки» и внизу социальной лестницы (80%), и в средних и в верхних этажах (52%) [3]. Вместе с тем следует определиться с осмыслением «твердой руки», с тем, что соседствуют две конфликтные позиции. С одной стороны, прослеживается предпочтение авторитаризма, акцент на «репрессивное» право, с другой — одобрение демократической правовой системы с эффективными правовыми институтами.

По сути дела, в российском обществе есть «конфликтный плюрализм интересов», что способствует ослаблению авторитета права. Иными словами, предпосылки правового риска созревают в контексте парадоксов полезности права и отрицания права через формулу справедливости. Правовая убежденность трудно достигается в условиях разно-

направленных ожиданий к институтам правовой системы.

При этом социальная маргинализация создает зоны «правового риска», в которых индивид, действуя адаптивно, вынужден принимать нормы, содержащие делинквентность, рассматривать правомерное поведение как модель отложенного будущего. Этому содействует и тот факт, что в российском обществе недостаточно высок уровень институционального доверия к институтам права. Так, согласно социологическим исследованиям, судебной системе доверяют 26% респондентов, полиции — 32%, что создает негативный фон для профилактики правовых рисков и в рамках недоверия легитимацию неправомерных действий [7].

Тем самым уровень институционального доверия связывается с институтами, которые реализуют частные интересы, хотя позиции респондентов внешне связаны с одобрением институтов, олицетворяющих государство в целом. Но, так как институты права находятся в нижних значениях институционального доверия, они перестают выполнять коммуницирующую функцию между государством, группами и личностью. Следствием является расширение воздействия неформальных институтов, построенных на конвенциональных соглашениях.

В сферу неправомерного обращения втягиваются различные социальные группы, особенно это касается социально-трудовых, межличностных, межгрупповых отношений. Имеется в виду, что при нюансировании правовых рисков как алгоритмов действия выявляется сходство позиций в принятии возможностей действовать иллегально, за пределами права. При этом недоверие затрагивает и, казалось бы, более близкие к населению правозащитные организации (2% готовы поддерживать и участвовать в их деятельности) [7].

Неслучайно, что кроме «классических» групп правового риска, к которым относится молодежь, в силу социальной неопределенности, транзитивности социального статуса и приверженности «экстремальным» молодежным субкультурам, и «социального дна», маргинализированных слоев населения, где преобладает криминальная субкультура, социальное отчаяние и социальная эксклюзия, правовой риск генерируется в позициях среднеадаптированных слоев населения, которые

по нормативной модели являются референтами законопослушности.

Вероятно, подобное «отступление от нормы» можно объяснить тем, что для россиян приоритетным является понимание демократии как имеющей высокую социальную и экономическую эффективность, так же как и правовой системы в контексте достижения социальной справедливости, равенства возможностей. Во всяком случае, интерес к состоянию права выражен парадоксально. С одной стороны, среднеадаптированные слои российского общества осознают значимость социальных и политических прав и свобод, с другой — не прослеживается уверенность в силе и авторитете права, ориентация на использование неформальных норм и в сфере трудоустройства, карьеры, в повседневности.

Такая позиция может характеризоваться «потребительской», допускающей правовой риск в рамках жизненных притязаний и расширения горизонта возможностей. М.К. Горшков указывает на значимую особенность, связанную с правовой защищенностью граждан и социальной справедливостью [3]. Следовательно, важно подчеркнуть, что понимание взаимосвязи социальных, экономических и политических прав может в контексте институционального недоверия приводить к диспропорциональности прав/обязанностей и видеть недопустимость правовых рисков в отношениях с государством, но повышать степень толерантности к правонарушениям в гражданских отношениях.

Среднеадаптированные слои российского общества считают приоритетными семью (88%), работу (55%), друзей (49%) как сферы общественной и личной жизни [6]. Право, как политика и религия, занимают субдоминантные позиции. Очевидно, что степень правовых рисков высока в сфере повседневности, что подтверждается тем, что большинство преступлений в российском обществе имеют бытовой характер. Это является следствием транзитивной ситуации, когда традиционные моральные нормы перестали быть эффективными, а правовые нормы воспринимаются «формализованными» для сфер повседневности и общения.

Но важно и другое, что и в отношениях с государством проявляется конвенционализм, то есть законопослушность определя-

ется реализацией правовой ответственности государством, которое выступает не только гарантом прав и свобод граждан, но, по мнению представителей среднеадаптированных слоев, обязано следовать логике права не контекстуально, а «безупречно». Это выражается в том, что приватное пространство понимается вне влияния права, а правовое регулирование воспринимается как ненужный государственный интервенционизм.

При том что в российском обществе утвердился правовой статус гражданства, в массовом сознании действует позиция «граждане, организации и органы власти соблюдают все законы» (64,7% — среднее поколение) [4]. Оказывается, что принцип взаимной ответственности, каким бы убедительным и привлекательным не казался для среднеадаптированных слоев общества, исключает такие важные позиции, как независимость судов, эффективность адвокатуры и особенно неприкосновенность частной собственности (эти позиции поддерживают 6–12% респондентов).

В то же время следует признать, что размытость позиций по этим важным аспектам правового регулирования генерирует правовые риски, связанные с толерантностью к преступлениям в экономической сфере, покушением на личную собственность граждан, деформированности деловой этики, выбор неправовых (в том числе насильственных) способов регулирования конфликта интересов. Большинство представителей среднеадаптированных слоев населения акцентируют внимание на личной безопасности и гарантии прав и свобод граждан и в этом смысле, понимая регулирование взаимоотношений между гражданами и государством, не проявляют одобрения относительно контролирования государством выполнения гражданских обязанностей, регулирования взаимоотношений между отдельными гражданами.

Между тем, правовой риск содержит экспансионистскую тенденцию, если правовая система встает на позиции «абсолютного невмешательства», в чем убеждает опыт правовой анархии 90-х годов XX века в российском обществе, когда доминировала установка на негативный нейтралитет (государство не вмешивается в дела граждан, а граждане дистанцированы от воздействия на деятельность государственных институтов).

Правовой риск как выбор возможности неправомерного поведения актуализируется в условиях «моратория» на гражданско-правовую идентичность, ориентации в суждениях о праве и правомерном поведении исключительно на самих себя, индивидуализации жизненных стратегий вне правового пространства. Разумеется, речь идет о том, что среднеадаптированные слои российского общества испытывают состояние неопределенной идентификации по отношению к праву, когда совершение неправомерных действий воспринимается не как свидетельство делинквентной идентификации, а оценивается в качестве компромиссного, связанного с обстоятельствами, с тем, что «так действуют все». Уклонение от уплаты налогов, взяточничество, мошенничество в позициях среднеадаптированных слоев населения, имеющих значимый социально-профессиональный и образовательный статус, повышенную мобильность в «урбанизированной среде», воспринимаются если с не одобрением, то как интериоризация «жизненного опыта». Этому в какой-то степени способствует и то, что в контексте СМИ, ТВ конструируется ситуация «нарастающей криминальности», что законопослушность замещается чувством «жить в ладу с собой» через исключение общественно значимой позиции и общественно значимых суждений.

Очевидно, что в российском обществе группы правового риска формируются как следствие метаморфоз общественного сознания, которые, как писал Ж. Т. Тощенко, характеризуются маргинальностью правового сознания [9]. Смена политических, экономических, моральных ориентиров, связанная с «монетизацией» общественных и межличностных отношений, проявляется в воспроизводстве позиций правового риска на основе правовой апатии и возможности неправомерного поведения как альтернативной модели группового и личностного самоопределения.

Можно предположить, что, соглашаясь с параметрами «незрелости» правового сознания в российском обществе, необходимо констатировать, что право не стало социальным ориентиром. Размытость правовой (гражданской) идентификации, которая присуща сред-

неадаптированным слоям российского общества, способствует включению помимо закона и права неправомерных альтернатив, порождающих рискованные неправомерные действия. Это является достижимым в условиях неопределенности поля правовых возможностей, конструирования ситуации выбора между вариантами действия не по правовому критерию, а в силу надежды и успеха.

Таким образом, группы правового риска в российском обществе включают не только полярные слои, но и представителей среднеадаптированных слоев населения, испытывающих влияние парадоксов правового сознания и неопределенности в жизненных стратегиях в контексте лимитных значений правовой регуляции. Во-вторых, можно констатировать перспективу локализации правовых рисков в рамках превращения многообразия возможностей реализации личности путем установления соответствующих правовых норм и ограничений.

Литература

1. Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. — М., 1972. — 399 с.
2. Бенхабиб С. Притязания культуры. — М., 2003. — 350 с.
3. Горшков М. К. Российское общество как оно есть. — Т. 1. — М., 2016. — 416 с.
4. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М., 2010. — 592 с.
5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. — М., 2008. — 272 с.
6. Российская повседневность в условиях кризиса. — М., 2009. — 272 с.
7. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. — М., 2015. — 336 с.
8. Россия: трансформирующееся общество. — М., 2001. — 640 с.
9. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. — М., 2001. — 395 с.
10. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. — М., 2001. — 230 с.



Низовцев Валерий Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Юриспруденция» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Nizovtsev Valery Vladimirovich — PhD in law, associate Professor, head of the Department «Jurisprudence» of the South-Russian state Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (928) 279-14-82; e-mail: @gidroprivod.com



Дегтярев Александр Константинович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры «Юриспруденция» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Degtyarev Alexander Konstantinovich — doctor of philosophy, Professor, Professor of the Department «Jurisprudence» of the South-Russian state Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (950) 849-52-09; e-mail: rse1985@mail.ru

УДК 316.356.2

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ СЕМЕЙ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

© 2018 г. Л. С. Николаева, Т. Е. Устинова, Е. Н. Яцкая

*Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт
им. А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ»*

В статье рассмотрено понятие социального самочувствия российских семей и его составляющие. Определено влияние уровня социально-экономического развития общества на социальное самочувствие семей, охарактеризовано понятие социальной адаптации и дезадаптации современной семьи в России.

Ключевые слова: *идеальная семья; нормальная семья; аномальная семья; неблагополучная семья; благополучная семья; социальное самочувствие семьи; социальная адаптация семьи; дезадаптированная семья.*

The article considers the concept of social well-being of Russian families and its components. The influence of the level of socio-economic development of society on the social well-being of families is defined, the concept of social adaptation and maladaptation of the modern family in Russia is characterized.

Key words: *perfect family; normal family; abnormal family; dysfunctional family; happy family; social well-being of the family; social adaptation of the family; maladjusted family.*

Развитие российского общества на современном этапе характеризуется политической и социальной нестабильностью, падением уровня жизни значительной части семей, расслоением и поляризацией населения. Все катаклизмы и противоречия общественной жизни оказывают влияние, прежде всего, на такой социальный институт, как семья. В этой связи возникают многочисленные вопросы, касающиеся адаптации малой группы к новым социально-экономическим условиям, ориентации семьи на поиск путей решения возникающих у нее многочисленных проблем, самоопределения малой группы при реализации своих основных функций. В таких условиях актуализируется проблема социального самочувствия российской семьи. Иными словами, на социальное самочувствие семьи влияет уровень социально-экономического развития общества. Подъемы и спады общественного производ-

ства влияют на жизнедеятельность семьи и ее социальное самочувствие.

В своем исследовании Т. Лондаджим рассматривает социальное самочувствие как некий результат, «индикатор успешности процесса адаптации», и отмечает, что «социальное самочувствие складывается из трех составляющих: внутреннего состояния человека (здоровье, настроение, испытываемые чувства счастья, оптимизма), оценки внешних условий (восприятие ситуации в стране и времени, в котором человеку приходится жить), восприятия собственного положения в новых условиях» [3]. В соответствии с данным определением констатируем, что и социальное самочувствие семьи состоит из тех же трех составляющих: внутреннего состояния малой группы (здоровье и настроение членов семьи, испытываемые ими чувства оптимизма или пессимизма, растерянности), оценки социально-экономических условий, непосред-

редственно влияющих на жизнедеятельность малой группы и восприятия самой семьей того положения, в котором она оказалась.

Важным в определении термина «социальное самочувствие», как полагают Н. В. Дулина и В. В. Токарев, является указание на то, что это реально функционирующее общественное сознание и поведение, «в котором проявляется эмоционально-комфортная оценка индивидом, социальной группой и населением уровня удовлетворения социальных потребностей, а также своего положения в сравнении с другими индивидами, социальными группами...» [2]. Ученые отмечают, что существует некая норма, «стандарт» социального самочувствия как для отдельного индивида, так и для группы, населения в целом, которая обеспечивает эмоционально-комфортное существование субъекта (нормальные условия жизни, работы и отдыха, безопасности и уверенности в будущем).

Социальное самочувствие человека или социальной группы определяется степенью удовлетворения социальных потребностей, которые, в свою очередь, являются производными от существующей в обществе системы социальных благ, их производства и распределения. Следовательно, чем в большей степени семья ощущает нехватку социальных благ, тем хуже ее социальное самочувствие и социальная адаптация семьи в обществе.

Анализ социальной адаптации и самочувствия современной семьи в России должен пересекаться в предметном поле микро- и макросоциологии, что и предопределило логику исследования в этой статье. На основе теоретико-методологического знания в области исследования социальной адаптации определим специфику социальной адаптации современной семьи в России. Это потребует выделения критериев успешной и неуспешной адаптации семьи в обществе, а также рассмотрения такого понятия, как «нормальная» семья, которое предполагает, прежде всего, достаточно высокий уровень адаптированности семьи в обществе, а также ее достойный статус в соответствии с принятыми нормами социально-нормативного регулирования статусных позиций, как отдельных индивидов, так и социальных групп.

Отечественная фамилистика сосредоточила свои научные интересы на макросо-

циальных аспектах исследования семейно-брачной сферы жизни общества, и это вполне объяснимо, если учитывать катастрофическое положение демографической ситуации в современной России. Однако, исследование микросоциальных аспектов функционирования семьи является наиболее важной стороной изучения семейной проблематики, поскольку семья представляет собой, прежде всего, первичную социальную группу, в которой индивид получает знания о том социальном мире, жить в котором ему предстоит, реализуя свои способности, цели, потребности и возможности.

Одним из показателей социальной адаптации современной российской семьи является репродуктивное поведение, которое в свете событий последних лет, а также глобализационных и модернизационных процессов претерпело некоторые изменения, свидетельствующие о кризисе репродуктивного поведения российской семьи. На эффективность социальной деятельности и адаптационного поведения оказывают влияние такие немаловажные факторы, как характер социальных отношений и степень социальной напряженности в обществе, этнокультурная специфика региона, социально-экономическая и политическая ситуация в стране и многие другие. В современных социально-экономических и политических условиях социальная адаптация и самочувствие семей на макроуровне имеют свои особенности, выявить которые можно с помощью таких критериев, как уровень рождаемости в стране, детской смертности, количество детей в семье, динамика браков и разводов, уровень миграции российских семей в другие регионы, количество бездетных, неполных семей и общественное мнение в отношении этих семей и т. д.

Другой подход, позволяющий исследовать особенности социальной адаптации семьи в России на макроуровне, предполагает функциональный анализ института семьи. Исследование состояния выполнения основных социальных функций, к которым относятся репродуктивная, социализационная, хозяйственно-экономическая, эмоциональная функции, также поможет определить и характер социальной адаптации института семьи в России в современных социально-экономических условиях. Так как оба под-

хода пересекаются, необходимо комплексно использовать их при решении поставленной задачи.

Современный институт семьи имеет сложную и неоднозначную динамику, однако, «при всей своей сложности эта динамика демонстрирует кризис семьи в части выполнения ею своих традиционных социальных функций» [4]. Кризисность функционирования института семьи вызвала большие сложности в области социальной адаптации российских семей, и в настоящий момент остро поставлен вопрос о выживании и социальном благополучии личности и семьи в России на фоне ставшими привычными для россиян таких явлений, как социально незащищенная, неблагополучная, дезинтегрированная и т.п. семья, которую можно обобщенно назвать «социально дезадаптированная семья» [5].

Основными параметрами дезадаптации семьи в обществе являются:

- неспособность семьи обеспечить простое воспроизводство населения;
- неспособность семьи обеспечить прожиточный минимум своим членам;
- невозможность обеспечить нормальный, здоровый социально-психологический климат в семье и психическое и физическое здоровье членов семьи;
- низкий (минимальный) уровень образования и профессиональной квалификации;
- противоправная деятельность членов семьи и наличие преступников в семье;
- негативное общественное мнение о семье.

Степень адаптации семьи определяется количественными показателями данных критериев, «вес» которых неодинаков.

В целом успешная социальная адаптация и благополучие семьи понимаются как эффективная реализация семьей своих основных социальных функций. Неэффективная социальная адаптация рассматривается как неэффективная реализация семьей своих основных функций. Однако каковы критерии эффективности и кто их устанавливает? На этот вопрос трудно дать однозначный ответ. Очевидно, что каждое общество имеет свои критерии эффективности социальной адаптации семьи в обществе, которые можно отследить путем выявления общественного мнения в отношении тех социальных яв-

ний, которые характеризуют современную семью. Но общественное мнение не всегда может служить объективным источником научного анализа, поскольку, как отмечает В.В. Солодников, «общественное мнение, с одной стороны, зачастую бывает снисходительно к явным признакам отклоняющегося поведения (например, алкоголизм), а с другой, даже в заданных культурно-исторических условиях оно не всегда однородно, в том числе в отношении частной жизни» [5]. Поэтому базовой критериальной основой при исследовании социальной адаптации современной семьи в России является система норм и представлений о «нормальной» или благополучной семье, и в соответствии с этим происходит и оценка эффективности социальной адаптации семьи. При этом, конечно же, необходимо учитывать общественное мнение как отражение социально-нормативной системы семейно-брачных отношений, сложившихся в российском обществе. Уточним понятия нормальной, идеальной, благополучной, неблагополучной, адаптированной и дезадаптированной семьи.

Нормальная семья — это довольно условное понятие. В.Н. Дружинин предлагает считать нормальной семьей ту, которая обеспечивает требуемый минимум благосостояния, социальной защиты и продвижения ее членов и создает необходимые условия для социализации детей до достижения ими психологической и физической зрелости [1]. Данная характеристика нормальной семьи может быть принята в качестве определяющей, однако, следует отметить, что социальные нормы в отношении «нормальности» семьи формируются в человеческой культуре на основе представлений о том, какой должна быть идеальная семья.

Таким образом, мы получаем еще одну категорию, которую охарактеризуем как «идеальная семья». Идеальная семья может рассматриваться как определенная система норм и представлений о том, какой должна быть семья с точки зрения нравственных ценностей общества, которые, как известно, варьируются в каждом обществе в соответствии со сложившейся культурой семейно-брачных отношений и нормативно-правовой базой в отношении семьи и брака. Если существует понятие «идеальная» семья, то

по законам логики ее сущность должна отражаться в семье реальной, которая и выступает в двух ипостасях: нормальная и аномальная. Выбранный аспект исследования семьи с позиции ее адаптированности к социальным условиям позволяет выделить в конструкции «нормальная семья» подсистему «адаптированная семья», а в конструкции «аномальная семья», соответственно, подсистему «дезадаптированная». Понятия адаптированной и дезадаптированной семьи можно выразить также с помощью понятий «благополучная» и «неблагополучная» семья, типами которых они являются.

Благополучная семья представляет собой такой тип семьи, который характеризуется высоким уровнем адаптированности к социальным условиям, т.е. таким адаптационным потенциалом, который позволяет этой семье успешно справляться с возложенными на нее социальными функциями и занять достойное положение в обществе.

Неблагополучная семья определяется низким социальным статусом в различных сферах жизнедеятельности, а также низким адаптационным потенциалом, не позволяющим ей справляться со своими основными социальными функциями. Неблагополучность семьи может проявляться в различных аспектах: психическом (наличие такого климата в семье, который способствует разрушению психики членов семьи, ухудшению их эмоционального состояния и психического самочувствия, что приводит к снижению жизненных сил), физическом (когда в семье есть такие негативные проявления, как жестокие физические наказания, избиения, принуждения различного характера и т.д.) и социальном (когда семья демонстрирует полное отсутствие социальных норм в отношении своих членов и общества: бросают или продают детей, практикуют незаконные методы в своей жизни и т.д.).

Дезадаптированная семья является одним из видов неблагополучной семьи, поскольку, как отмечает Т.И. Шульга, «большое количество отклонений в поведении детей и подростков — безнадзорность, правонарушения, побеги из дома, употребление психоактивных веществ и т.д. — имеют в основе один источник — социальную дезадаптацию, корни которой лежат в семье» [6].

Таким образом, социальная шизадаптация семьи рассматривается как нарушение взаимодействия семьи со средой, в результате чего будущие семья не сможет выполнять в определенных социальных условиях свои социальные функции и осуществлять позитивную социальную роль, соответствующую ее оздоровэкзистенциальной сущности и возможностям. В итоге социальная дезадаптация семьи может привести к ее позволяющей неблагополучию, которое опасно не только своим настоящим, но и возможным, прогнозируемым будущим, поскольку сформированный образ жизни усваивается радетьми и часто вырабатываются переносится в их собственные будущие семьи. При этом неблагополучная семья опасна вдвойне, так как в нее существует две группы риска: она может представлять опасность для общества своими поценностями, нормами, поведением, чаще всего асоциальным, а также для свободного членов семьи, социализация которых, собственногоособенно детей, врождене может проходить нормально из-за отсутствия условий для нормального психического, физического и социального оразвития. Таким образом, социальная адаптация семьи в обществе отражает ее социальное самочувствие. Чем успешнее социальная адаптация, тем лучше ее социальное самочувствие. Неуспех социальной адаптации семьи, в свою очередь, усиливает ее неблагополучие и дезадаптацию.

Литература

1. Дружинин В. Н. Психология семьи: 3-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — С. 12.
2. Дулина Н. В., Токарев В. В. Социальное самочувствие населения как один из критериев оценки деятельности региональной власти // Социокультурные основания стратегии развития регионов России: материалы Всеросс. науч.-практ. конференции. — Смоленск: «Универсум», 2009. — С. 92.
3. Лондаджим Т. Социальное самочувствие иностранных студентов, обучающихся в российских вузах (Гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://womaninrussia.ru/content/sotsialnoe-samochuvstvie-inostrannykh-studentov-obuchyushikhsya-v-rossiiskikh-vuzakh>

gend. (Дата обращения: 12.11.2016). — 2011. — №4. — С. 70.

4. *Мирошниченко В. Н.* Функциональная трансформация института семьи в современном российском обществе. Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. соц. наук. — Ростов-на-Дону, 2007. — С. 16.

5. *Солодников В. В.* Социально дезадаптированная семья в контексте общественного мнения // Социологические исследования. — 2004. — №6. — С. 76.

6. *Шульга Т. И.* Работа с неблагополучной семьей: учеб. пособие / Т. И. Шульга. — М.: Дрофа, 2005. — С. 15.

Поступила в редакцию

18 марта 2017 г.



Николаева Людмила Сергеевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Nikolayeva Lyudmila Sergeevna — Doctor of Philosophy, professor of Department of history, philosophy and social technologies of Novochoerkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novochoerkassk, Russia
Тел.: +7 (8635) 22-30-35; e-mail: kaf.istor@yandex.ru



Устинова Татьяна Евгеньевна — аспирант кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Ustinova Tatyana Evgenyevna — postgraduate student of Department of history, philosophy and social technologies of Novochoerkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novochoerkassk, Russia
Тел.: +7 (904) 348-30-80; e-mail: usttatevg@mail.ru



Яцкая Екатерина Николаевна — аспирант кафедры истории, философии и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова ФГБОУ ВО «ДГАУ».

Yatskaya Ekaterina Nikolaevna — postgraduate student of Department of history, philosophy and social technologies of Novocherkassk Institute of Reclamation Engineering of Don State Agrarian University.

346409, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346409, Novocherkassk, Russia
Тел.: +7 (909) 426-63-65; e-mail: katj132@rambler.ru

УДК 801.73

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В РАМКАХ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

© 2018 г. Гуань Шаоян, Юе Сюе

Даляньский университет иностранных языков, Китай

В статье рассматривается сущность понятий «политический дискурс» и «концептуальная метафора», определяется их взаимосвязь в рамках перспективной теории концептуальной метафоры. Исследуются основные свойства концептуальной метафоры. Автор приходит к выводу, что формирование политического дискурса на основе концептуальных метафор обеспечивает его функциональное назначение, а именно — манипулятивное воздействие на общественное сознание.

Ключевые слова: *политический дискурс; концептуальная метафора; общественное сознание.*

The article studies the essence of concepts «political discourse» and «conceptual metaphor», and their interrelation is determined within the framework of the perspective theory of conceptual metaphor. We can explore the basic properties of the conceptual metaphor. The conclusion is drawn that the construction of a political discourse on the basis of conceptual metaphors provides its functional purpose, namely, a manipulative influence on the public consciousness.

Key words: *political discourse; conceptual metaphor; public consciousness.*

Анализ предмета исследования настоящей работы целесообразно начинать с определения понятий «концептуальная метафора» и «политический дискурс».

Следует отметить, что в современной лингвистике концептуальные метафоры представляют собой один из наиболее актуальных и перспективных предметов исследования. Несмотря на то, что сущность феномена «метафора» последовательно изучается еще со времен античности, научное представление о ней было сформулировано лишь во второй половине XX в. английскими учеными Д. Лакоффом и М. Джонсоном [1].

Сформулировав теорию метафоры в качестве когнитивно-семантической структуры, ученые пришли к выводу, что обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична. Это относится ко всем областям деятельности человека, в том числе и политической.

Метафора многопланова по своей сущности, поскольку существует не только в двух плоскостях, конкретной и абстрактной, но одновременно создает множество образов и вызывает разнообразные ассоциации и чувства, следовательно, только в метафоре выражается свойственная мысли симультативность. По их мнению, концептуальную метафору следует рассматривать в качестве ментальной структуры, находящей выражение в соответствующей языковой единице [2].

Можно заключить, что метафора представляет собой особую технику мышления, которая характеризуется спецификой формируемой в результате отражения объективной реальности логической формы. Определение «концептуальная» означает, в первую очередь, повышенную значимость метафорической конструкции для общественного сознания. В связи с этим концептуальную метафору следует характеризовать в качестве

особой формы мышления, способа концептуализации мира.

Политический дискурс также следует рассматривать в качестве многоаспектного понятия. Мы разделяем точку зрения о том, что данное понятие следует рассматривать в качестве совокупности специальных текстов, созданных и создаваемых для коммуникации в сфере общественно-политической деятельности. Эти тексты актуализируют речевую практику, целью которой является обоснование определенных социально-политических воззрений.

Важнейшая целевая установка политического дискурса — формирование в социуме определенного отношения к тем или иным политическим событиям и такой их оценки, которая необходима говорящему — субъекту речи. В таком качестве политический дискурс формирует мировоззрение и воздействует на поведение людей [3]. Иначе говоря, основная цель политического дискурса заключается в том, чтобы обеспечить результативность властного воздействия.

В данной связи политический дискурс теснейшим образом связан с концептуальной метафорой, учитывая ее высокий манипулятивный потенциал. Манипулятивность концептуальной метафоры заключается в том, что в рамках данной формы мышления хотя и не происходит навязывания готовой и законченной мысли, однако она способна сосредоточить сознание отдельной личности на определенных проблемах, которые начинают восприниматься в качестве существенных без наличия для этого объективных предпосылок.

По мнению упомянутых выше родоначальников теории концептуальной метафоры, воздействие концептуальной метафоры на общественное сознание осуществляется посредством следствий, логически выводимых из ее лингвистической формы. Так, например, из концептуальной метафоры «спор — война» выводится отношение к оппоненту как к противнику, а отсюда — агрессивное, наступательное поведение в дискуссии с ним. Или, например, использование для описания политического действия концептуальных метафор «наступление», «ответный выстрел» заведомо обеспечивает им оценку в качестве эффективных.

В результате зачастую концептуальные метафоры, функционирующие в рамках того или иного политического дискурса, начинают восприниматься в качестве непреложной истины и в общественном сознании. Способствуя проникновению тех или иных взглядов в сознание масс, они содержат имплицитную оценку, которая воспринимается на уровне подсознания конкретной личности как норма.

Когнитивный и воздействующий потенциал концептуальных метафор в настоящее время широко используется в политическом дискурсе. В результате происходит его стандартизация, в основе которой находится преобладающее использование одних и тех же базовых образов, характеризующих восприятие одних и тех же явлений действительности. Такой эффект концептуальных метафор определяет их ключевую функцию в рамках политического дискурса — формирование идеологем, представляющих собой вербализованные понятия, которые в образной форме содержат представления субъекта номинации о характерных особенностях обозначаемого им. Такой концепт предполагает определенный ракурс лексического восприятия. Другими словами, концептуальная метафора относит обозначаемое к определенной категории и тем самым «заставляет» говорящих на данном языке воспринимать это обозначаемое под определенным углом зрения. Именно данное обстоятельство в конечном итоге определяет манипулятивный эффект концептуальной метафоры в рамках политического дискурса.

Так, например, частое употребление спортивной метафоры в англоязычном и русскоязычном политическом дискурсе свидетельствует о соревновательном, соперническом характере политической борьбы, главной целью которой является победа, иногда — победа любой ценой.

Инструментами выражения смысла концептуальных метафор являются, как правило, абстрактные, невещественные понятия, смысловые элементы которых (имена предметов и явлений объективной реальности) используются в качестве средства номинации. В результате с помощью концептуальной метафоры в рамках политического дискурса получают наименования целые фрагменты «непредметного мира», такие как характе-

ристики личности, ее эмоциональные переживания и интеллектуальная деятельность, взаимоотношения людей, события и явления социальной жизни.

Лексические формы выражения концептуальной метафоры в рамках политического дискурса чрезвычайно разнообразны. Среди основных из них можно выделить лексемы, устойчивые словосочетания (фразеологизмы), а также окказионализмы. Очевидно, что семантика метафоры имеет корни или корреляции в тех представлениях, которые соотносят ее с областью культуры. Они, действуя, как правило, незаметно, неосознанно для рядового носителя языка, формируют языковую картину мира — систему представлений, запечатленных в образных единицах языка и отображенных в строящихся с их помощью текстах [3].

Следует отметить, что концептуальные метафоры являются узуальными для языка и, следовательно, общими для всех говорящих на нем, поэтому их «внушающей» силы трудно избежать. В качестве типичных примеров концептуальных метафор можно привести следующие: «время — деньги», «время — пространство», «жизнь — путешествие» и «жизнь — театр», «время идет», «светлая/темная личность», «гнев охватывает», а также эмотивно-оценочные номинации, обращенные к человеку, такие как «сокол», «осел», «бревно» и т. д.

Влияние концептуальных метафор на политический дискурс находит свое проявление в усилении его оценочной составляющей, поскольку они посредством воздействия на процесс конструирования системы понятий отдельной личности формируют систему ее ценностей. Механизм такого формирования чрезвычайно прост — концептуальные

метафоры обозначают явления, составляющие среду жизни среднестатистического обывателя, а также используют наименования предметов и явлений, также переживающихся личностно, через собственный опыт. В результате такого воздействия в общественном сознании формируется устойчивое чувство сопереживания, что естественным образом усиливает манипулятивный эффект политического дискурса.

Итак, с точки зрения теории концептуальной метафоры современный политический дискурс представляет собой ведущий инструмент осуществления властного влияния посредством осуществления манипуляций над сознанием и поведением отдельных личностей. Такое воздействие достигается путем использования семантико-логических конструкций, задающих определенный способ мышления.

Литература

1. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 174 с.
2. *Миньяр-Белоручева А. П.* Особенности функционирования концептуальных метафор в политическом дискурсе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2016. — Т. 13. — №3. — С. 203–207.
3. *Опарина Е. О.* Метафора в политическом дискурсе // Политическая наука. — 2002. — №3. — С. 22–30.
4. *Чудинов А. П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 266 с.

Поступила в редакцию

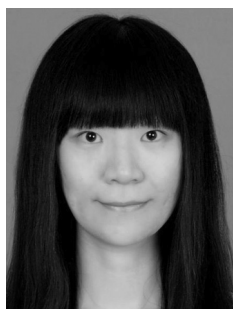
19 июля 2017 г.



Гуань Шаоян — аспирантка политической лингвистики Даляньского университета иностранных языков.

Guan Shaoyang — doctor of political linguistics of Dalian University of Foreign Languages.

116041, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6
6 Lushun road, 116041, Dalian, China
Тел.: (+86-411) 861-122-77, (+86-411) 861-152-05
E-mail: guanshaoyang@mail.ru



Юе Сюе — аспирантка политической лингвистики Даляньского университета иностранных языков.

Yue Xue — doctor of political linguistics of Dalian University of Foreign Languages.

116041, Китай, Далянь, Люйшуньское шоссе, 6
6 Lushun road, 116041, Dalian, China
Тел.: (+86-411) 861-122-77, (+86-411) 861-152-05
E-mail: guanshaoyang@mail.ru

УДК 316.7

**НЕБЛАГОПОЛУЧНОЕ ДЕТСТВО В РОССИИ:
ПАРАДОКСЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ
В СФЕРЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

© 2018 г. А. В. Верещагина*, В. И. Курбатов**, А. В. Попов*

*Южный федеральный университет,

Институт социологии и регионоведения, г. Ростов-на-Дону

**Донской казачий государственный институт пищевых технологий и бизнеса
(филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет
технологий и управления им. К. Г. Разумовского», г. Ростов-на-Дону

Современное российское общество, наполненное социальными рисками, определяет рискогенность сферы семьи и семейных отношений, которая в свою очередь является производной от парадоксальности сложившейся управленческой реальности в сфере семейной политики. Эта парадоксальность определяется незащищенностью семьи, материнства и детства — базовых для благополучия общества явлений — и выражается в институционализации такого явления, как «неблагополучное детство». Последствия этого чрезвычайно опасны для функционирования российского общества как в настоящем, так и в будущем, прогнозирование которого невозможно без учета социального положения и самочувствия детей, без анализа детства как социального явления, аккумулирующего в себе особенности социокультурного развития общества с развернутыми во времени формами деятельности, главными акторами которой выступают взрослые и дети. Теоретический анализ обозначенных проблем в рамках концепции парадоксальности социальной реальности позволяет оценить неблагополучие детства в России с позиций декларативного и несоответствующего семейной реальности характера семейной политики, что связано с парадоксами управленческой реальности, не ориентированной на реальную ситуацию и решение социально значимых проблем.

Ключевые слова: детство; неблагополучное детство; семья; материнство; семейная политика; управленческая реальность.

Modern Russian society, filled with social risks, determines the riskogenicity of the sphere of family and family relations, which, in turn, is a derivative of the paradoxical nature of the current managerial reality in the sphere of family policy. This paradox is determined by the vulnerability of the family, motherhood and childhood, the basic phenomena for the well-being of society, and is expressed in the institutionalization of the phenomenon of «dysfunctional childhood». The consequences of this are extremely dangerous for the functioning of Russian society, both in the present and in the future, the forecasting of which is impossible without taking into account the social situation and well-being of children, without analyzing childhood as a social phenomenon, accumulating the features of socio-cultural development of society with developed in time forms of activity, the main actors of which are adults and children. The theoretical analysis of the problems in the framework of the concept of paradoxical social reality allows to assess the problem of childhood in Russia from the standpoint of declarative and inappropriate family reality of the nature of family policy, which is associated with paradoxes of managerial reality, not focused on the real situation and the solution of socially significant problems.

Key words: *childhood; dysfunctional childhood; family; motherhood; family policy; managerial reality.*

Современное российское общество наполнено множеством рискогенных явлений, осмысление которых с точки зрения их парадоксальности дает возможность не только увидеть пространство противоречий, возникающих в различных сферах общественной жизни и социальных институтах, но и объяснить их. Такой подход развивает в российской социологии Ж.Т. Тощенко, что позволило ему отчетливо проследить парадоксальность в развитии политических отношений в России, в функционировании института образования, рынка труда, экономики и жизни отдельных индивидов [1].

В данной работе внимание концентрируется на семье, которая осуществляет свою жизнедеятельность в условиях парадоксальной социальной и управленческой реальности, как той реальности, в которой происходит сложно объяснимое с точки зрения здравого смысла принятие управленческих решений, законодательных проектов и концепций в области развития семьи и семейных отношений, регулирующих развитие таких важнейших социальных явлений, как материнство и детство. Семья в условиях парадоксальной реальности, в которой идеи демократии сочетаются с явно выраженным авторитарным курсом правящей элиты, а масса разработанных государственных проектов и концепций в области семьи, молодежи, демографического развития не сочетаются с той реальностью, в отношении которой они были приняты, в которой системный кризис образования подменяется отдельными, отвлекающими внимание от реальных проблем, явлениями и процессами (борьба с неэффективными вузами, лжеучеными и т.д.), а «работающая бедность» [2] становится «нормальным» явлением, институционализированным на уровне всего общества, сама становится парадоксальной. Более того, семья как микромир, в котором преломляются все макросоциальные процессы и тенденции общественного развития, сама становится средой воспроизводства парадоксальных явлений. Отсюда можно констатировать, что семья как продукт парадоксального общества одновременно становится и механизмом его воспроизводства.

В парадоксальном аспекте можно изучать различные явления семейной жизни, но в данной статье с позиций данного подхода предлагается рассмотреть такое важное явление, как детство. Значимость выбранного объекта исследования определяется прогностическим потенциалом его изучения, поскольку ни в одном другом социальном феномене не переплетается столь тесно и взаимозависимо прошлое, настоящее и будущее, как в детстве. Изучая мир детства, можно с высокой степенью достоверности прогнозировать развитие «взрослого» мира и будущее общества в целом.

Все нам хорошо известна фраза «Все мы родом из детства». Ее смысл еще более глубок, чем может показаться, так как большинство проблем, возникающих во взрослой жизни человека, как и достижения, успехи, самым непосредственным образом связаны с глубоким прошлым — с детством, которое проходит как определенный жизненный этап, но никуда не уходит и остается с человеком всю его жизнь, определяя отношение к миру, к самому себе, к труду и профессии, к таким ценностям и явлениям, как семья, любовь, дружба. Иными словами, человек как его будущая проекция и состоявшийся жизненный проект во многом определяются тем, каким было его детство — радостным, счастливым, наполненным любовью со стороны родных и близких, или грустным, полным одиночества, тоски и лишений в самом важном и необходимом, кто находился рядом и оказывал влияние на становление внутреннего мира, в каких социально-экономических и социокультурных условиях протекало детство.

Этими обстоятельствами обуславливается пристальное внимание социологов к детству, однако однозначной интерпретации данное явление не получило в социологии детства, выделенной на сегодняшний день в отдельную социологическую дисциплину, на уровне которой анализируются остро стоящие перед обществом проблемы, связанные с детской беспризорностью, инвалидностью, различными типами девиаций, порождающими их источниками, как правило, корнями, уходящими в семейное неблагополучие [3].

Анализ и обобщение имеющихся позиций, мнений и точек зрения к исследованию детства позволил выделить два базовых подхода. В методологических границах первого детства рассматривается с позиций демографического подхода и интерпретируется как определенный возрастной этап социального созревания личности в психофизиологическом и социальном измерении. Второй подход рассматривает детство как социокультурное явление, по своей природе глубоко связанное с исторической спецификой и траекторией развития общества в его временной, пространственной и цивилизационной обусловленности, определяющей тип и характер взаимодействия взрослых и детей. Концептуальный уровень социологической интерпретации детства фиксируется в подходе, предложенном С. Н. Щегловой, которая понимает под ним социальное образование, выражающее в действиях и языке совокупность объектов, событий, процессов, социальных институтов и социальных практик в отношении детей [4]. В целом исследователи при всем многообразии сложившихся подходов и интерпретаций в изучении детства солидаризируются в том, что детство — это феномен, характеризующийся историчностью и отражающий специфику социокультурного развития конкретного общества, в котором складываются развернутые во времени формы деятельности, главными акторами которой выступают взрослые и дети.

Следует отметить, что в России ценность детства, семьи, родительства всегда была достаточно высока, и современная реальность в данных социологического опроса ВЦИОМ (2017 г.) свидетельствует о том, что семья и дети входят в число основных детерминант счастья россиян [5], а для 42% россиян именно дети составляют смысл жизни и основу ее полноценности [6]. Однако возникает вопрос: означает ли это, что столь же высока и ценность детства в России, и насколько защищенным, благополучным оно является? Согласно результатам социологического опроса Левада-Центра, около 38% опрошенных россиян убеждены в том, что родители подростка 13–14 лет имеют право наказывать его физически, и, хотя большинство российских граждан (53%) все же полагают, что такого права у родителей подростков нет [6], данная ситуация не может не настораживать.

Насилие в семье — распространенное явление в современной России, причем три четверти опрошенных (77%) в исследовании ВЦИОМ (2016 г.) убеждены в том, что многие случаи насилия в нашей стране не фиксируются, т.е. официальные данные о насилии в семье и в обществе в целом не соответствуют реальности, и более половины опрошенных российских граждан считают, что женщина в России от домашнего насилия не защищена законом [7].

Такая ситуация, безусловно, отсылает нас к нормативно-правовой базе, несовершенство которой в совокупности с укрепившимся на уровне ментальности недоверием к судебной системе и способности правоохранительных органов защитить права пострадавших от семейного насилия лиц способствует росту этого негативного явления. Естественно, в такой ситуации, когда сама семья в лице ее отдельных акторов не является защищенной законом [8], вопрос о защищенности детства как включенного в пространство семейной жизни и производного от него остается во многом риторическим, но, тем не менее, и здесь можно увидеть следы несовершенства правового поля обеспечения жизнедеятельности детей в России.

Так, если мы обратимся к Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, то вслед за Т. А. Гурко, глубоко проанализировавшей этот документ, увидим, что в нем отсутствует интерпретация понятия «жестокое обращение с детьми», находящее выражение в ряде понятий, среди которых «психологическое злоупотребление», «физическое злоупотребление», «сексуальное злоупотребление», «пренебрежение ребенком», «безнадзорность», в мировой практике получивших достаточно глубокое понятийно-нормативное оформление [9], что, с нашей точки зрения, прямым образом свидетельствует о незащищенности детства в нашей стране.

О незащищенности семьи, материнства и детства в России говорят многие негативные проявления российской действительности, среди которых постыдно низкий размер детских пособий, крайне ограниченный доступ к оказанию качественных медицинских услуг для большей части детей при столь же критически низком уровне развития детских

медицинских учреждений, недоступность для значительной части российских детей необходимых услуг в области физического и духовного развития по причине их тотальной коммерциализации на фоне снижения материального благополучия и роста социальной поляризации в российском обществе, неадекватность имеющегося нормативно-правового пространства в сфере семейного законодательства реальной ситуации в области развития семейно-брачного института.

Парадоксальность описанной ситуации заключается в том, что при всей очевидной важности благополучия семьи, материнства и детства как основы общественного благополучия и безопасного развития социума в современной России именно эти явления находятся в состоянии незащищенности — правовой, экономической, общественной. И в результате — распространение и институционализация в России такого явления, как «неблагополучное детство».

Парадоксальность российского общества заключается также в том, что при решении социально значимых задач и проблем, независимо от того, в какой социальной сфере они возникли, происходит путем устранения последствий деструктивных явлений, а не породивших их причин, что в итоге становится источником воспроизводства общества неблагоприятного типа. Причин такой управленческой неадекватности и неэффективности достаточно много, но одной из них, очевидно, выступает дистантное существование и функционирование политико-управленческой и научной институциональных систем. На уровне государственного управления не востребовано на сегодняшний день научное знание и научные практики, ориентированные на познание социальной реальности, закономерностей ее развития, причин, вызывающих кризисные явления в функционировании базовых социальных институтов, к которым относится и институт семьи, в пространстве которого получают свое социокультурное оформление и развитие материнство и детство.

В общественно-политическом и управленческом дискурсе семейная тематика подается преимущественно в свете проблемы демографического кризиса в России, и доминирует точка зрения о том, что демогра-

фическому благополучию России угрожает низкий уровень рождаемости, поднять который до уровня выхода из демографического кризиса не удастся даже путем реализации государственных программ в области повышения рождаемости и поддержки молодых семей. Удивляться этому не приходится, так как разработанные на уровне государственной политики проекты и концепции в области развития семьи и семейных отношений, поддержки молодой семьи и выхода из демографического кризиса слабо коррелируют с реальностью, в которой развиваются семейные отношения и протекают демографические процессы.

В этой реальности проявляет себя весь комплекс причин, порождающих негативную ситуацию в сфере демографического развития российского общества. Их источником является не только кризис семейных ценностей и отношений, неблагоприятная социально-экономическая ситуация, но и кризис социализационной системы в целом, в которой формируются семейные ценности и культура семейных отношений. Высокий уровень разводов в российском обществе способствует распространению неполной семьи. Исследователи обращают внимание на то, что неполная семья является источником последующих конфликтных и асоциальных проявлений в поведении подростков и молодежи, так как кризис семейных и супружеских отношений в частности неминуемо сказывается на отношениях с детьми, их социализации, моральном и физическом самочувствии [10]. Поскольку в России фиксируется рост неполных семей, этот фактор невозможно не связать с распространением такого явления, как неблагоприятное детство, а следовательно, важен поиск причин высокой динамики разводов в стране, кризиса культуры отцовства и материнства и в целом родительства.

Российские ученые в своем большинстве склонны негативно оценивать состояние семейной сферы современного российского общества, отмечая, что браки стали непрочными, семьи — малодетными, а само значение законного супружеского союза фактически потеряно [11]. Известный специалист С.И. Голод также отмечает, что в России идет процесс снижения ценности пожизненного зарегистрированного брака

с несколькими детьми, что говорит о кризисе традиционной семьи, по своей сущности «детоцентристской», и переходе к семье современного, супружеского типа [12], в основе которой находится ценность супружеских отношений как индикатор стабильности и эффективности семьи. Следовательно, актуализируется проблема формирования соответствующей парадигмальным изменениям в семейной сфере семейной культуры, в пространстве которой формируются детско-родительские отношения и осуществляется важнейший в жизни каждого человека проект под названием «детство».

Итак, современная семья в России превратилась в неустойчивую, весьма нестабильную и подверженную конфликтам и риску распада социальную конструкцию. Об этом красноречиво говорят статистические и эмпирические данные о динамике разводов в семье, росте неполных семей, фактов семейного насилия. В этом неблагополучном семейном пространстве протекает детство тех, кто впоследствии будет определять будущее общества по самым различным направлениям. Изменить последствия неблагополучного детства будет гораздо сложнее, нежели предпринять меры своевременного характера, определяемые здоровой государственной политикой в области защиты детей и поддержки материнства.

Стоит ли говорить о том, что еще в недалеком российском прошлом дети и детство выступали важнейшим объектом государственной политики? Наверное, стоит, так как советское государство, не в пример современному российскому, оказывало чрезвычайно большое внимание воспитанию подрастающего поколения, его здоровью. Для обеспечения здорового образа жизни молодого поколения советской России существовала и активно поддерживалась со стороны государства большая сеть спортивных организаций и мероприятий. Физическая культура и спорт составляли значимую часть воспитательного процесса в СССР. Каждый ребенок имел возможность проводить летние каникулы в детских пионерских лагерях, заниматься спортом, независимо от материального уровня семьи.

Разрушение советского образа жизни в процессе перехода к демократическому со-

циальному порядку привело к разрушению и того положительного, что способствовало формированию здоровой в физическом и нравственном смысле молодой личности. В результате в современном российском обществе в высшей степени остро стоят проблемы, связанные с ростом детской девиантности, одиночества, инвалидности. Источники этих негативных явлений связывают, в первую очередь, с семейным неблагополучием, и это совершенно справедливо, но оно — лишь следствие неблагополучия самого общества и государства, социальная политика которого на данный момент не соответствует принципам и критериям социального государства.

Таким образом, детство в современной России, постепенно утрачивающее благополучные черты, является индикатором социально неблагополучного сценария развития всего общества и системы государственного управления, парадоксальным образом оставляющей без внимания то, что составляет основу и перспективу будущего общества, благополучие которого определяется настоящим семей и детей.

Литература

1. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монография / Ж. Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. — 543 с.
2. Горшков М. К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. — 2014. — №7. — С. 20–31.
3. Ткач В. П. Цветовой тест отношений в эмпирических социологических исследованиях детской возрастной группы: методологическое обоснование и особенности применения. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. — М., 2012. — 24 с.
4. Щеглова С. Н. Детство как социальный феномен: Концепция социального конструирования детства. Дисс. ... док. соц. наук. — М., 1999. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/detstvo-kak-sotsialnyi-fenomen-kontseptsiya-sotsialnogo-konstruirovaniya-detstva>. (Дата обращения: 16.04.2016).
5. Счастье в России: мониторинг. ВЦИОМ. Пресс-выпуск №3431 [Электронный

ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116335>. (Дата обращения: 15.12.2017).

6. Дети: права, допустимость родительского и государственного контроля [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.levada.ru/30-05-2015/deti-prava-dopustimost-roditelskogo-i-gosudarstvennogo-kontrolya>. (Дата обращения: 10.10.2016).

7. Насилие. Бездна. Возмездие? Пресс-выпуск [Электронный ресурс]. — Режим доступа: №3200 <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115864>. (Дата обращения: 07.02.2018).

8. Хилажева Г. Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Социологические исследования. — 2015. — №8. — С. 61–65.

9. Гурко Т. А. О Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года: экспертная оценка // Социологическая наука и социальная практика. — 2013. — №3. — С. 33–52.

10. Закирова В. М. Развод и насилие в семье — феномены семейного неблагополучия // Социологические исследования. — 2002. — №12. — С. 131–134.

11. Грицай Л. А. Трансформация ценностных основ семейной жизни в России конца XIX — начала XX в. как предпосылка революционных событий 1917–1918 гг. // История и современность, 2012. — №1. — С. 180–191.

12. Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2003. — №2. — С. 106–119.

Поступила в редакцию

5 октября 2017 г.



Верещагина Анна Владимировна — доктор социологических наук, профессор, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Vereshchagina Anna Vladimirovna — Doctor of sociology, Professor, Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 218-40-00, доб. 12611; e-mail: anrietta25@mail.ru



Курбатов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, профессор Донского казачьего государственного института пищевых технологий и бизнеса (филиал) ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского».

Kurbatov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Moscow State University of Technology and Business in name of Razumovsky.

344022, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 174
174 Pushkinskaya st., 344022, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 250-60-74; e-mail: kurbashy@list.ru



Попов Александр Васильевич — доктор социологических наук, профессор, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Popov Aleksandr Vasil'evich — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 218-40-00, доб. 12622; e-mail: infoipk@sfedu.ru

УДК 316.346.32-053.6

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ:
К ВОПРОСУ О РОЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ОЦЕНОК (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖИ)**

© 2018 г. А. В. Рачина*, Л. И. Щербакова**, И. А. Янкина***

**Южный федеральный университет,
Институт социологии и регионоведения, г. Таганрог
**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ),
г. Новочеркасск
***Таганрогский институт управления и экономики*

В статье рассматривается актуальная проблема оценки эффективности государственного и муниципального управления. Указывается, что система критериев оценки эффективности органов власти должна дополняться социологической аналитикой. Статья основана на результатах социологических исследований, проведенных в Таганроге в 2016–2017 годах. Социологический анализ позволяет выявить проблемные зоны социальной среды. На примере исследования оценок молодежи выявлены направления повышения эффективности управления на уровне муниципального образования.

Ключевые слова: эффективность государственного и муниципального управления; социологические исследования; динамика социальных оценок; оценки молодежи.

The article deals with the actual problem of evaluating the effectiveness of public administration. It is indicated that the system of criteria for assessing the effectiveness of government should be supplemented by sociological analysis. The article is based on the results of sociological research conducted in Taganrog in 2016–2017. Sociological analysis will reveal the problem areas of the social environment. On the example of the study of youth estimates, the directions of improving the efficiency of management at the municipal level are revealed.

Key words: efficiency of state and municipal management; sociological research; dynamics of social assessments; youth assessment.

Оценка эффективности управленческой деятельности является для современной российской экономики одним из актуальнейших вопросов. Логика рыночных отношений диктует необходимость максимально рационального использования имеющихся в распоряжении социально-экономической системы материальных и нематериальных ресурсов. Организации, неэффективно использующие свои ресурсы (равно как и те, кто их использует менее эффективно, чем большинство партнеров или конкурентов), должны уйти и уступить свое место более эффективным.

Повышение или понижение эффективности деятельности организации детерминировано эффективностью деятельности руководства организации. В связи с этим перед субъектом процесса управления встает вопрос критической оценки результата деятельности, корректировки и соотнесения с намеченными целями. В случае с коммерческими организациями общим мерилом эффективности становятся показатели рентабельности, которые позволяют сравнить эффективность деятельности и с конкурентами, и с предшествующими периодами деятельности.

Однако для НКО подобных универсальных индикаторов нет. Поэтому для каждой НКО необходимо формировать систему показателей, которые позволят произвести оценку эффективности ее деятельности. Сложность данной проблемы в том, что социальная направленность деятельности НКО не позволяет четко очертить целевую ориентацию деятельности и наиболее важные параметры в деятельности НКО. В особенности это наглядно проявляется в деятельности органов государственного и муниципального управления. Социальная ориентация деятельности всех государственных и муниципальных служб приводит к тому, что потребителем их деятельности является каждый гражданин страны. В результате их деятельность напрямую влияет на жизнь каждого россиянина. И если деятельность органов власти частично (или полностью) скрыта от большинства граждан, то результаты этой деятельности рано или поздно становятся объектом публичных обсуждений (в том числе в СМИ). В результате эффективность деятельности органов государственного и муниципального управления являет собой сложно квантифицируемую характеристику. Это связано с целым рядом противоречий. Во-первых, на уровне отдельных граждан понимание эффективной деятельности ГМУ, как правило, связано с решением тактических проблем, а на уровне органов власти ставки делаются на решение стратегических проблем. Во-вторых, даже на уровне одного муниципального образования нет единства среди горожан о приоритетах, которые необходимо расставить в ходе целеполагания. Это приводит к лоббированию интересов сильно ресурсных групп в социально-экономических системах и игнорированию интересов слабо ресурсных групп. В-третьих, нехватка ресурсов для решения всех социальных проблем. Система деятельности органов власти сложилась таким образом, что объем социальных обязательств, который давит на органы власти, не соответствует потенциалу данной системы. Ситуацию усугубляют нерешенные проблемы коррупции и чрезмерной бюрократизации органов власти. В этой связи, какие бы показатели ни циркулировали в отчетах аппарата органов власти, социологическое сопровождение обеспечивает обратную связь

с населением, отражает динамику отношения к результатам деятельности. Это обусловлено тем, что основной целью деятельности государственных и муниципальных органов власти является обеспечение достойного качества жизни граждан.

Таким образом, каждый гражданин является экспертом в оценке качества своей жизни. А. Щюц пишет, что любая ситуация, с которой сталкивается человек, оценивается с позиций предыдущего социального опыта и «предполагает определенные возможности будущей практической или теоретической деятельности» [1]. Указанная А. Щюцем обусловленность системы оценок человека предыдущим опытом подчеркивает важность подобных исследований. Это акцентирует важность социологического анализа, который позволяет исследовать динамику оценок респондентов, выявить доминирующие настроения и социальные оценки последствий, принимаемых органами власти решений. Таким образом, через призму социологического анализа можно выявить динамику изменения качества жизни населения, отражающую динамику эффективности деятельности органов власти. Необходимо учитывать, что оценки населения формируются как результаты сравнения качества и уровня своей жизни и своего окружения, а также в сравнении с предыдущим периодом. Любая положительная динамика увеличивает уровень доверия к власти (облегчая процесс управления). Отрицательная динамика снижает уровень легитимности власти, приводит к необходимости привлекать больше ресурсов и усилий для реализации управленческих решений.

Для наглядности понимания роли социологической аналитики в решении проблемы повышения эффективности государственного и муниципального управления обратимся к результатам исследования оценок представителей молодого поколения. Социальные оценки, распространенные в молодежной среде, являются достаточно интересным индикатором. Это связано с тем, что молодежь «не отягощена» опытом прошлого и формирует отношение к социально-экономической ситуации исходя из уровня собственной комфортности, сравнивая эффективность государственного и муниципального управления на их соответствие уровню и качеству запро-

сов современной ситуации. Нужно отметить, что молодежь, согласно современным социологическим исследованиям, представляет достаточно мобильную часть российского общества. Изменения в социально-экономическом пространстве порождают динамику оценок молодежи по поводу удовлетворенности своим качеством жизни. Таким образом, подобные социологические исследования обладают существенным гносеологическим потенциалом для органов власти.

Актуализация проблемы изучения социальных оценок у представителей молодого поколения позволяет обратиться к материалам социологических исследований молодежи, проживающей и обучающейся в городе Таганроге [2]. Как отмечает А.Н. Осянин, «Молодость — это период становления жизненных смыслов, выбора целеполагающих ценностей, и совершенно очевидно, что молодое поколение сегодняшних россиян в этом ничем не отличается от предыдущих поколений» [3]. Это обосновывает возможность проведения сравнительного анализа результатов исследований, реализованных за последние несколько лет, и зафиксировать динамику изменений оценок молодежи.

Вышесказанное обосновывает актуальность исследования состояния социальных установок, которые регулярно исследуются в молодежной среде города Таганрога. В частности, результаты исследований, которые проводились в г. Таганроге в студенческой среде Инженерно-технологической академии Южного федерального университета, позволили выявить динамику оценок молодежи по поводу эффективности государственного управления. Обратимся к сравнению результатов, полученных при реализации проектов в 2016 и 2017 годах. Выборка опрошенных составила в 2016 г. 855 человек, а в 2017 г. — 835 человек. В ходе исследований было проведено социологическое исследование (анкетирование) с целью определения ценностных установок российской молодежи. Объектом исследования выступала социальная группа — молодежь в возрасте до 25 лет. Предмет исследования — отношение молодежи к качеству своей жизни и эффективности деятельности органов власти.

В ходе проведения анализа динамики социальных оценок молодежи использовался

индексный метод, подразумевающий обработку полученных на основе порядковой шкалы первичных данных. Расчет индекса предполагает нахождение разницы между долей респондентов, дающих положительные оценки, и долей тех, кто дает негативные ответы. Данный индекс позволяет характеризовать социальное отношение конкретной группы респондентов и проводить сравнительный анализ динамики полученных данных. Индекс рассчитывался на базе пятизначной порядковой шкалы. Индекс может принимать значение в диапазоне от -100 до $+100$. Если индекс равен « -100 », то это указывает на максимально отрицательную оценку. Индекс, равный « $+100$ », означает максимально позитивную оценку в данной группе.

Эффективность государственного управления предопределяет оценки восприятия молодежью экономической ситуации в стране. В ходе исследований было выявлено, что растет число тех представителей молодежи, кого не устраивает общее состояние российской экономики (если в 2016 году значение индекса $I_{2016г} = -38$, то в 2017 г. $I_{2017г} = -48$). Сравнивая оценки экономической ситуации в регионе за последние 1–2 года, можно сделать вывод о росте числа молодых людей, которые не определились с ответом. Ухудшение ситуации отражает снижение значения индекса $I_{2016г} = -25$, а в 2017 г. $I_{2017г} = -27$. Фиксируемая опросом ситуация демонстрирует небольшое «сползание» оценок в зону «неопределенности».

Вместе с тем на вопрос «Вас устраивает Ваше материальное положение?» респонденты чаще дают положительные ответы (если в 2016 году значение индекса $I_{2016г} = +6$, то в 2017 г. $I_{2017г} = +17$). Это показывает, что удовлетворенность материальным положением среди молодежи несколько выросла.

Однако оценки молодежью удовлетворенности уровнем жизни населения России показывают негативные тенденции. В частности, в 2017 году значение индекса падает по сравнению с 2016 годом ($I_{2016г} = -28$, а в 2017 г. $I_{2017г} = -32$). Это происходит за счет снижения численности группы удовлетворенных уровнем жизни в стране с 26% в 2016 г. до 22% в 2017 г.

Небольшая негативная тенденция фиксируется при анализе динамики оценок мо-

лодежи по поводу эффективности государственного управления страной (значение индекса удовлетворенности по данному вопросу $I_{2016г} = +20$, $I_{2017г} = +16$). Однако в общем представители молодого поколения воспринимают государственное управление в качестве эффективного: почти половина респондентов дала положительные оценки.

Схожим образом молодежь оценивает свою удовлетворенность по поводу положения страны на международном уровне: респондентов, выбирающих положительные ответы, стало несколько меньше (с 51% в 2016 г. до 49% в 2017 г.), а число недовольных немного выросло (с 22% в 2016 г. до 26% в 2017 г.). В результате значение индекса несколько снизилось ($I_{2016г} = +29$, $I_{2017г} = +23$), но остается на достаточно высоком уровне.

Опрос показал, что наиболее широкая зона негативных оценок молодежи локализуется в сфере социальной и правовой защищенности. В частности, оценивая уровень социальной защищенности граждан России, представители молодого поколения разбились на три приблизительно равные группы. Но, если в 2016 году доля позитивных оценок была выше (удовлетворенных было 37%, недовольных 32%, в результате $I_{2016г} = +5$), то доля негативно высказывающихся по данному вопросу выросла до 37% (соответственно значение индекса упало $I_{2017г} = -5$). Анализ данных позволяет зафиксировать снижение удовлетворенности состоянием законности ($I_{2016г} = +20$, $I_{2017г} = +12$), снижение удовлетворенности уровнем безопасности ($I_{2016г} = +28$, $I_{2017г} = +20$). Можно сказать, что молодежь в ходе опроса 2017 года чувствует себя более «незащищенной», чем в 2016 году. Вместе с тем было зафиксировано, что в 2017 снижается численность тех, кто приписывает государству роль опекуна. В частности, в 2016 г. 36% указали, что «государство существует для обеспечения благосостояния граждан», а в 2017 г. с этим мнением согласился только 31%.

Среди эффективных способов защиты своих прав респонденты указывают «обращение в суд» (в 2016 г. 48%, в 2017 г. 43%), «обращение в государственные и иные органы» (в 2016 г. 30%, в 2017 г. 28%). Вместе с этим существенная часть респондентов пытается решать свои социально-правовые

вопросы через «использование личных связей и знакомств» (в 2016 г. 24%, в 2017 г. 26%). Но каждый пятый респондент считает, что «эффективных способов нет» (в 2016 г. 20%, в 2017 г. 18% опрошенных). Возможно, именно это стало причиной того, что подавляющее число опрошенной молодежи (в 2016 г. 74%, в 2017 г. 76%) указало в качестве главной общенациональной цели развития России «обеспечение материального благополучия всех своих граждан».

На уровне муниципального управления оценки респондентов приобретают конкретику. Здесь можно выделить сферы и муниципальные организации, которыми больше всего недовольны респонденты. В частности, для города Таганрога зону негативных оценок можно очертить следующим образом. Больше всего респондентов не устраивает работа следующих организаций:

- организаций, отвечающих за ремонт дорог и тротуаров (указало 53% опрошенных);
- организаций, отвечающих за уборку мусора (45%);
- организаций водоснабжения (39%);
- администрации города (указало 35%);
- организаций, отвечающих за охрану окружающей среды (32%);
- организаций, отвечающих за ремонт жилищного фонда (27%);
- учреждений здравоохранения (26%).

Подобные оценки показывают, по каким направлениям нужно выстраивать систему целеполагания на уровне конкретного муниципального образования.

В ходе исследования было выявлено, что одной из важных проблем при решении задачи повышения эффективности муниципального управления является кадровый вопрос. Это связано с тем, что у опрошенных представителей молодежи много претензий к работе персонала перечисленных выше организаций. В частности, на вопрос «В каких учреждениях имеет место грубое, некорректное обращение с добропорядочными гражданами (в рамках города Таганрога)?» (респондентам предлагалось выбрать не более трех организаций) было указано следующее:

- учреждения здравоохранения (36%);
- администрация города (31% опрошенных);

— организации, отвечающие за уборку мусора (26%);

— организации, отвечающие за ремонт дорог и тротуаров (указало 26% опрошенных).

Помимо этого, респондентов просили ответить на вопрос «В каких учреждениях при работе с гражданами имеет место чрезмерная медлительность персонала, волокита, бессмысленное отнимание значительного времени?» (предлагалось выбрать не более трех организаций). В результате опроса были получены следующие результаты:

— учреждения здравоохранения (42%);

— администрация города (33%);

— организации, отвечающие за ремонт жилищного фонда (26%);

— военкомат (24%).

Данные показывают, что корректирующие мероприятия в стратегии подбора и расстановки кадров могли бы существенно повысить эффективность деятельности данных организаций (прежде всего, в администрации муниципального образования).

Как показали материалы исследования, социологическая поддержка деятельности органов государственного и муниципального управления дает конкретные направления по повышению эффективности их деятельности. Экономическая эффективность, безусловно, играет важную роль в оценке результатов принимаемых решений на уровне государственных и муниципальных органов. Однако именно диагностика удовлетворенности качеством жизни граждан показывает, насколько верно была построена сама система целеполагания. Как указывает Т. М. Дридзе, «благополучие общества определяется

не общим его экономическим богатством и не столько числом заводов и фабрик, школ, больниц, специалистов и пр. (хотя, конечно, и этим тоже), сколько социальным самочувствием его граждан в данный конкретный момент в данном конкретном месте» [4]. В целом проведенное социологическое исследование выявило отрицательные тенденции в отношении молодежи к текущим экономическим и политическим процессам. Зафиксирован незначительный рост негативных оценок по поводу социальной защищенности, экономической ситуации в стране, уровня жизни, уровня состояния законности. Подобные тенденции указывают, что, по мнению респондентов, эффективность управления снижается.

Литература

1. *Щюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. — 1998. — №2. — С. 129–137.

2. *Янкина И. А., Рачина А. В.* Рынок труда и социально-трудовые отношения: оценки молодежи // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2017. — №3 (26). — С. 48–51.

3. *Осянин А. Н.* Проблема выбора молодежью ценностных предпочтений // Социология. — 2005. — №1. — С. 194–196.

4. *Дридзе Т. М.* Прогнозное социальное проектирование в системе управления // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. — М.: Наука, 1994. — С. 200.

Поступила в редакцию

27 июля 2017 г.



Рачипа Андрей Валерьевич — доктор социологических наук, профессор, профессор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного федерального университета.

Rachipa Andrey Valerievich — Doctor of sociological sciences, professor, professor of Department of sociology, history and political science of Southern Federal University.

347928, г. Таганрог, ул. Энгельса, 1, корпус Г, ауд. Г-330
1 Engels st., bld. G, off. G-330, 347928, Taganrog, Russia
Тел.: +7 (863) 469-08-11; e-mail: rachipa@sfnedu.ru



Щербакова Лидия Ильинична — доктор социологических наук, профессор, профессор Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Shcherbakova Lidiya Il'ynichna — doctor of sociological Sciences, Professor, Professor of the South-Russian state Polytechnic University (NPI) named after M. I. Platov.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novochoerkassk, Russia
Тел.: +7 (918) 503-25-95; e-mail: lidia-npi@mail.ru



Янкина Ирина Анатольевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры управления Таганрогского института управления и экономики.

Yankina Irina Anatol'evna — Doctor of sociological sciences, professor assistant, professor of department of Management of Taganrog Institute of Management and Economics.

347900, г. Таганрог, ул. Петровская, 45
45 Petrovskaya st., 347900, Taganrog, Russia
Тел.: +7 (863) 469-08-11; e-mail: I.A.Yankina@rambler.ru